

Федеральное агентство по образованию

**Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования**

**НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Н. А. ДОБРОЛЮБОВА**

**ЯЗЫК.
КУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ.
ТЕКСТ**

Межвузовский сборник научных трудов

Нижний Новгород

2005 год

Печатается по решению редакционно-издательского совета ГОУ НГЛУ
им. Н.А. Добролюбова.

УДК 008:81:81'42(08)

Язык. Культурные концепты. Текст: Межвузовский сборник
научных трудов – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова,
2005 г. – 180 стр.

Редакционная коллегия:

Н.В. Макшанцева, канд. филол. наук, доцент (отв. редактор)

Е.Ф. Глебова, докт. пед. наук, профессор

Л.А. Пекарская, канд. филол. наук, доцент

Е.В. Наумова, канд. филол. наук, ст. преподаватель

Рецензенты:

Л. Рацибурская, доктор филол. наук, профессор ННГУ им. Н.И. Лобачевского,

© Издательство ГОУ НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2005 г.

И.В. Вашунина

**Нижегородский государственный
педагогический университет**

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА ПО ФАКТОРУ «АКТИВНОСТЬ»

В настоящее время во многих печатных изданиях получили распространение тексты с неоднородной структурой, состоящие из вербального текста и иллюстрации. Вербальный текст, сопровождаемый иллюстрацией, из рекламных буклетов шагнул на страницы произведений художественной литературы, учебников, не говоря уже о газетах и журналах. Текст с иллюстрацией может трактоваться как креолизованный текст (КТ), имеющий вербальную и иконическую составляющие. Содержание креолизованного текста не является простой суммой его составляющих. Это комплексное содержание, возникающее в результате восприятия вербального текста и иллюстрации. Прочтение вербального текста вызывает в сознании реципиента определенные образы. При этом формируется содержание вербального текста, которое оторвано от форм языковых знаков и в основном состоит из зрительных образов. При ознакомлении с вербальным текстом читатель обычно находится под влиянием иллюстрации, воспринимая содержащуюся в ней зрительную информацию (есть данные исследований, показывающие, что при прочтении текста с иллюстрацией реципиент сначала рассматривает иллюстрацию, а потом уже читает вербальный текст). Полученная из иллюстрации информация «вплетается» в информацию, содержащуюся в вербальном тексте. Это значит, что зрительные образы, сформировавшиеся в сознании реципиента при прочтении вербального текста, вступают во

взаимодействие со зрительными образами, полученными при восприятии иллюстрации. При определенном совпадении этих образов одни из них поддерживают и укрепляют другие. Однако зрительные образы, возникшие при прочтении вербального текста, могут не совпадать или даже противоречить зрительным образам, полученным при восприятии иллюстрации. В случае противоречия образов может возникать некоторый конфликт. Если зрительные образы не совпадают, то возможно дополнение зрительного образа, сформировавшегося при прочтении вербального текста, за счет информации, почерпнутой из зрительного образа, полученного при восприятии иллюстрации. В любом случае можно говорить об определенном взаимодействии зрительных образов, которое, несомненно, влияет на формирование комплексного содержания креолизованного текста.

Очевидно, что любой рисунок имеет формальную и содержательную стороны.

Содержательная сторона иллюстрации не является предметом нашего рассмотрения. Отметим лишь, что иллюстратор сам выбирает те места (и объекты) вербального текста, которые он считает необходимым отобразить на иллюстрации. Здесь возникает первый пласт дополнительной информации, которую несет созданная художником иллюстрация. Рисуя одни объекты и не рисуя другие (упомянутые в вербальном тексте), иллюстратор в соответствии со своим пониманием подчеркивает важность одних и второстепенность других.

Второй пласт дополнительной информации, содержащийся в рисунке, связан с его графической формой, которая несет в себе дополнительную информацию. Любая графическая форма сама по себе имеет определенное содержание. Она может быть грубой или изысканной, угловатой или плавной, стабильной или «беспокойной», стройной или толстой, тяжелой или легкой и так далее. А. Капр и В. Шиллер считают, что «любое видение

сознательно или неосознанно является восприятием наглядного и поэтому вызывает более или менее сильные эмоции, которые сходятся или расходятся с содержанием книги» [1.С.24]. Рассматривая иллюстрацию, реципиент воспринимает трактовку художника.

Третий пласт дополнительной информации связан с цветовым оформлением рисунка, которое также является графической формой, но рассматривается нами отдельно от формы геометрической. Различают физиологическое и психологическое воздействия цвета. С точки зрения физиологии все люди должны одинаково (хотя, возможно, с разной интенсивностью) реагировать на определенный цвет. Красный цвет является активизирующим и агрессивным. Желтый – волнующим. Оранжевый – излучающим энергию. Синий цвет оказывает успокаивающее действие, а зеленый действует гармонизирующе [2].

Психологическое воздействие цвета связано с существованием цветовых ассоциаций. Ученые выделяют разные виды цветовых ассоциаций: физические (весовые, температурные, фактурные, акустические, пространственные), эмоциональные (позитивные, негативные, нейтральные), этические, географические и другие. Некоторые из этих ассоциаций более универсальны (например, температурные), другие – менее (например, этические ассоциации зависят от культурного пространства, в котором формировалась картина мира реципиента). Ассоциации также имеют связь с предшествующим опытом реципиента, поэтому психологическое, воздействие цвета не является столь универсальным, как физиологическое. И все же возможно говорить о типичной реакции представителей данной культуры на определенный цвет.

В этой связи необходимо отметить тот факт, что «один и тот же цвет может вызывать разные эмоциональные реакции в зависимости от многих факторов» [3.С.43]. Этими факторами являются и длительность

воздействия цвета (есть данные о прямо противоположной по сравнению с первичной оценкой некоторых цветов при их длительном восприятии реципиентом), и размер окрашенной в данный цвет поверхности, и фон, на котором предьявляется определенный цвет.

В настоящее время является общепризнанным утверждение, что предметный цвет воздействует по-иному, чем цветовой образец. Исходя из этого факта можно предположить, что восприятие реципиентами креолизованного текста будет меняться в зависимости от цвета входящей в его состав иллюстрации. Вызывая определенные эмоции и ассоциации, цвет как бы добавляет их к содержанию рисунка. При этом, вероятно, цветовая гамма взаимодействует с геометрическими формами, представленными на иллюстрации. И. Иттен вводит понятие цветовой поддержки формы [4]. По его мнению, наибольшую выразительность красный цвет получает в квадрате, желтый – в треугольнике, синий – в круге, оранжевый – в трапеции, зеленый – в сферическом треугольнике, фиолетовый – в овале. То есть цвета так называемой «теплой гаммы» должны окрашивать угловатые формы, а цвета холодной гаммы соответствуют округлым формам. Иллюстрируя текст, художник может использовать цвета, соответствующие или не соответствующие геометрическим формам, представленным на рисунке.

Рассматривая цветовое оформление иллюстрации, нельзя исключать и такой параметр, как «естественность» цветового оформления. Поясним это понятие. Оно имеет два аспекта. Во-первых, можно говорить о соответствии используемого цвета представлениям реципиентов об объекте. В случае если иллюстрируется конкретный объект цветовое соответствие зиждется в основном на ассоциативной основе (например, лес – зеленый цвет). При попытке изображения абстрактного объекта основа обычно является эмоциональной (например, юность – оранжевый

цвет), что не исключает существования устойчивых ассоциаций (например, смерть – черный цвет).

Во-вторых, соответствующий представлениям цвет может иметь разную степень натуральности (то есть близости к реальному цвету объекта). Если мы представим себе различные оттенки зеленого (от желто-зеленого до сине-зеленого), то лишь некоторые из них могут считаться натуральными для представления объекта «лес».

Учитывая вышесказанное, можно представить себе иллюстрации с различными параметрами. Цветовая гамма иллюстрации может соответствовать или не соответствовать геометрическим формам, быть естественной или неестественной (соответствовать или не соответствовать представлениям реципиентов об объекте, а также иметь разную степень натуральности). Перечисленные параметры в конкретных иллюстрациях выступают в комбинациях: например, естественная (соответствующая представлениям об объекте и натуральная), но не соответствующая геометрическим формам цветовая гамма на иллюстрации, изображающей еловый лес (ломаные, угловатые формы) в натуральных цветах.

Различные параметры иллюстрации должны, вероятно, по-разному (в зависимости от типа текста, от типа иллюстрации), в различной степени влиять на восприятие реципиентами креолизованного текста.

Объектом нашего исследования являлся не цветовой образец, а креолизованный текст, состоящий из вербального текста и иллюстрации. Была сделана попытка выявить колебания в оценках по разным параметрам креолизованного текста при изменении цвета входящей в его состав иллюстрации. Материалом для исследования послужили тексты по различным темам и иллюстрации к ним. На каждую тему было отобрано по три текста: научный, художественный прозаический и художественный стихотворный. К каждому из этих текстов были нарисованы иллюстрации: черно-белая, раскрашенная в реалистичной манере, выполненная в

«минорных» тонах и выполненная в «мажорных» тонах. Иллюстрация, раскрашенная в реалистичной манере, не имела явного преобладания какого-либо отдельного цвета. Кроме того, ее цвета были не искусственные, а как бы «природные», то есть не очень яркие и чистые.

К «мажорным» тонам относятся все оттенки желтого, оранжевого и красного. С сильным преобладанием этих цветов (а иногда и с использованием исключительно их) были раскрашены «мажорные» иллюстрации, а «минорные» – с преобладанием синего, темно-зеленого, фиолетового, серого цветов, лежащих в основе минорных тонов.

Эти креолизованные тексты предъявлялись испытуемым (студентам первого – третьего курсов разных специальностей). Предлагалось оценивать их по семибалльной шкале, состоящей из антонимических пар, которые характеризовали тексты по различным параметрам.

Предполагалось, что оценки креолизованных текстов, имеющих в своем составе по-разному расцвеченные иллюстрации, по некоторым параметрам будут расходиться, что объясняется воздействием цвета на человека. Но цветовое воздействие в рамках иллюстрации в составе креолизованного текста, по нашему предположению, может не полностью совпадать с хорошо исследованным воздействием цветочных образцов. Учеными был замечен тот факт, что существует взаимодействие цвета и окрашенного в него объекта [5]: так, приводится например, результат эксперимента, где испытуемые положительно оценили фиолетовый автомобиль и отрицательно - фиолетовый торт.

Среди нескольких факторов, выделенных при оценке креолизованных текстов, есть фактор «Активность». Шкалами этого фактора являются противопоставления «успокаивающий – возбуждающий», «тихий – громкий», «медленный – быстрый», «расслабленный – напряженный», «усталый – бодрый», «спокойный – тревожный», «вялый – энергичный», «неподвижный – подвижный». Принимая во внимание физиологическое

действие цвета, можно было предположить, что максимум по шкале «активность» покажут креолизованные тексты, имеющие в своем составе иллюстрацию в мажорных тонах. Минимальные показатели должны были дать креолизованные тексты с иллюстрацией в «минорных» тонах или с черно-белой иллюстрацией.

Обратимся к результатам нашего эксперимента.

Анализ данных показал, что положительная или отрицательная оценка креолизованного текста по фактору «Активность» зависит в основном от содержания вербального текста. Положительные оценки получают креолизованные тексты, в вербальной составляющей которых ведется динамичное описание действий. Однако в некоторых случаях входящая в состав креолизованного текста иллюстрация может менять знак оценки.

Какие же параметры иллюстрации влияют на оценку испытуемых по фактору «Активность»?

Как и предполагалось, исходя из предшествующих исследований, «активная» цветовая гамма иллюстрации (оттенки красного, желтого, оранжевого цветов) в основном приводит к повышению оценки по исследуемому фактору. Однако максимальные оценки испытуемых не всегда приходятся на креолизованные тексты с иллюстрацией в «мажорных» тонах (приблизительно в 60% случаев). Мы предположили существование еще каких-то параметров, которые должны наличествовать при оформлении иллюстрации в мажорной цветовой гамме, чтобы креолизованный текст с этой иллюстрацией получал максимальные оценки по фактору «Активность».

Анализ случаев максимальных оценок показал, что одним из параметров является соответствие мажорной цветовой гаммы острым, угловатым геометрическим формам. Второй параметр - это соответствие цветовой гаммы выразительной стороне вербального текста.

Основной предпосылкой минимальной оценки испытуемыми КТ по фактору «Активность» является использование при иллюстрировании неактивной цветовой гаммы. Однако при соответствии цветовой гаммы содержанию вербального текста креолизованные тексты с иллюстрациями в «неактивных» цветах могут получать максимальные оценки. В качестве примера можно представить себе изображение драматических событий при помощи мрачного фиолетового, ядовито-зеленого цветов. Отдельные вкрапления, например, желтого или бордового, значительно усиливают эффект.

Если активная цветовая гамма не поддерживает форму (то есть на иллюстрации представлены не «активные» острые, а «пассивные» округлые формы) и не соответствует содержанию, то креолизованный текст также может получать минимальную оценку.

Максимальные оценки креолизованных текстов могут объясняться следующими факторами:

- 1) «активная» цветовая гамма иллюстрации (7% случаев);
- 2) «активная» цветовая гамма иллюстрации, соответствующая геометрическим формам (36%);
- 3) «активная» цветовая гамма иллюстрации, соответствующая выразительной текста (7% случаев);
- 4) «неактивная» цветовая гамма иллюстрации, соответствующая содержанию текста (43%);
- 5) «активные» геометрические формы (7% случаев).

Минимальные оценки креолизованных текстов могут объясняться следующими факторами:

- 1) «неактивная» цветовая гамма иллюстрации, соответствующая «пассивным» формам (53% случаев);
- 2) «неактивная» цветовая гамма иллюстрации, не соответствующая «активным» формам (41% случаев);

3) «активная» цветовая гамма иллюстрации, не соответствующая геометрическим формам и содержанию текста (6% случаев).

Как показали результаты эксперимента, большая часть случаев максимальных оценок приходится на креолизованные тексты с иллюстрациями в «активной» гамме и/или с активными геометрическими формами. Однако же использование при иллюстрировании мажорной цветовой гаммы не является единственным способом добиться для КТ максимальных оценок. Если «неактивная» гамма соответствует содержанию вербального текста, то КТ также может получать высокие оценки по фактору «Активность».

Почти все случаи минимальных оценок приходятся на иллюстрации в «неактивной» гамме.

Анализ результатов показал, что нет никакой связи между стилем вербального текста и выбором испытуемых в качестве минимального или максимального одного из вариантов КТ.

Если попытаться проследить зависимость оценки КТ от манеры исполнения иллюстрации, то можно отметить, что большее число пиков приходится на КТ с фантастическими иллюстрациями. Это объясняется, вероятно, большими изобразительными возможностями, которые таит в себе нереалистическая манера исполнения.

Зависимость оценки КТ от пола реципиента, то есть разделение оценочных параметров на «мужские» и «женские», не прослеживается. Однако необходимо отметить, что конкретные креолизованные тексты оцениваются мужчинами и женщинами по-разному. Одинаковые пики оценок у испытуемых только по группам научных текстов. Во всех остальных случаях мужчины и женщины дают минимальные и максимальные оценки различным креолизованным текстам, руководствуясь при этом разными параметрами. В отдельных случаях один и тот же креолизованный текст может оказаться на полярных пиках оценок.

Если попытаться прогнозировать пики положительных и отрицательных оценок для креолизованных текстов с разными иллюстрациями, то можно утверждать, что креолизованный текст с фантастической иллюстрацией будет оценен испытуемыми максимально или минимально с большей вероятностью, чем креолизованный текст с реалистической иллюстрацией. Предпосылкой высокой оценки креолизованных текстов по фактору «Активность» является использование цветов «активной» мажорной гаммы при иллюстрировании. При этом лучше, если мажорная гамма поддерживает геометрию рисунка и не противоречит содержанию вербального текста.

Не исключено получение КТ максимальной оценки и при использовании «неактивной» гаммы. Цвета при этом не должны быть «пассивными» (блеклыми, светлыми), а напротив, насыщенными, яркими, возможно, даже негармоничными. При негармоничном сочетании ярких цветов создается некоторое напряжение, которое может повышать оценку по фактору «Активность». Однако нужно иметь в виду некоторые обстоятельства. Во-первых, почти все минимальные пики оценок приходятся на КТ с иллюстрациями в «неактивной» цветовой гамме. Во-вторых, что, особенно важно, использование различных геометрических форм, цветовых гамм и сочетаний практически неизбежно ведет к изменению оценок реципиентов не только по фактору «Активность», но и по другим факторным структурам (например, по факторам «Комфортность восприятия», «Оценка содержания» и другим). То есть автор, иллюстрируя определенным образом вербальный текст, в любом случае как-то меняет его в восприятии реципиентов.

Результаты нашего эксперимента показывают, что фактор «Активность» положительно связан с факторами «Оценка выражения» (у всех реципиентов), «Оценка содержания» (у мужчин), «Сила» (у женщин). Это значит, что повышение оценки креолизованного текста по фактору «Активность» (т.е. если текст воспринимается как более «возбуждающий»,

«громкий», «быстрый» и т.п.) может сопровождаться повышением оценки по фактору «Выражение» (т.е. текст будет восприниматься как более «выразительный», «интересный», «привлекательный и т.п.), мужчинами по фактору «Содержание» (текст воспринимается как более «содержательный», «логичный», «конкретный» и т.п.), женщинами по фактору «Сила» (т.е. текст будет восприниматься как более «сложный», «большой», «глубокий» и т.п.).

Библиографический список

1. Kapr A., Schiller W. Gestalt und Funktion der Typografie. – Leipzig, 1977.
2. Riedel I. Farben in Religion, Gesellschaft, Kunst und Psychotherapie. – Stuttgart, 1999.
3. Урванцев Л.П. Психология восприятия цвета. – Ярославль, 1981.
4. Иттен И. Искусство цвета. – М., 2000.
5. Осгуд Ч., Суси Дж., Танненбаум П. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам// Семиотика и искусствометрия. М., 1972. – С. 278 – 297.

M. Guiraud-Weber (Франция)

Université de Provence

Aix-Marseille I

ВОСПРИЯТИЕ ВРЕМЕНИ РУССКИМИ И ФРАНЦУЗАМИ

1. Восприятие времени человеком, по-видимому, неотделимо от развития сознания в целом. Человечество всегда интересовалось понятием времени. Паскаль полагал, что оно относится к категории вещей, которые не могут быть определены и даже не нуждаются в определении. И лишь

недавно время получило точное научное определение. К сожалению, оно мало что дает лингвистам, поскольку, как известно, язык является зеркалом многовекового опыта человечества и отражает в себе нерациональные или научные представления, а то, что сейчас часто принято называть «наивной картиной мира».¹ Понятие времени по-разному понимается представителями разных культур.

В индоевропейских языках, к которым относится и русский, эти расхождения затрагивают прежде всего глагольную систему, которая кодирует временной поток и отражает его различную сегментацию. Эти языки различаются, в частности, количеством и функционированием грамматических времен, а также большей или меньшей центральностью и степенью грамматикализации аспектологических характеристик ситуации. Видо-временные системы русского и французского языков являются яркими представителями двух противоположных полюсов. В данной работе мы предлагаем остановиться прежде всего не на грамматических аспектах данной проблемы, а на некоторых хорошо известных лексических явлениях, которые мы прокомментируем с точки зрения различий восприятия времени в русском и французском языках.

2. Первый вывод, который напрашивается при попытке анализа русских выражений, относящихся к времени, состоит в том, что восприятие времени у носителей русского языка кажется более свободным и менее структурированным, чем то, которое закреплено в соответствующих французских выражениях. Это относится, с одной стороны, к обозначению единиц времени, а с другой - к делению дня на значимые для данного языкового сообщества отрезки.

Хотя в России и во Франции действует одна и та же официальная система единиц времени, включающая час, день, неделю, месяц и год,

¹ Понятие, разработанное Ю. Д. Апресяном (Апресян 1995/11: 348-388).

русским² свойственно прибегать по мере возможности к более крупным временным единицам. Так, русский язык располагает специальным словом *сутки*, тогда как по-французски та же единица времени обозначается как «24 часа» (*24 heures*), т. е. с помощью единиц низшего уровня. Следующая «неразложимая» единица времени в русском языке - это неделя. Французы тоже используют слово *semaine*, но охотно обозначают тот же отрезок времени как «7 дней». Там, где русские скажут *через две недели*, для француза естественно сказать «через 15 дней» (*dans 15 jours*). Период, который по-французски обозначается как «декада, 10 дней» (*décade, 10 jours*), в русском называется *полторы недели*. Как видно из этих примеров, носители русского языка предпочитают дробить более крупные единицы, чем использовать единицы низшего уровня. То же самое наблюдается и для более длительных отрезков времени. Возраст маленького ребенка во французском языке обычно исчисляется в месяцах: 6 месяцев, 12 месяцев, 18 месяцев (такие обозначения используются, в частности при обозначении размера детской одежды). В России принято говорить, что ребенку *полгода, год, полтора года*. Те же выражения будут использоваться и в других контекстах. Возможно, что разработка знаменитых пятилетних планов (в отличие от более стандартных годовых прогнозов и итогов), а также соответствующее советское слово *пятилетка* отражают ту же тенденцию к укрупнению временных единиц.³

3. Деление суток на значимые отрезки и соответствующее распределение часов также различно в русском и французском языковых сообществах. Во французском языке день начинается с первым часом после полуночи, поскольку французы говорят «час утра» (*une heure du matin*), «два часа утра» и так далее до одиннадцати. Утро (*la matinée*)

² Здесь и далее слово «русские» следует читать как «носители русского языка», а «французы» - как «носители французского языка метрополии».

³ Соответствующее французское слово *quinquennat* стало широко употребляться именно в применении к советским реалиям. В настоящее время оно стандартно обозначает пятилетний президентский мандат.

продолжается, таким образом, до полудня. *Midi* (от древнефранцузского *mi* - «половина» и латинского *dies* - «день»), как и русское *полдень*, представляет собой самостоятельную лексему и обозначает центральную точку, вокруг которой строится день. Время, следующее непосредственно за этой точкой, называется в стандартном французском «послеполуденными часами»: *une heure de l'après-midi* «час пополудни», *deux heures de l'après-midi* «два часа пополудни» и так далее до 17 часов. Относительно 18 часов наблюдаются некоторые колебания: для большинства это уже «шесть часов вечера» (*six heures du soir*), но для некоторых еще «шесть часов пополудни» (*six heures de l'après-midi*). Как правило, в это время заканчивается рабочий день, назначаются деловые или дружеские свидания, и чаще всего оно обозначается просто как «шесть часов», поскольку вряд ли кому-либо придет в голову соотнести эти социальные события с утренними часами. То же самое верно и для предшествующих часов: прагматический контекст обычно делает излишним уточнение их соотнесенности с послеполуденным временем. После шести часов наступает вечер, который продолжается до полуночи. Слово *minuit* «полночь» в такой же мере самодостаточно, что и «полдень». В отличие от слова *midi* оно этимологически совершенно прозрачно и значит «середина ночи». В то же время полночь - это конец дня, поскольку по логике вещей вечер еще является частью дневного времени. Таким образом, при часовом обозначении времени в стандартном французском языке ночь сокращена до одного часа, заключенного между 23:30 и 24:30 (тогда как, рассуждая логически, на ее долю должно было бы приходиться 12 часов, поскольку сутки делятся на день и ночь). После этого наступает утро, т.е. новый день. Иными словами, хотя ночь существует и противопоставляется дню (по-французски точно так же, как и по-русски, можно «просидеть всю ночь за компьютером» - *passer toute la nuit a l'ordinateur*), она не делится на часы, ср. **deux heures de la nuit*.

В русском языке дневное время также длится дольше, чем ночное, но все же ночь устранена не полностью: полночь является концом дня и началом ночи, которая длится до 4 часов утра. В промежутке помещаются *час, два и три часа ночи*. Утро в русском языке длится до 11 часов включительно. После полудня наступает собственно день, ср. *12 часов дня, час дня* и т. д. до 16 часов. Тем самым в данном употреблении слово *день* довольно точно соответствует французскому *après-midi* (хотя и охватывает более короткий промежуток времени). С 17 до 23 часов у русских вечер: *пять часов вечера* и т.д.

Как видно, разделяя сутки на часы, французы игнорируют ночь, а для русских как бы не существует специально выделенного послеполуденного времени. Это обстоятельство неоднократно отмечалось, в частности, переводчиками, которые сталкиваются с трудностями при переводе существительного *après-midi*. Иногда они прибегают к выражению *после обеда*, относящемуся к дневному приему пищи. Как известно, однако, обед у русских может в зависимости от привычек и ситуации происходить в любое время между 13 и 17 часами, поэтому точность этого выражения оказывается весьма относительной. В других случаях, когда нужно противопоставить первую и вторую половину рабочего дня, разделенные обеденным перерывом, русские используют слова *утро* и *вечер* (и образованные от них прилагательные), что находится в явном противоречии с тем, как эти слова употребляются при указании часа. Так, врач может принимать *утром* (до 14 часов) и *вечером* (после 14 часов), ср. также *утренние и вечерние часы приема*. Точно так же на конференциях бывает *утреннее и вечернее заседание*, тогда как французы скажут *séance du matin* и *séance de l'après-midi* - н «утренний и послеполуденный сеанс» (Зализняк, Шмелев 1997: 238). Помимо этого, существуют довольно расплывчатые понятия *первая и вторая половина дня*.

4. Другое заметное расхождение между русским и французским языками относится к обозначению в бытовом языке 12 и 24 часов. Как мы видели, французский язык охотно прибегает в данном случае к лексемам *midi* и *minuit*. Их точные русские эквиваленты *полдень* и *полночь* имеют довольно ограниченное употребление в современном русском языке. Обычно эти часы получают такое же цифровое обозначение, как и все остальные, и называются *двенадцать часов дня* и *двенадцать часов ночи*. Лексемы *полдень* и *полночь* состоят из двух частей, которые обе склоняются. При этом наблюдаются колебания в формах косвенных падежей, и носители языка испытывают некоторые трудности в использовании этих лексем. Образованные от них наречные дериваты *пополудни* и *пополуночи* являются архаизмами, да и употребление самих существительных маркировано поэтическими, стилизованными под старину, или переводными текстами.

Для носителя французского языка *midi* «полдень» является выделенной точкой. Граница между утром и следующими за ним часами приобрела во французской культуре важные коннотации. В сознании же носителей русского языка 12 часов дня никак не выделены. Это различие имеет важные последствия. Во-первых, с этим связано отсутствие специального термина и, следовательно, понятия для послеполуденного времени в русском языке. Кроме того, во франкоязычном культурном пространстве полдень практически обязательно соотносится с перерывом социальной и трудовой активности, с отдыхом в середине дня и, соответственно, с приемом пищи. Это глубоко укоренившаяся привычка, которая возведена в ранг традиции. Трапеза, которая происходит обычно между 12 и 14 часам дня, называется часто *le repas de midi* - «полуденная трапеза». В традиционных ресторанах (которых большинство) пообедать можно только в эти часы. Надо признать, что в связи с развитием туризма, появляется все больше ресторанов, которые обслуживают без перерыва. С

другой стороны, современный ритм жизни часто заставляет людей менять свои привычки, в частности, ряд крупных магазинов и предприятий обслуживания переходят на рабочий день без перерыва. Однако обеденный перерыв именно в эти часы остается обязательным для административных и учебных учреждений, а также для большинства предприятий и магазинов. В любом случае в 12 часов люди всегда делают небольшой перерыв, чтобы съесть хотя бы сэндвич и выпить кофе. Отметим также, что с 12 до 14 часов не принято беспокоить людей звонками. Это резкое замирание жизни во Франции одновременно часто поражает гостей из России, у которых обеденный перерыв, во-первых, не всегда обязательно практикуется, во-вторых, обычно начинается не ранее 13 часов и длится не более часа (как правило, с 13 до 14 или с 14 до 15 часов). В учебных заведениях такого понятия вообще не существует: в зависимости от расписания люди находят время перекусить или пообедать в самое разное время. Тем самым создается впечатление, что для русских еда вообще не так важна, как для французов. Например, в русском языке не существует нейтрального термина, соответствующего французскому слову *repas*. Переводчикам приходится выбирать между тремя наименованиями основных трапез - *завтрак, обед, ужин*. В медицине используется термин *прием пищи*, а слово *трапеза*, которую мы вынуждены употреблять в данной работе, стилистически маркировано как архаизм с церковными коннотациями. Тем не менее, мы не стали бы категорично утверждать, как это делают Анна Зализняк и Алексей Шмелев (Зализняк, Шмелев 1997: 237), что именно привычка принимать пищу в 12 часов дня и определяет всю структуру дня французов (и прочих европейцев). Нам кажется, что спорно звучит и противоположное утверждение: не прием пищи определяет полуденный перерыв, а, наоборот, привычка делать паузу в работе в 12 часов дня позволяет принять пищу. Как бы то ни было, в сознании французов эти два события тесно связаны, и общий вывод

Зализняк и Шмелева остается верным: день французов структурирован делением на часы. Наоборот, вследствие того что в русском языке отсутствует такой ориентир, как полдень, создается впечатление, что день у русских более длинный, а время течет как бы медленнее.

5. Подведем некоторые итоги. Как мы видели, русские предпочитают более крупные временные единицы, даже если им приходится прибегать к дробям. С этим связан тот факт, что, деля сутки на значимые части, они довольствуются противопоставлением дня и ночи, с одной стороны, и утра и вечера, с другой. Французы, для которых естественны более мелкие временные единицы, выделяют еще одну значимую часть активного дня,, послеполуденное время. Ни французы, ни русские не делят ночь на значимые части, видимо, потому, что ночь не предназначена для социальной деятельности. Возможно, что такое особое отношение к ночи должно отражаться и в других культурах и языках.

Любопытно, однако, что в отличие от русского языка французское слово *nuit* «ночь» не используется для определения часов, кроме как в составе слова *minuit*. Слово «ночь» оказывается тем самым более периферийным, чем в русском языке, как если бы французы старались вытеснить из своего сознания все то, с чем ассоциируется ночное время: темноту, иррациональность, негативное начало - словом, все то, о чем трудно или непринято говорить. Русские же, которые, если верить их литературе, не отличаются ни рациональностью, ни позитивным отношением к жизни, не разделяют французского отношения к ночи.

6. Посмотрим, наконец, как эти лексические данные соотносятся с грамматическими данными в обоих языках. Видовременные системы русского и французского языков хорошо описаны. Ниже мы только напомним их основные характеристики.

Французский язык характеризуется большим количеством грамматических времен, которые позволяют локализовать ситуацию на временной оси либо абсолютно, либо относительно, т.е. по отношению к другой ситуации. Описывая систему французских времен, лингвисты иногда прибегают к метафоре с целью подчеркнуть ее богатство и сложность. Так, Гюстав Гийом говорил об «архитектуре времени» во французском языке (Guillaume 1984: 184 и далее). В русском существует только три грамматических времени в индикативе (настоящее, прошедшее и будущее), тогда как другие наклонения вообще не имеют противопоставления по временам. Тем самым французский язык принципиально отличается от русского: в нем существуют временные формы, служащие для относительной локализации события как в прошедшем, так и в будущем времени (*plus ce que parfait, passé antérieur, futur antérieur*), в нем временные противопоставления наблюдаются не только в индикативе, но и в других наклонениях, однако он не располагает специфическими видовыми формами. Богатая временная система французского языка позволяет точно структурировать время, представляя его в виде упорядоченных сегментов. Однако она не позволяет увидеть событие изнутри в его временном развитии. В русском же все наоборот: время как бы течет свободно, на него не наложено жесткой сетки в виде грамматических времен. Однако, благодаря грамматическому виду, на передний план выходит продолжительность события и его фазы. Русский вид не служит для локализации события на временной оси, зато позволяет его увидеть в развитии, учитывая такие факторы, как длительность, начало, развитие и окончание. Таким образом, внешние временные ориентиры оказываются менее значимыми для носителя русского языка: его интересует не столько объективное, внешнее время, сколько собственный субъективный опыт, который складывается из тех или иных событий, соотносящихся с моментом речи. Тем самым, тенденция

структурировать и дробить время, свойственная французскому и другим европейским языкам, оказывается чуждой русскому, который отдает явное предпочтение видовым отношениям.

Итак, мы можем констатировать, что в области восприятия времени во французском и русском языковом сообществе лексические данные согласуются с данными грамматическими.

7. Многочисленные временные формы во французском языке, по выражению Паскаля Брюкнера, представляются как «мелкие клетки, на которые разграфлено время». С одной стороны, это строгая организация действует как бы успокоительно, позволяя человеку чувствовать себя хозяином своего времени. С другой стороны, она плохо совместима с неожиданностями и спонтанными поступками. День, поделенный на малые отрезки, оставляет мало места для фантазии и незапланированных действий. Он создает впечатление быстро текущего времени, вызывает стресс и тревогу. Русская система вызывает ощущение большей свободы, она более благоприятна для фантазии, но также для бесцельного времяпрепровождения и беспорядка. Время в русскоязычном пространстве течет неторопливо и плавно, его медлительность граничит иногда со скукой. Эта скука, эта сонливость времени, так хорошо описанная Гоголем, Гончаровым и Чеховым, является оборотной стороной его избытка и способствует расточительству. Русские щедро распоряжаются своим временем. Иностранец наблюдатель часто отмечает, что русские более расположены к общению, что они на удивление терпеливы в отношении своей часто медлительной и нерасторопной администрации, что они снисходительно относятся к опозданиям⁴, что они не так уж спешат выполнять поставленные перед собой задачи. Это позволяет

⁴ Проводя сравнения формул вежливости в русском и немецком языках, Рената Ратмайр отметила, что объявление об опоздании поездов или самолетов в России никогда не сопровождается извинениями, как если бы опоздание было совершенно естественным явлением, не зависящим от воли человека. (Ratmayr1997).

сделать вывод, что русские не боятся терять время, как если бы его запасы были безграничны⁵. Критики говорят в связи с этим, что русские беспечны и безответственны, поклонники России видят в этом проявление русской души, мы же предпочитаем говорить об особой концептуализации времени, которое оказывается более статичным и менее структурированным, чем у европейцев.

На основе анализа всего лишь одного французского наречия *toujours* «всегда, по-прежнему», использованного в качестве дискурсивной слова, Освальд Дюкро показал, что французы умеют извлекать максимальную выгоду из любой ситуации, даже неблагоприятной, довольствуясь малым, о чем свидетельствует плохо переводимое на русский выражение «*c'est toujours ça*»⁶ Мы надеемся, что предложенный нами анализ некоторых лексических единиц, позволил показать, что восприятие времени в русском языке в какой-то степени отражает своеобразное искусство жить *a la russe*.

К. Г. Голубева

**Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова**

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ЭТНОСА

Язык может являться важнейшим фактором в формировании отношения к тому или иному объекту действительности. Определенные

⁵ Сходным образом русские относятся и к пространству. В Западной Европе им не хватает *простора* - свободного, ничем не ограниченного пространства. Это понятие не нашло своего лексического выражения в западноевропейских языках.

⁶ Ближайший русский эквивалент этого выражения – «И на том спасибо».

языковые средства способны повлиять на то, как воспринимается реальность индивидом.

Слово может являться символом, но символ содержит в себе больше информации, чем обычное слово: он опирается на более древний арсенал воздействия, на то, что уже оказывало влияние на наших предков в качестве эффективного инструментария.

Символы аккумулируют человеческий опыт, отмечая его ключевые моменты. Мир устроен по аналогии периодических повторов событий, восходящих к прасобытиям. В этом циклическом круговороте только слова являются элементами, принадлежащими всем временам. Слова несут на себе эту печать времен, выступая в роли связующего (скрепляющего) звена между разными историческими периодами [1.С.155]

Символы представляют собой важнейшую часть мифов, выступающих в роли «банка данных», из которого черпаются все серьезные идеи и цели. Даже если не признавать существования определенных архетипов, следует согласиться с тем, что в рамках каждой культуры определенный набор сюжетов имеет высокую степень повторяемости и новый сюжет возникает с опорой на них.

Мифологемы интересны тем, что воспринимаются как данность, без проверки на истинность. Как подчеркивает Г.Г. Почепцов, присоединение к мифам позволяет резко усилить эффективность сообщений [1.С.57].

Э. Кассирер посвятил свою работу «Сила метафоры» [2] исследованиям дологического мышления, отложившегося в языке, мифологии, религии, искусстве. Он исходил из мысли о целостности человеческого сознания, объединяющего различные виды мыслительной деятельности, и из необходимости сопряженного изучения как их генезиса, так и общей структуры. В языке выражены, полагал Кассирер, как логические, так и мифологические формы мышления. Рефлексы мифологических представлений о мире он искал в метафоре.

Символика, которую мы находим в языке, мифологии, искусстве, религии, логике, математике и т.п., по сути открывает исследователю доступ к сознанию. Способность к символической репрезентации содержательных категорий составляет уникальное свойство человека, противопоставляющее его животным.

Из тезиса о внедренности метафоры в мышление была выведена новая оценка ее познавательной функции. Необходимо отметить моделирующую роль метафоры, которая не только формирует представление об объекте, но и репрезентирует способ и стиль мышления о нем. Особая роль в этом принадлежит базисным метафорам, задающим ассоциации между различными системами понятий и порождающим более частные метафоры. В этом смысле показательна роль когнитивной метафоры как средства воздействия на общественное мнение в рамках политического дискурса.

Под политической метафорой понимаются все образные построения, имеющие в качестве когнитивной основы уподобление объектов, относящихся к разным областям онтологии, или типам [З.С.136].

Политическая и социальная ситуация в Великобритании такова, что ее регионы, объединенные общим (кельтским) прошлым (Шотландия, Северная Ирландия и Уэльс), стремятся к сохранению национальной идентификации и подчеркивают свое отличие от всего «английского». В этом отношении интерес представляет то, каким способом различные этнические сообщества представляют друг друга и какую роль когнитивная метафора играет в создании образа «чужого».

В связи с тем, что в настоящее время идея национальной идентификации становится актуальной в пределах всего мирового сообщества, встает вопрос о том, в чем заключается самобытность того или иного народа. Данный вопрос особенно важен в многонациональных государствах, где этносы сосуществуют в течение долгих веков и имеют долгую историю конфликтов и военных противостояний.

В британских и американских газетных публикациях и журнальных статьях, посвященных теме ирландского, шотландского и валлийского национализма и этнической идентификации, в соответствии с политическими убеждениями авторов, создаются образы целого этноса или отдельных его представителей. В подобных публикациях отражена политическая борьба и разногласия между официальными британскими властями и радикально настроенными представителями регионов, стремящимися к большей независимости, а в некоторых случаях и к полному отделению от Англии.

В политической риторике авторы прибегают к символическим метафорическим, а также метонимическим представлениям, близким массовому сознанию. Ситуация межэтнического взаимодействия репрезентируется с помощью терминов военного противостояния; широко эксплуатируется мифическое представление о герое и злодее, который находит свое обоснование в общем культурном и историческом прошлом англичан и кельтов.

На основании изученных статей, взятых из современных публицистических изданий Великобритании и США, возможно установить, что определенное политическое противодействие двух сторон (шотландцы и англичане, ирландцы и англичане, валлийцы и англичане) привело к тому, что каждая из сторон создает образ «врага» для уменьшения силы противника и оправдания/продвижения своих политических взглядов.

Так, со стороны SNP (шотландской националистической партии) культивируется идея о том, что Англия – это враг, агрессор, а Шотландия – жертва. Например:

“It may be regarded as the banter of friendly rivalry but the Scottish view of the English as *"the auld enemy"* may conceal deeper racist tendencies...” (The Independent, June 29, 1999).

“The MPs placed the lion's share of the blame on the Scottish National Party. It stoked the fires with weasel words and coded references to the English. It went along with the violent football terrace rhetoric and **the equation of Englishness with evil and effeteness**. The **Braveheart phenomenon**, the painting of Scots as **victims** of English **rapaciousness**, was a major and deliberate theme of SNP policy, they claimed.” (New Statesman (1996), August 14) – Свою риторику Шотландская Националистическая Партия основывает на феномене «Храброго сердца» сравнивая все английское со злом и упадком. Таким путем образ англичан сопоставлялся с образом **врагов, захватчиков**, а жители Шотландии были представлены как их **жертвы**.

Использование метафоры, особенно в текстах СМИ, служит целям тех или иных политических групп, которые пытаются сформировать общественное сознание, отношение к определенной ситуации в политической жизни общества, так как важнейшая цель политического дискурса – завоевание и удерживание власти [4.С.10].

Силу метафоре дает именно взаимодействие между разнородными смыслами, которые она символически сопрягает в целостную концептуальную схему, и успешность, с какой данное сопряжение преодолевает внутреннее сопротивление, обязательно возникающее у всякого, кто воспринимает эту семантическую противоречивость [5].

Политическая метафора, апеллируя к фонду общих знаний, создает у партнеров по коммуникации общую платформу, опираясь на которую субъект речи может более успешно вносить в сознание адресата необщепринятые мнения [3.С.235].

Метафора обычно рассматривается как видение одного объекта через другой. Явление (концепт) может осмысляться в терминах метафоры [6.С.30]. В когнитивных процессах сложные, непосредственно ненаблюдаемые мыслительные пространства соотносятся через метафору с

более простыми, хорошо знакомыми мыслительными пространствами (например, экономические и политические события сравниваются с играми, спортивными соревнованиями, производственные конфликты - с войной и т.д.) [9].

Обыватель, как правило, не является экспертом с независимым мнением в данной сфере, и метафора помогает «увеличить объем знаний относительно слабо понимаемой области путем переноса дополнительной информации из более известной ситуации» [7.С.139].

Исследования политического языка показывают, что общественный диалог в значительной мере военизирован, что связано с милитаризацией общественного сознания [8].

Примечателен тот факт, что риторика, отражающая противостояние националистических партий и официальной правящей партии Великобритании, складывается из **военных терминов**:

“Plaid, whose roots lie in *defending* the Welsh language, was less protest-orientated, but in 1999 it still picked up Labour voters upset by Tony Blair's interference in Welsh politics.” (The Economist (US), May 10, 2003) – Одной из основных причин основания националистических партий была **защита** национальной идентификации, а в частности **языка**.

“As English becomes a global language, and smaller languages are **exterminated** by the growing world culture, his attempt to forge a useable, complex written Scots, looted from archaic dictionaries, appears **quixotic** at best.” (New Statesman (1996), May 3, 1999) – В связи тем что английский стал глобальным языком общения, менее распространенные языки **истребляются**, а попытка восстановить шотландский видится как **борьба с ветряными мельницами**.

And here's an irony. As a new Wales begins to find itself politically, yr hen iaith faces what is perhaps its last decline. After a thousand years of

successful *struggle, fighting off* all the imponderable challenges that its enormous English neighbour has posed down the centuries, the language is approaching terminal crisis--and *at the hands*, after all, of the English.” (Spectator, August 31, 2002) - Ирония заключается в том, что после тысячи лет успешной **борьбы**, когда валлийцы смогли **противостоять** всем вызовам со стороны могущественного соседа, именно в настоящее время валлийский язык переживает период наибольшего упадка, и его сохранение зависит от попечения (в том числе и финансового) англичан.

“At first sight, both of the Celtic fringe parties appear to be *struggling* to make headway.” (The Economist (US), May 26, 2001) – «На первый взгляд, обе партии кельтской окраины **борются** за продвижение вперед». Речь в данном отрывке идет о Plaid Cymru, валлийской националистической партии и SNP, Шотландской Национальной Партии, которые стараются (**борются**) привлечь как можно больше внимания прессы во время предвыборного ажиотажа.

“The English and the Scots fought many battles, much of Scotland's history was concerned with an equally important struggle, the **struggle for social and political dominance** between the Lowland and the Highland cultures. In this struggle the English gave considerable assistance to the Lowlanders, with whom they had much in common, sharing not only the same religion but virtually the same language. After 1745, and the final defeat of the Jacobites, the determination of the English and the Lowland Scots to **neutralize Celtic culture in Scotland** is quite evident from their policies in dealing with the Highlands (*Contemporary Review*, Nov 1994) – Речь в данном отрывке идет о политическом и социальном **противоборстве** между высокогорной Шотландией и равнинной Шотландией, поддерживаемой англичанами, вследствие общности религии и языка. Англичане и жители равнинной

Шотландии в своих политических стратегиях стремились «нейтрализовать кельтскую культуру в Шотландии».

“It is the principal **cockpit** for the **unresolved struggle** between the **forces** of British unionism and of Irish republicanism, and its first importance is that it **keeps the struggle** within a less violent framework than it has been for most of the past 30 years. (The Economist (US), Jan 4, 2003) – «Ирландия является своеобразным **местом сражения** между силами британского юнионизма и ирландского республиканизма, хотя и не происходит в столь насильственной форме, как все последние 30 лет».

“Scotland's nationalists have a new leader and a **fresh strategy**” (The Economist (US), Sept 30, 2000) – «Шотландские националисты имеют нового лидера и свежую **стратегию**».

“Unfortunately for the Nationalists, stage one never happened. Now, with the election of a new party leader, John Swinney, Scottish nationalism is moving into a new phase of **subtler tactics**”(там же) – С выбором нового лидера, Джона Свинни, шотландский национализм продвигается в фазу более мягкой (не включающей однозначную победу в планах).

“Conservative's critical response had its origins in the party's 1992 general election campaign, with John Major's rallying cry **to defend** the Union 'from within and without' and burst into prominence in early 1995 as Major **attacked Labour's support** of devolution.” (Regional Studies, Oct 1996). – Мейджер **атаковал** лейбористов за их поддержку деволюции, призывая защитить союз изнутри и за его пределами.

“The Tories' **strongest weapon** is the real and growing doubt about whether Scotland can afford either devolution or independence” (там же). –

«Сильнейшее **оружие** тори – это сомнение в том, что Шотландия может позволить себе деволюцию (передачу административных функций, например) или независимость».

“THE referendum campaign in Wales may be over, and the Welsh assembly secured, albeit by the tiniest of margins (just 50.3% voted Yes and only 51.3% of the electorate bothered to vote at all), but **the government's battle to convince** the Welsh, and indeed parts of the Welsh Labour Party, that they have done the right thing is just beginning.” (The Economist (US), Sept 27, 1997, **Winning the peace: Wales**) - Статья, озаглавленная «Сражение за мир в Уэльсе» анализирует итоги референдума в Уэльсе, в результате которого с небольшим перевесом голосов была выбрана валлийская законодательная ассамблея, позволяющая валлийцам решать определенные вопросы независимо от Англии. Однако ее принятие не было поддержано однозначно, и «борьба правительства с целью убедить население в правильности своего выбора только начинается».

Будучи основанной на культурно-национальном мировидении, метафора отражает фундаментальные культурные ценности, а также способна создавать новые концепты в языковой картине мира [9.С.92]. Так, в терминах войны («почтовая война») была описана форма протеста со стороны шотландских ультра-националистов:

“McDiarmid's views saw him kicked out of the SNP in 1934, but other ultra- nationalists continued **to fight the party's democratic ideals** from within. Their fundamentalist **tactics** involved vandalism such as "**the great pillar - box war**" of the 1950s, during which groups sought to prevent the use of the term "Elizabeth the Second" on the grounds that the Queen was not the second Elizabeth to rule Scotland. ER II symbols were blown off post boxes and other official ironmongery.” (The Independent (London, England), March 6, 2002) – МакДиармид – известный шотландский поэт, пропагандирующий

ультранационалистические взгляды. Он был исключен из SNP в 1934 году. В свою очередь его соратники продолжали **бороться за демократические идеалы партии** изнутри. Одной из тактик этой борьбы была **«почтовая война»**, когда срывался символ ER II (Елизавета Вторая) с почтовых ящиков под тем предлогом, что королева не была второй Елизаветой, которая правила Шотландией. Однако любое политическое противостояние описывается в терминах войны. Метафора **«АНГЛИЯ – ВОЕННЫЙ ПРОТИВНИК»** является составной частью более общей когнитивной метафоры **«ПОЛИТИКА – ВОЙНА»**, являющейся универсальным и стереотипным представлением для всего мирового сообщества. Таким образом формируется определенная модель, основанная на метафорах: **АНГЛИЯ – ВОЕННЫЙ ПРОТИВНИК, АГГРЕССОР; КЕЛЬТСКИЕ РЕГИОНЫ – ЖЕРТВЫ; НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ – ОСВОБОДИТЕЛИ**. Обобщенной формулировкой метафор этого типа является **ОБЩЕСТВО ЕСТЬ ЛИЧНОСТЬ** [10].

Подобные метафоры (метафоры персонификации) используются в демагогических аргументативных целях, поскольку целым народам и государствам имплицитно приписывают присущее отдельному человеку единство сознания, воли, целей, интересов и ценностей [З.С.139].

Важно отметить то, что политическая борьба в Великобритании основывается не только на социальных факторах, но и национальных. Речевые клише, такие как «важнейшее оружие», «участвовать в оборонительном сражении», «тактика», «стратегия», репрезентирующие данную метафору в политическом дискурсе, отражают, в определенной степени, противостояние этносов и их стремление к сохранению национальной самобытности.

С другой стороны, политическое противостояние, описанное в терминах войны, является логическим продолжением отношений между

Англией и «внутренними колониями», которые участвовали в реальных битвах друг с другом. Современные кельты акцентируют внимание на том, что они являются последователями древней кельтской военной традиции, которая во многом определила их национальный дух и характер, призванные сплотить нации на современном этапе. Таким образом, историческое наследие и легендарное прошлое являются важнейшими факторами в самоопределении этносов.

Противостояние и напряженность в отношениях между Англией и кельтскими регионами имеет глубокие исторические корни. Это объясняет тот факт, что изученные образцы газетных публикаций и журнальных статей насыщены образами и символами, заимствованными из общего исторического прошлого англичан, шотландцев, ирландцев и валлийцев. На основе данных образов строятся разнообразные метонимические и метафорические модели, отражающие позиции современных политиков, журналистов или политологов. Важнейшей функцией вышеупомянутых языковых средств является создание стереотипных представлений с целью управления общественным мнением.

Библиографический список

1. Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов: Учебное пособие для высших учебных заведений. – Изд-е 2-е, перераб. И доп. – М.: Логос, 2001. – 296с // <http://www.socioline.ru/seminar/library/plebt B4/php>.
2. Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1999. –с. 149 – 162.
3. Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник Московского Университета. Серия 9, Филология №6, 2001. СС.132-149.

4. Карасик В.И. О типах дискурса, СС.5-20 // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб.науч.тр./Под ред.В.И.Карасика, Г.Г.Слышкина. – Волгоград: Перемена, 2000. -228с.
5. Гирц К. Идеология как культурная система // Новое литературное обозрение – 1998№28 // <http://nlo.magazine.ru/philosoph/inostr/3.html>
6. Скиба М.Е. Концепт «Американский патриотизм» (лингвокультурологический анализ) // Язык в системе мультикультурного общества: Сборник статей по материалам конференции. –Н.Новгород: НФ ГУ-ВШЭ, 2003, СС.27-35.
7. Петров В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания, 1990, №3, с.135-146.
8. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Политика как диалог. Наука и жизнь, 1993№3 // http://www.ruthenia.ru/marginalia/mix_body/html
9. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб.пособие для студ. высш.учеб.заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 206 с.
10. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. The Univ. of Chicago Press, 1980. -212p.

В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе

**Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова**

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Во второй половине XX века в фундаментальной науке начинает складываться новое понимание мира, повлиявшее на общую атмосферу

эпохи. В основе новой картины мира – философия нестабильности, исходящая из многовариантности, нелинейности и открытости Вселенной.

Основы философии нестабильности разработал выдающийся физик и философ Ильи Пригожин. Рассматривая неустойчивые, неравновесные системы в живой природе, ученый выдвинул, парадоксальное утверждение: порядок непродуктивен, хаос продуктивен. С позиций философии нестабильности мир предстает как открытая, неравновесная, нелинейная система, в которой «...порядок и беспорядок сосуществуют как два аспекта одного целого и дают...различное видение мира». По утверждению И. Пригожина, неравновесность может служить источником организации и порядка.

Скачкообразные и спонтанные переходы макроскопических систем от упорядоченного к хаотическому состоянию изучает относительно новая наука – синергетика. Синергетика – теория, изучающая «...возникновение новых качеств на макроскопическом уровне». В рамках этой теории порождение смысла рассматривается «...как возникновение нового качества системы, или, иначе говоря, как самопорождение смысла» [1.С. 21.]. Существенно подчеркнуть, что в рамках философии нестабильности процессы в живой и неживой природе рассматриваются как аналогичные, подобные.

Культура современного глобализованного мира также может быть названа «диссипативной». В гуманитарной сфере происходят процессы разрушения и порождения смысла, которые можно описать в категориях философии нестабильности. В этом контексте проблема межкультурной коммуникации заняла одно из главенствующих мест в социологии, политике, в культурологии, филологии. Этому способствовало то, что после Второй мировой войны были существенно ослаблены позиции европоцентризма, предполагавшего неравенство между «цивилизованными» и «нецивилизованными» народами и, соответственно,

не усматривавшего острой необходимости в диалоге с культурами, далекими по своему характеру от европейских. Основание ООН и ЮНЕСКО, провозглашение прав человека и деколонизация, а затем и создание Европейского союза, стали поворотными пунктами в истории человечества, и они же обусловили появление новой научной дисциплины – межкультурной коммуникации – в которой сочетались фундаментальное и прикладное начала.

Термин «коммуникация» (лат. *communicatio*) означает: 1. Акт общения между двумя и более индивидами, основанный на взаимопонимании, сообщение информации одного лица другому или многим лицам. 2. Форму связи, путь сообщения.

Коммуникация в технике существует в форме контактов (лат. *contactus*). Это соприкосновение, тесное общение проводников тока, взаимодействие в работе механизмов, напряжение, рожденное разницей потенциалов металлов и др. Коммуникация существует в природном мире. П.А. Кропоткин, признанный теоретик анархизма, видел, однако, в коммуникации людей и животных один из главных законов жизни. В сочинении «Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса» он с убеждением писал, что «змеи и птицы ... звери и насекомые, ящерицы и рыбы – все понимают друг друга и постоянно сообщают друг другу свои наблюдения»[2.С.64].

Примеры поведения пчел, муравьев, млекопитающих, особенно обезьян, убеждают, что уже на дочеловеческой стадии в коммуникации животных проявляются общительность и деятельностный характер. И все же действуют они благодаря инстинктам. Французский филолог Э. Бенвенист, труды которого представляют целое направление в лингвистике, посвятил обширный раздел своей книги проблемам коммуникации. В поле его пристального внимания оказывается поведение пчел. Ученый отмечает изумительную организацию их колоний,

согласованность действий, способность коллективно реагировать в непредвиденных ситуациях. Особенно любопытно то, каким образом пчелы передают сведения об источнике пищи. Пчела находит нектар, насыщается и возвращается в улей. Спустя некоторое время на то же место прилетает группа пчел, извещенных сборщицей, «причем они были информированы с большой точностью, поскольку без проводника добираются до места, всегда находящегося за пределами видимости улья, а часто и на большом от него расстоянии. В определении местонахождения не бывает ни ошибок, ни колебаний: если сборщица выбрала один цветок среди прочих, которые равным образом могли бы ее привлечь, пчелы, вылетевшие после ее возвращения, направляются на выбранный ею цветок, не обращая внимания на другие. Очевидно, пчела-разведчица указала своим товаркам место, откуда она прилетела».

Рассуждая о том, каким способом насекомому это удается, Э. Бенвенист ссылается на тысячи опытов ученых-зоологов, доказавших, что вернувшиеся пчелы исполняют особые «танцы», играющие роль «акта коммуникации», «настоящие сообщения, с помощью которых улей извещается об открытии»: танец по кругу говорит, что местоположение корма находится недалеко от улья, танец «восьмеркой» дает информацию о дальнем расстоянии, направление обозначает «ось восьмерки». Но, признавая определенное сходство коммуникации пчел с человеческой коммуникацией, Э. Бенвенист настаивает на фундаментальном отличии коммуникации в животном мире и человеческом обществе. В поведении животных есть лишь «сигнальный код» и нет диалога [З.С.97-114].

Существует вербальная и невербальная коммуникация. Невербальная коммуникация – тактильная, сенсорная, визуальная, кинетическая и др. сближает поведение человека и животного. Интерес к изучению невербальной коммуникации в последние годы постоянно растет. Это связано как с общенаучными потребностями, так и со стремлением

использовать язык животных в решении практических, в частности военных, стратегических, задач. Психологи выделили около двадцати невербальных средств общения, многие из которых совпадают у человека и животных. Жесты, позы, выражение лица и глаз, расстояние между коммуникантами, акустические (не связанные с речью) средства, тактильные (через прикосновения) средства общения, запах, реакции кожи (побледнение, покраснение), выбор одежды и манера ее носить («по одежке встречают...»), выбор домашней обстановки, бытовых предметов, автомашин и проч. – могут рассматриваться как виды сообщения.

Имеют смысл движения головы, рук и всего туловища. Кивок означает согласие, горизонтальное движение – сомнение и несогласие. Улыбка бывает доброй, злой, «кусачей», снисходительной... Позы – приличными и непристойными. Тот, кто бывал на Западе, мог заметить, что на рекламных щитах, содержащих фотографии, лица как бы разделены на две половины. Сухой, часто настороженный или грустный взгляд контрастирует с широкой лучезарной улыбкой. В последнее время и в отечественном сервисе культивируют привычку улыбаться клиентам. Однако она прививается туго. У русских на этот счет существует выражение – «фальшивая улыбка». Самый известный случай расхождения национального жеста обычно приводят, когда говорят о болгарском и русском согласии-несогласии, обозначаемом прямо противоположными движениями головы. Примеры национальных несовпадений, выражаемых средствами тактильной коммуникации, насчитываются сотнями. Поцелуй, пожатие руки, хлопанье по плечу, объятие означают разное у разных народов. Сегодня телевизионная реклама пива предлагает разные модели коммуникации – по-японски, по-американски и по-русски (широко, размашисто, с почти ритуальной пляской). Несовпадение национальных словарей жестов аналогично несовпадению «языковых миров».

Запахи – важнейшие коммуникативные знаки в мире животных – привлекают или отталкивают также и людей. Аромат духов, сигарет, запах алкоголя свидетельствуют о привычках и социальном статусе мужчин и женщин. Смех, плач, зубовой скрежет – ярко выраженные виды акустической коммуникации.

Скромная или вызывающая манера носить одежду – тоже знаки. Возможность отличить и отделить «своих» от «чужих» особенно широко используется в молодежной среде, зачастую вызывая культурный шок у лиц, к ней не принадлежащих.

Столь же коммуникативно значимы поклоны. Вспомним знакомую с детства «Сказку и рыбаке и рыбке», вспомним исторически достоверные описания прибытия персидских послов к французскому королю-Солнцу Людовику XIV. За поклоны миловали и лишали «живота». Язык жестов историчен, национален, социален, имеет возрастные и гендерные характеристики.

В основе человеческого общения лежит «взаимная нуждаемость», обусловленная природой человека, ощущающего потребность искать восполнение своей “неполноты” в другом человеке. Процесс коммуникации выполняет задачи:

1. Установления контактов между людьми.
2. Обмена информацией и договора о совместной деятельности.
3. Понимания другой личности. Человеческая коммуникация имеет смысл.

Во второй половине XX-го века в теории коммуникации акцентируются аспекты, связанные с «межкультурными параметрами».

После Второй мировой войны в США и Западной Европе складываются основы новой учебной дисциплины и нового научного направления – «межкультурной коммуникации». В 1946 году в США была создана новая кадровая структура – Институт службы за границей (Foreign

Service Institute), который возглавил Эдвард Холл (Edward T. Hall, род. 1914) [4.]. Э. Холл – известный американский антрополог и лингвист, разработавший концепцию изучения различных культур. Он предложил готовить специалистов, профессионально ориентирующихся в чужих культурах, так же, как готовят переводчиков и преподавателей иностранных языков. Холлу принадлежит мысль о том, что «...нет другого пути познания культуры, кроме как изучать ее, как учат язык». Разработанные Э. Холлом типология культур («низкоконтекстные» и «высококонтекстные» культуры), интересный и содержательный анализ невербальных компонентов коммуникации («проксемика») очень важны для теории и практики межкультурной коммуникации. Особенно интересно такое явление как дистанция, которую сохраняют в общении между собой представители разных культур. Холл обозначил эту дистанцию термином «проксемика». Он подчеркивал ее социоэтническую обусловленность. Впоследствии голландский ученый Г. Хофстеде придаст новый импульс основным концепциям Э. Холла.

В 70-80-е годы прошлого века новую учебную дисциплину начали преподавать в европейских и американских университетах. В США центром по изучению межкультурной коммуникации является Университет в г. Альбукерке (University of New Mexico), в Германии – университеты Мюнхена, Йены и Байрейта [5.S.612-620], в России новая дисциплина получила распространение в конце 90-х годов XX-го столетия [6]. основополагающие идеи были выдвинуты учеными институтов РАН, МГУ и МГЛУ. Среди других центров изучения теории и практики межкультурной коммуникации в России можно назвать Воронеж, Тамбов, Волгоград и Нижний Новгород.

Отечественные исследователи по-разному трактуют происхождение термина «межкультурная коммуникация» (intercultural communication, cross-cultural communication). По одной из версий, термин вошел в оборот не

позднее 1954 года, когда «вышла в свет книга Э. Холла и Д. Трагера “Culture as Communication» («Культура как коммуникация») [7]. Однако М.Б. Бергельсон отмечает, что термин сложился лишь в семидесятые годы двадцатого века [8]. При этом она ссылается на учебник А. Лэрри Самовара и Ричарда Э. Портера [9]. В любом случае очевидно, что во второй половине XX-го века идея «межкультурной коммуникации» стала исключительно популярной. «Межкультурная коммуникация» – одна из формул, зафиксировавших дух нашего времени.

Связанный с межкультурным взаимодействием термин “intercultural communication” подчеркивает зоны взаимоналожения разных культур. Взаимодействию, взаимосвязи культур придается, таким образом, особая значимость. Несколько иной характер имеет термин “cross-cultural communication”, указывающий, прежде всего, на пересечение границы как основу межкультурной коммуникации. Есть и еще один термин – «мультикультурная» (мультикультуральная) коммуникация. Он подчеркивает мысль о множестве культур, одновременно вступающих в полилог.

В собственном смысле слова «межкультурная коммуникация» подразумевает прямое или опосредованное общение представителей различных культур [10.S.312]. При этом «межэтническая коммуникация» предстает лишь как одна из разновидностей коммуникации межкультурной.

В широком смысле слова всякая коммуникация является «межкультурной». При этом внимание исследователя фокусируется на точке «переворачивания», бифуркации. В этой точке сходства могут переходить в различия, а конвергенции внезапно открываться как дивергенции. Неслучайно, выдающийся современный физик и философ Илья Пригожин подчеркивал, что людям, живущим в эпоху нестабильности, следует «распроститься с представлением», что мир – их «безропотный слуга». Человек не может полностью контролировать окружающий его мир «нестабильных феноменов», как не может

«полностью контролировать социальные процессы (хотя экстраполяция классической физики на общество» заставляла людей верить в это [11]. Межкультурная коммуникация описывает неустойчивый, нестабильный, хаотический, открытый, непрерывно обновляющийся, самоорганизующийся и непредсказуемый современный мир.

Представляется целесообразным рассмотреть и предельно широкое понимание «межкультурной коммуникации», включающей общение человека с Богом, «коэволюцию человека и природы» [12.С.166], диалог личности и общества, взаимопонимание-непонимание различных социокультурных слоев, общение между здоровыми и больными людьми. Возрастной и гендерный факторы также влияют на «межкультурный» характер всякой человеческой коммуникации.

Интерес к проблемам межкультурной коммуникации во многом определяется двумя современными тенденциями – глобализацией и регионализацией, действующими одновременно. Регионализация и глобализация ограничивают и поддерживают друг друга, образуя внутренне противоречивое смысловое целое. С одной стороны, Россия стремится вступить в ВТО, войти во всемирное экономическое пространство. С другой стороны, мы справедливо опасаемся утраты самобытности русской культуры. С одной стороны, Франция желает лидерства в объединенной Европе, что невозможно без унификации экономики, политики, культуры и языка. С другой стороны, французы преследуют политику «франкофонии», связанную с защитой и распространением собственной культуры и языка. Глобализация усиливает регионализацию. В борьбе этих тенденции нарастает нестабильность и непредсказуемость ближайшего будущего. Само будущее предстает нелинейным, незадачным, а многовариантным [13].

Из всего сказанного выше следуют важнейшие предпосылки межкультурной коммуникации: 1) охрана собственной культуры и языка как условие сохранения национальной идентичности; 2) дистанция, отказ от

нарушения физических и ментальных границ другой личности, народа; 3) толерантность как признание иной точки зрения; 4) внутренняя установка на плюрализм как попытка взглянуть из другой перспективы на «свое», родное; 5) внимание к «чужой» точке зрения на «свое». Теория и практика межкультурной коммуникации – одна из основ современной лингводидактики, поставившей в центр внимания проблему «вторичной языковой личности».

Библиографический список

1. Г. Хакен. Информация и самоорганизация. М., 1991. Термин синергетика – «...происходит от древнегреческого слова «синергия» – содействие, совместный труд. Герман Хакен применил этот термин для названия той науки, которая начала изучать закономерности самоорганизации в сложных открытых физико-химических системах, находящихся в состояниях, далеких от равновесия (нестабильных)». См.: В.С. Лутай. Синергетическая парадигма как философско-методологическая основа решения главных проблем XXI века // Практична філософія. – № 1. – 2003. – С.21.
2. П.А. Кропоткин. Этика. М., 1991. С. 64.
3. Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 2002. С. 97-114.
4. E.T. Hall. The silent language. (1959). E.T. Hall. Beyond culture. (1977). E.T. Hall. The dance of life. (1983). E.T. Hall. Hidden Differences: Studies in International Communication (1985).
5. Handbuch. Interkulturelle Germanistik / Hrsg.v. Alois Wierlacher und Andrea Bogner. Stuttgart – Weimar, 2003. S. 612-620.
6. Межкультурная коммуникация. Сборник учебных программ. Московский Государственный Университет, Факультет иностранных языков, Отделение языков и культур. М.: изд-во МГУ, 1999.

7. См.: Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов / Под ред. А.П. Садохина. М., 2002.
8. См. сайт М.Б. Бергельсон: <http://www.ffl.msu.ru/people/mbergelson/28.htm>.
9. Larry A. Samovar, Richard E. Porter. Communication between Cultures. Wadsworth Publishing Company, 1995.
10. Hans-Jürgen Lüsebrink. Kulturstudien und Interkulturelle Kommunikation // Konzepte der Kulturwissenschaften. Theoretische Grundlagen – Ansätze – Perspektiven / Hrsg.v. Ansgar Nünning und Vera Nünning. – Stuttgart-Weimar, 2003. S. 312.
11. И. Пригожин. Философия неустойчивости // Вопросы философии. – 1991. – № 6.
12. Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. Основания синергетики. – Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. Научное издание. СПб., 2002. с. 166.
13. И. Пригожин. Философия неустойчивости...

Pearlie Johnson

California State University, Chico

ADJUSTMENT OF VOICE ONSET TIME IN ENGLISH STOPS: CASE STUDY OF A NATIVE RUSSIAN SPEAKER

1.0 Introduction

The presence or absence of aspiration when a stop is produced is a feature that varies from language to language. Each language has a unique distinction between stops that are voiced or voiceless and/or aspirated or not aspirated.

Further more, different languages have different rules determining when certain stops are aspirated or not.

Due to the phenomenon of first language (L1) transfer, beginning language learners typically extend the rules of aspiration in their native language to the language that they are learning. As language learners become more experienced in a second language, they may acquire the rules of the second language and begin to produce aspiration in a manner more similar to that of native speakers. In this process of acquisition, a language learner will develop what is known as an interlanguage (Lakshmanan and Selinker 2001). An interlanguage is the language that a non-native speaker develops from a combination of features from both a native and target language, and sometimes rules from neither.

According to Ladefoged (2001) English makes distinction between those sounds which are aspirated and those which are not. For example, in the word-initial position the stops /p t k/ and /b d g/ are all voiceless stops. The fundamental difference between these stops is that /p t k/ are aspirated while /b d g/ are not. While other languages may distinguish these stops according to voice, the key distinction in English is aspiration.

English stops can be either aspirated or not aspirated depending on their position in a word. Stops /p t k/ are aspirated in word-initial position, when in a stressed syllable, or when followed by a stressed vowel and not preceded by /s/ (Ladefoged 2001). There are also cases where /p t k/ stops are not aspirated. They are not aspirated when preceded by /s/, or when in an unstressed position, and they are sometimes reduced to a flap when between two vowels the first of which is stressed (Ladefoged 2001; Jones and Ward 1969). Finally, stops /b d g/ are typically not aspirated and are voiceless in word-initial position.

Russian differs from English in that it distinguishes between voiced and voiceless stops, as opposed to aspirated and not aspirated in English. Voiceless stops /p t k/ always lack aspiration in Russian (Boyanus 1955; Jones and Ward

1969). Therefore, one may predict that a native Russian speaker beginning to learn English would not produce aspirated voiceless stops.

Since Russian does not aspirate any stops the only difference between stops /p t k/ and /b d g/ is voicing (Boyanus 1955; Jones and Ward 1969). Russian fully voices the stops /b d g/ in every circumstance (Jones and Ward 1969). Therefore, one may predict that a native Russian speaker will produce a fully voiced /d/ in word-initial position, where a native English speaker would produce an unaspirated /t/, when saying the English word “dad.”

1.1 Hypothesis

In view of the differences in aspiration of stops in English and Russian, this study will examine the features of an inter-language developed by a native Russian speaker learning English. In order to determine the duration of aspiration the period between the release of a stop closure and the state of voicing known as voice onset time (VOT) will be measured. By measuring the duration of VOT of English stops that are produced by native English and Russian speakers, this study will answer the following questions:

1. How does the VOT of English stops produced by a native Russian speaker compare to the VOT of stops produced by a native English speaker?

2. Is a native Russian speaker able to imitate the VOT of stops produced by a native English speaker when told to repeat after the native English speaker?

2.0 Methodology

2.1 The Corpus

The corpus consisted of the recording of 17 English tokens. Of the 17 tokens, 4 contained voiceless aspirated stops in word-initial position (Ticket, Pattern, Happy, and Keep), 9 contained voiceless unaspirated stops in word-

medial position (University, Little, Eighty, Letter, Literacy, Reality, Happy, Ticket, and City), and 4 contained voiceless unaspirated stops in word-initial position (Dead, Did, Day, and Behind).

This study was divided into two experiments.

Experiment 1: Each token was read off of an index card out of context and was repeated three times by each subject.

Experiment 2: Each token was read aloud by a native English speaker and then repeated 3 times by a native Russian speaker.

2.2 Subjects

This case study focused on a female native speaker of Russian. The speaker has been studying British and American English off and on for about 15 years and has spent a cumulative time of 4 months in the United States. Two native English speakers were also measured as a control group. Both native speakers were females born and raised in Northern California that speak with Northern Californian dialects. Both native speakers also have familiarity with the concepts of phonology and linguistics.

2.3 Recording

Each subject was recorded individually in the phonology lab at California State University, Chico. During the first experiment, each subject was instructed to read each token on the index cards as naturally as possible. Each token was repeated three times. The subjects were not informed of the aim of the study.

The second experiment was given immediately after the first experiment so that native Russian speaker was familiar with the tokens. The tokens were removed from the sight of the native Russian speaker and the subject was told to now repeat the words after a native English speaker. The English speaker read each token as naturally as possible and the native Russian speaker was recorded repeating each word three times.

2.4 Analysis of Data

Each recording was analyzed using the Macquiner program. Every token was converted into a spectrogram, and the spectrogram was the reference for measurement of the voice onset time (VOT). The VOT value was obtained by measuring the duration (in milliseconds) of time between release of a stop closure, which was marked by the end of a blank space that is caused by the stop, and the state of voicing, which was marked by the presence of vowel formants.

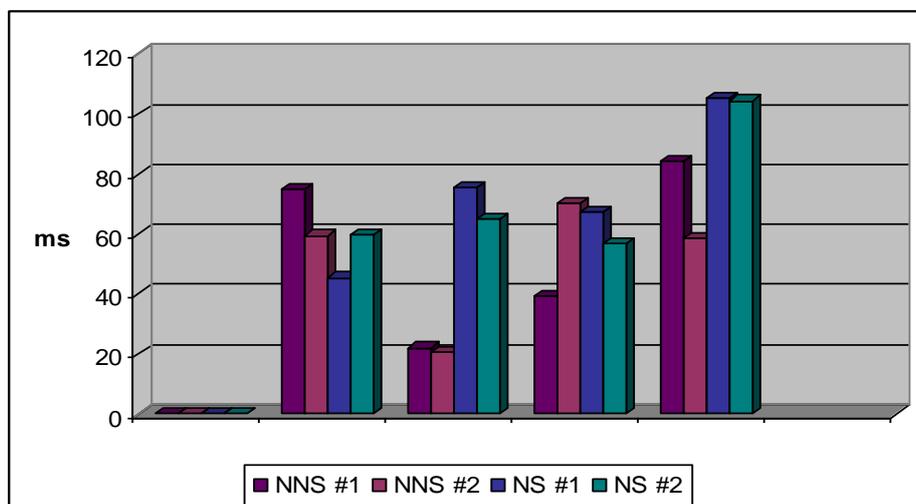
3.0 Results

3.1 Experiment 1

The first experiment was designed to examine the differences between native Russian and English speakers producing aspirated and unaspirated stops in English. When the native English speakers (Column NS #1) (Column NS #2) read the tokens which contained voiceless aspirated stops word-initially, they were able to produce the aspiration providing VOT durations that were similar to each other. When the native Russian speaker (Column NNS #1) read the tokens which contained aspirated stops word-initially, she was able to produce some aspiration but the duration of VOT in her stops were typically much shorter than that of the native speakers.

(See Figure 1)

Figure # 1: Word Initial English Aspirated Stops

When the native English speakers read the word-medial unaspirated voiceless stops (P and /p k/), they produced stops with very short VOT durations that were similar to each other. When the native Russian speaker read these word-medial unaspirated stops, she produced stops with VOT durations that were much longer than those of the native English speakers. The native Russian speaker heavily aspirated these stops. (See Figures 2 and 3)

Figure #2: Word Medial Unaspirated Stops

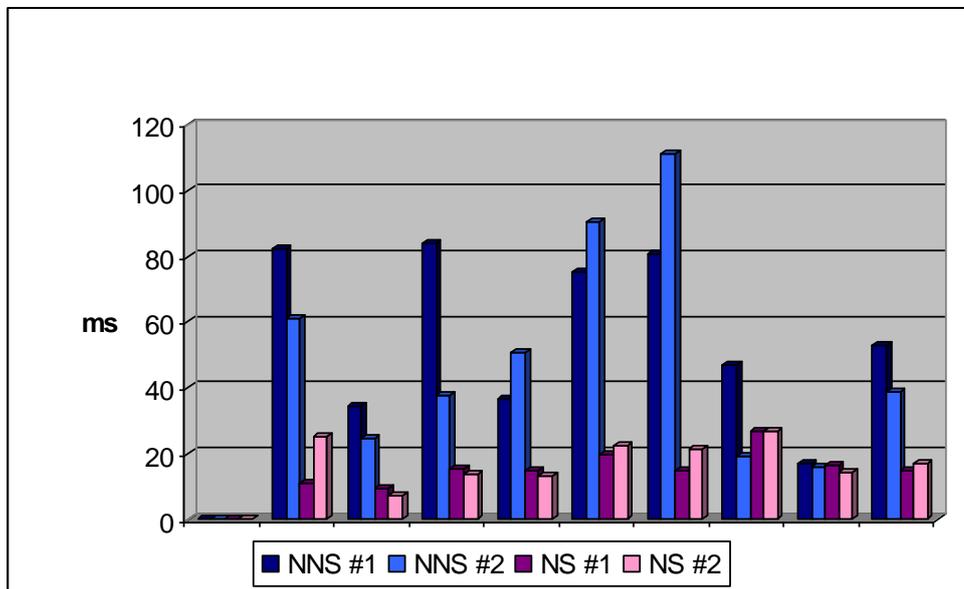
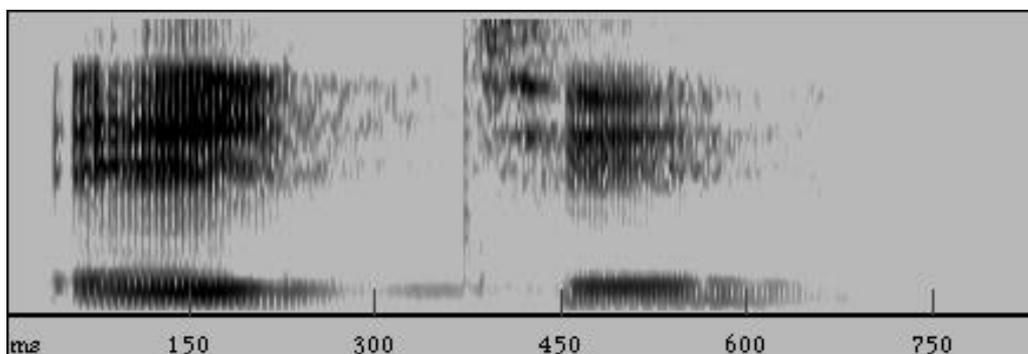
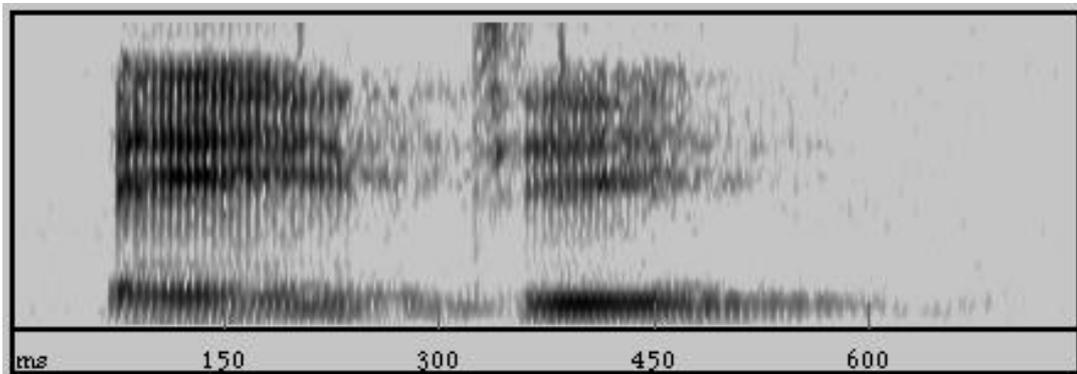

Figure #3: Word Medial Tap

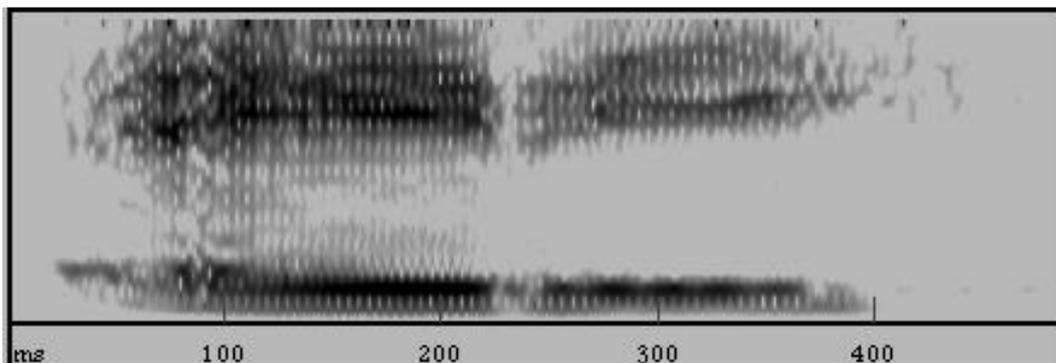
NNS #1: “Eighty”

NNS #2: “Eighty”

NS: “Eighty”

Finally, when the native English speakers read the word-initial voiceless unaspirated stops, they produced stops with very short VOT durations that were similar to each other. When the native Russian speaker read these word-initial voiceless unaspirated stops, her VOT durations were also short. The native Russian speaker also produced these stops as voiceless. Her production of these stops did not follow the rules of Russian but were more similar to the native English speakers' productions. See Figures 4 and 5 for similarities.

Figure #4: Word Initial Unaspirated Stops

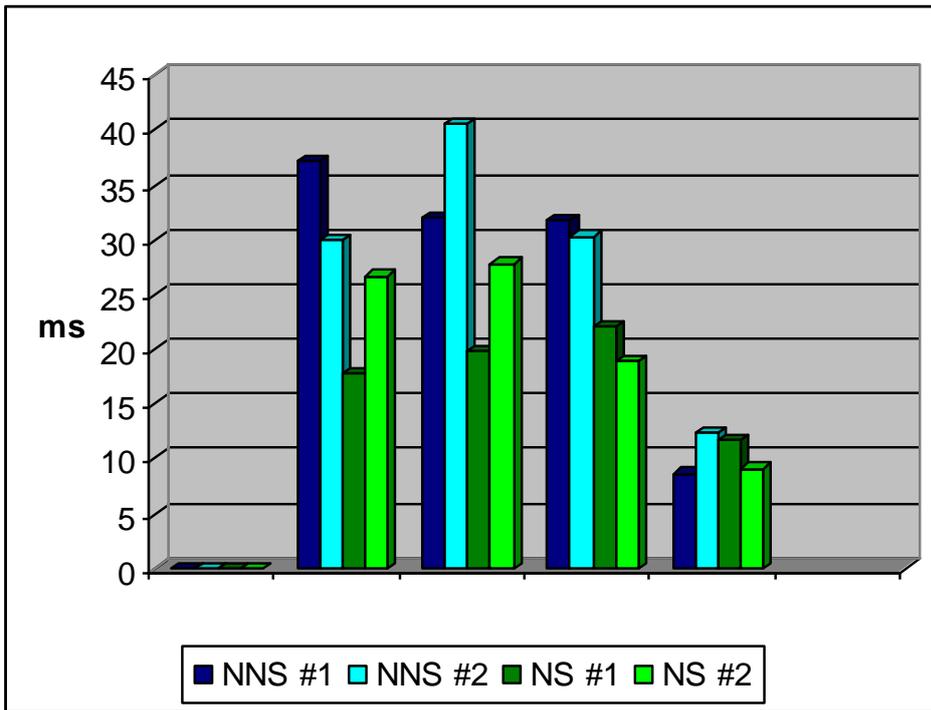
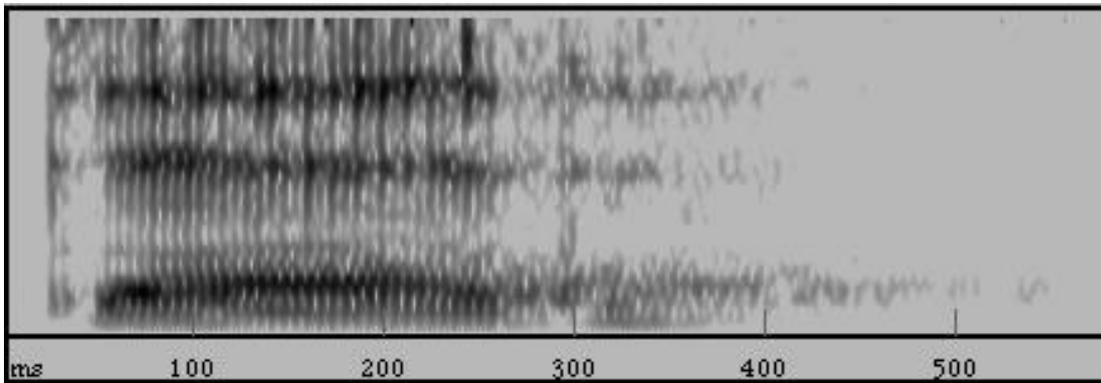
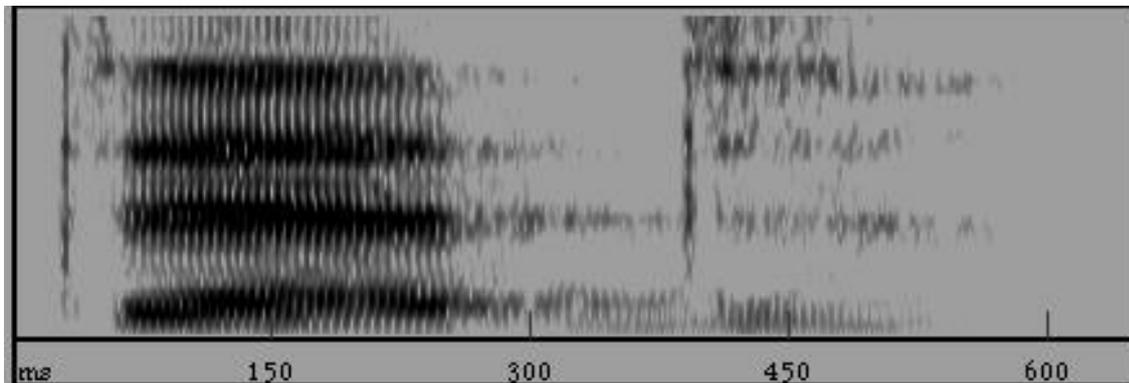

Figure #5: Word Initial Unaspirated Stop

NS: "Dead"

NNS: "Dead"

3.2 Experiment 2

The second experiment was designed to examine if the non-native speaker could imitate more native like aspiration after hearing the native pronunciation of the token and immediately repeating after it. The results from this experiment were inconsistent. In some cases the non-native speaker was able to adjust her VOT duration to be more similar to that of the native speakers and in other cases the adjustment was less similar to that of the native speakers.

As seen in Figure 3 (Above) the non-native speaker (NNS#1) has a very long VOT duration when producing word medial taps and /p k/, as in the word “eighty”. When told to imitate the token produced by a native English speaker, the non-native speaker (NNS #2) shortens the VOT duration to match that of the native speakers. The inconsistencies of these adjustments can be seen in Figures 1, 2, and 4.

In some cases the native Russian speaker’s imitation (NN#2) VOT duration is closer to the length of the native speakers.’ For example, in the word “eighty” the native English speakers have VOT durations of 13.8 ms and 15.3 ms. In the first experiment, the native Russian speaker has a VOT of 83.9 ms but then shortens her VOT to 37.7 ms in experiment two.

In other cases the native Russian speaker does not adjust her VOT durations closer to the native English speakers. For example, in the word “pattern” the native English speakers produce stops with the VOT durations of 75.7 ms and 65.1 ms. The native Russian speaker produces a stop with of VOT duration of 22.1 ms in the first experiment when reading the token “pattern.” In experiment two, when imitating the token “pattern” the native Russian speaker makes her aspiration less native like; producing a VOT duration of 20.7 ms.

4.0 Discussion

It is clear that in the development of her interlanguage this native Russian speaker has acquired some rules for English aspiration and not others.

4.1 Word-Initial Aspirated Voiceless Stops

In all cases the native Russian speaker did add aspiration to these stops (in one case even more than the native speakers). This shows that she has learned the rule that English aspirates the stops /p t k/ word-initially. Her aspiration is, however, typically much shorter in duration than the native speakers'. The fact that she produces aspiration is especially interesting with regard to her native language aspiration rules. These stops are not aspirated word-initially in Russian; therefore one might expect her to unaspirate these stops in English. The fact that she does aspirate these stops makes her aspiration more like that of the native speakers.

4.2 Word-Medial Voiceless Unaspirated Stops

In all cases except for one the native Russian speaker added aspiration to word-medial taps and word-medial stops /p k/. It is unclear why she added this aspiration since these stops are not typically aspirated in English or Russian. She may be over generalizing the English rule of aspiration of /p t k/word initially. She may have also acquired this aspiration from British English.

4.3 Word-Initial Voiceless Unaspirated Stops

All of the native Russian speaker's productions were unaspirated and voiceless. This is very interesting because, in her native language, /b d g/ are always fully voiced and unaspirated. She has learned that /b d g/ are voiceless and unaspirated in word-initial position in English.

5.0 Conclusion

The feature of aspiration can be so subtle that many language learners never acknowledge the differences between the aspiration in their native language and the language that they are trying to learn. It is interesting that this native Russian speaker has acquired some rules of English aspiration. Her background in linguistics may have given her an advantage in this area.

To continue research related to this topic one should collect more data. More examples in the three word positions would be useful to help identify patterns more clearly. It would also be interesting to collect data from stops in other positions. For example, word-medial voiced stops would be useful to examine. Finally, it would be helpful to collect examples of the native Russian speaker producing these stops in Russian. This data would give insight as to how she produces these stops in her native language.

This paper is a preliminary examination of one native Russian speaker. All errors are solely my responsibility and suggestions are accepted and appreciated. I would like to thank Lyudmila Pekarskaya. Her participation and interest in the study made the time spent with her a joy. This study would not have been possible without the help and guidance of Ela Thurgood, Rosemary Capps and the fall 2004 Phonological Analysis class at California State University, Chico.

References

- 1) B. Comrie. *The World's Major Languages*. New York, Oxford University Press. 1990.
- 2) D. Jones, D. Ward. *The Phonetics of Russian*. London, Cambridge at the University Press. 1969.
- 3) P. Ladefoged. *A Course in Phonetics*. Los Angeles, Heinle & Heinle. 2001.
- 4) S.C. Boyanus. *Russian Phonetic Reader*. Cambridge, Harvard University Press. 1955.
- 5) U. Lakshmanan, L. Selinker. *Analyzing Interlanguage: How Do We Know What Learners Know*. Second Language Research. 2001.

А.Ю. Курмелев

**Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова**

ЧЕХОВСКАЯ «ЧАЙКА»: АМЕРИКАНСКИЙ ВЗГЛЯД

«Записная книжка Тригорина» является воплощением многолетней мечты Теннесси Уильямса создать свою собственную версию, интерпретацию пьесы Антона Павловича Чехова «Чайка», которую американский драматург считал первой великой современной пьесой. Писатель полагал, что «...ей [«Чайке» – А.К.] никогда не удавалось вырваться из смирительной рубашки перевода...» [1.С.67], что необходимо интерпретировать сюжет чеховского произведения для англоязычной публики, чтобы сделать великого русского писателя ближе американским зрителям, которые не особенно знакомы с тайнами загадочной русской души, а малонасыщенная внешними событиями чеховская жизнь человеческого духа может показаться зачастую неинтересной. В небольшом предисловии к пьесе – обращении к американским читателям – Теннесси Уильямс четко излагает общий смысл проекта, свои намерения и цель: «Чехов был спокойным и тонким писателем, огромная сила которого всегда удерживалась им в узде. Я знаю, что в определенной мере это может дисквалифицировать меня как «интерпретатора» его первой и самой великой из современных пьес. Если бы я провалил это дело, это произошло бы вопреки всем моим усилиям, каким-то образом, используя мои собственные особенности как драматурга, сделать Чехова ближе вам (американским зрителям – А. К.), слышнее для вас, чем это было во всех

виденных мною американских постановках. Наш театр должен кричать, чтобы вообще быть услышанным...» [2, XXIII] (здесь и далее перевод автора статьи)

Интересно, что Уильямс в числе прочих приемов, приближающих русскую пьесу к американскому зрителю, заставил чеховских героев кричать в буквальном смысле. В «Записной книжке Тригорина» появляется сцена скандала между Аркадиной и Тригориним, которая отсутствует в «Чайке» Чехова. К тому же, речь в эпизоде идет о том, что успех, «услышенность» целиком зависит от того, сколько шума произведет то или иное событие (в данном случае, признание творческой личности, таланта):

ARKADINA: Oh, yes. But I came along, didn't I? Didn't I enter your famished life, Boris, and give a sustenance to it? Tell me, yes or no? Didn't I take you to the leading publisher in Petersburg with your little collection of stories in your portfolio? Didn't I throw myself at him, didn't I shout, "I bring you GENIUS. The Tolstoy of tomorrow!" – Didn't I shout that as I snatched your portfolio from you, you young trembling nobody, and DIDN'T HE LISTEN, DIDN'T HE SIT THERE AND HEAR ME?

TRIGORIN: Yes. You were a bit – loud!

ARKADINA: Quite effectively so! –Your career was launched. [2.C.60]

(**Аркадина:** О, да. Но тут появилась я, не так ли? Разве я не наполнила твою жизнь, Борис, разве не предоставила средства к существованию? Скажи мне, да или нет? Разве я не отвела тебя с тем малым количеством рассказов в твоём портфолио к ведущему издателю в Петербурге? Разве я не бросилась к его ногам, разве не кричала, что привела к нему Гения, что ты Толстой завтрашнего дня? Разве я не кричала этого, вырвав у тебя портфолио, у тебя молодого, дрожащего, ничего еще незначащего, и РАЗВЕ ОН НЕ СЛУШАЛ МЕНЯ, РАЗВЕ НЕ СИДЕЛ ТАМ И НЕ СЛЫШАЛ МЕНЯ?)

Тригорин: Да. Ты тогда наделала шуму.

Аркадина: Зато сработало. Это положило начало твоей карьере.)

Поставив перед собой задачу донести идейное содержание великой русской пьесы до американского зрителя, Уильямс не мог не столкнуться с проблемой передачи не только специфического местного колорита, но и основных концептов русской концептосферы.

Уже в приведенной выше небольшой по объему авторской заметке, представляющей собой своеобразный эпиграф к «Записной книжке Тригорина», Уильямс намечает основное различие между русской классической пьесой и своей версией чеховского произведения. Крик в художественном мире Уильямса воплощает откровенность, прямоту, свойственную не только для творчества американского драматурга, но и для всей американской нации, ее менталитета. В американском мире концепт «directness» (прямота, открытость, откровенность) занимает одно из центральных мест и является одной из главных ценностных ориентаций.

Уильямс, соблюдая, на первый взгляд, флегматичную чеховскую интонацию («люди пьют, едят, говорят, а в это время рушатся их жизни»), постепенно увеличивает напряжение, выводя все, что у Чехова за сценой, на нее. Американский драматург использует все средства для создания более зрелищного, «театрального» варианта, в том числе разработанную им концепцию «пластического театра». Таким образом, он переносит акцент на сценическое воплощение, визуальную картину действия.

Уильямс, как заметил режиссер Сергей Яшин, постановщик спектакля «Записная книжка Тригорина» в Москве, «раскрывает скобки» [3], договаривает там, где останавливается Чехов. Неопределенности проясняются путем добавления реплик и целых сцен, расставления акцентов. Взаимоотношения между героями у Уильямса конкретизируются: с первых сцен становится ясно, кто к кому испытывает какие чувства, в то время как у Чехова межличностные отношения

туманны, и ключ к их пониманию необходимо искать в подтексте. Например, Уильямс показывает, что Медведенко знает причину холодного отношения Маши к нему, знает о ее увлеченности Константином (чего у Чехова нет):

MASHA: It isn't a question of money. I could love a beggar if...

MEDVEDENKO: The beggar was Constantine. Isn't that so? [2.C.1]

(**Маша.** Дело не в деньгах. Я могла бы полюбить и бедняка, если...

Медведенко. Если бы бедняком был Константин. Не так ли?)

Уильямс так же избегает общих фраз и философских рассуждений в речах своих героев. Расставляя акценты, конкретизируя тот или иной момент, американский драматург затрагивает проблемы, свойственные его культуре, современной ему действительности. Примером может служить фраза Сорина о театре, брошенная у Чехова так, между прочим:

Сорин. Без театра нельзя. [4.C.13]

У Уильямса все очень определено, кому и чему нельзя без театра:

SORIN: We can't do without the theatre. Our culture can't do without it, Kostya. [2.C.8] (**Сорин.** *Нам нельзя без театра. Нашей культуре нельзя без театра, Костя.*) (здесь и далее курсив мой – А. К.)

Таким образом, можно говорить о том, что под влиянием типично американской ценностной установки, выраженной в концепте «directness», происходит разрушение чеховского подтекста – определяющей особенности художественного мира русского драматурга.

Преобразование чеховского текста нередко происходит совершенно независимо от намерений Уильямса. Это случается там, где в поле зрения попадают исконно русские концепты. Яркий пример – концепт «усадьба», который в английском переводе приобретает образ «estate» - тоже концепт, но уже американской жизни (в особенности, южных штатов). Прочие «переключения» из одной концептосферы в другую связаны с такими

ключевыми для русской культуры словами, как «тоска» (у Уильямса «melancholy»), «нахальство» («insolence»), «сглаз» («bad luck»).

Такие основополагающие элементы русской концептосферы как «душа» и «тоска», в которых, по мнению А. Вежбицкой, раскрываются «в наиболее полной мере особенности русского национального характера» [5.С.33], чаще всего вообще уходят из пьесы Уильямса, так как они непонятны ни драматургу, ни американской нации в целом. Например, в «Записной книжке Тригорина» отсутствует реплика Медведенко о предстоящем представлении и отношениях между Треплевым и Ниной:

Медведенко. Да. Играть будет Заречная, а пьеса сочинения Константина Гавриловича. Они влюблены друг в друга, и сегодня их *души* сольются в стремлении дать один и тот же художественный образ. А у моей *души* и у вашей нет общих точек соприкосновения. Я люблю вас, не могу от тоски сидеть дома, каждый день хожу пешком шесть верст сюда да шесть обратно и встречаю один лишь индифферентизм с вашей стороны...[4.С.8]

Производные лексические единицы от слова «душа» заменяются неэквивалентными по смыслу английскими словами:

Маша. У него нехорошо на душе. (у Чехова) [1.С.39]

Masha: He's an emotional man. (у Уильямса) (**Маша:** Он эмоциональный человек.) [2.С.32]

В связи с исчезновением эпизодов, связанных с размышлениями о душе, из пьесы Уильямса исчезают многие душевные переживания героев, так же как и чуткое восприятие чужих душевных состояний, которое характерно для русского народа. Убив чайку, Константин в пьесе Уильямса не испытывает чувства вины, как это происходит у Чехова (**Треплев.** Я имел подлость убить сегодня эту чайку. [4.С.48]).

В центральном для обеих пьес монологе Тригорина о жизни, творчестве, назначении художника русский и американский драматурги

делают различные акценты. Тригорин у Чехова размышляет о душевных переживаниях писателя, о его высоком назначении, раскрывает тонкую и лирическую натуру творческого человека:

Тригорин. Бывают насильственные представления, когда человек день и ночь думает, например, все о луне, и у меня есть своя такая луна. День и ночь одолевает меня одна неотвязчивая мысль: я должен писать, я должен писать, я должен... Едва кончил повесть, как уже почему-то должен писать другую, потом третью, после третьей четвертую... О, что за дикая жизнь! Вот я с вами, я волнуюсь, а между тем каждое мгновение помню, что меня ждет неоконченная повесть... Когда кончаю работу, бегу в театр или удить рыбу; тут бы и отдохнуть, забыться, ан — нет, в голове уже ворочается тяжелое чугунное ядро — новый сюжет, и уже тянет к столу, и надо спешить опять писать и писать... Я люблю вот эту воду, деревья, небо, я чувствую природу, она возбуждает во мне страсть, непреодолимое желание писать. [4.C.51-55]

«Американский» Тригорин, выражающий точку зрения самого драматурга, сетует на общественное мнение и материальный успех, которым американская культура измеряет талант художника:

TRIGORIN: But they ask the question because if you did not produce the new work, you'd no longer be of *financial* value or any interest to them. [2.C.45] (**Тригорин:** Но они [читатели, зрители, критики – А. К.] задают этот вопрос потому что, если ты не создаешь ничего нового, ты не представляешь никакого коммерческого интереса для них.)

Так же и для «американской» Аркадиной важен не процесс творческого созидания, как для героини Чехова, (**Аркадина.** ...сидеть у себя в номере и *учить роль* – куда лучше! [4.C.42]), а ее социальная активность, признание, карьерный рост:

ARKADINA: Wonderful for a while but for a while only – Then cities and theatre again, I must confess how vitalizing it is to have that to go back

to! – My career! – My life! [2.C.35] (**Аркадина:** Прекрасно, но только не надолго, не надолго. Затем снова города и театры, и я должна признаться, что ничто так не вдыхает в меня жизнь как возвращение к – Моей *карьере!* – Моей жизни!)

В результате в интерпретации Уильямса исчезает лиризм, присущий русской пьесе.

Духовность чеховской «Чайки» сводится на нет, а на ее место приходит материализм как одна из центральных ценностных ориентаций американского народа. Для русских же материализм связан с меркантилизмом и вызывает негативное отношение, а нередко и осуждение.

В открывающем «Записную книжку Тригорина» диалоге между Машей и Медведенко последний говорит исключительно о своем материальном положении и на протяжении всей пьесы жалуется на стесненные денежные обстоятельства (Ср. у Чехова: учитель не столько жалуется, сколько философствует, что полностью отсутствует у Уильямса).

Материализм также проявляется и в отношении к собственности, которое выражено через такой характерный для американского мира концепт как «private property». Аркадина у Уильямса не только скупа, но и одержима идеей собственности (причем, даже по отношению к людям, например, ее отношения с Тригориным):

Arkadina: This happens to be my property, this is my estate.

Sorin: Not yet, sister, not yet. The estate is still mine for a while.

Arkadina: Who pays the taxes on it? [2.C.17-18]

(**Аркадина:** Это кажется моя собственность, мое имение.

Сорин: Еще нет, сестра, еще нет. Это имение пока еще мое.

Аркадина: А кто платит налоги?)

Эти разногласия между братом и сестрой по вопросу о праве владения усадьбой в пьесе Чехова отсутствуют.

На лексическом уровне концепт «материализм» также ярко выражен во фразе Нины из «Записной книжки Тригорина», выражающей свою радость по поводу пребывания в имении Аркадиной/Сорина:

NINA: Yes and I'm so happy! Now I belong to you. I belong to this house. [2.C.32] (**Нина.** Да, и я так счастлива! Теперь я принадлежу вам. Я принадлежу этому дому.)

При сравнении с родственной фразой из пьесы Чехова (**Нина** (*садится рядом с Аркадиной и обнимает ее*). Я счастлива! Я теперь принадлежу вам. [4.C.38]) очевидно влияние идеи собственности, выраженной в концепте «house». К тому же у Уильямса отсутствует ремарка, сопровождающая слова Нины у Чехова, что свидетельствует о преобладании материального начала над человеческим фактором.

Материализм проявляется и в межличностных отношениях, вмещивается в чувственную сферу человеческой жизни. Тема противостояния духовного и плотского начал и преобладания последнего из них проникает в пьесу Уильямса и через то, что физическая близость между влюбленными трактуется здесь как основное проявление их чувств. Персонажи Уильямса, страдающие от неразделенной любви, говорят о физической близости как о наивысшем выражении любви. Полина Андреевна признается своей дочери в том, что в молодости предлагала себя в знак любви Дорну:

Polina: I understand. Mashenka, I once went to Yevgeny's clinic and I – I said, "Take me, take me." [2.C.76] (**Полина:** Я понимаю. Машенька, однажды я пришла к Евгению в клинику и я – я сказала: «Возьмите меня, возьмите».)

Маша, не только желая унижить своего мужа, но и из искренних сердечных чувств, испытываемых к Треплеву, мечтает о физической близости с Константином:

Medvedenko: Have you ever given yourself to Constantine Gavrilovich?

Masha: No. But would have! If there'd seemed a chance that he would take me. [2.C.72]

(**Медведенко:** Ты когда-нибудь отдавалась Константину Гавриловичу?)

Маша: Нет. Но отдалась бы! Если бы был хоть малейший шанс, что он возьмет меня.)

Медведенко страстно жаждет именно физического выражения своей любви к супруге (**Medvedenko:** If you appeared in the garden and removed the black dress and he saw the snow of – [2.C.72] (**Медведенко:** Если бы ты появилась в саду и сняла свое черной платье, и он бы увидел белоснежную...)) и, не скрывая своей ревности, готов пойти даже на крайние меры (**Medvedenko [tearing at her dress]:** Snow, snow, but so warm. [2.C.72] (**Медведенко (разрывая ее платье):** Снег, снег, но такой теплый.)).

В «Записной книжке Тригорина» недостатком пьесы Треплева, по мнению Нины, является отсутствие любовной сцены (словосочетание, предполагающее наличие физического контакта), в то время как у Чехова акцентируется чувство, способность души и сердца:

Нина. В вашей пьесе мало действия, одна только читка. И в пьесе, по моему, непременно должна быть *любовь*... (у Чехова) [4.C.18]

Nina: I'm sure, I'm sure. But I wish there were *a love scene* in this dream play. (у Уильямса) [2.C.13] (**Нина:** Я уверена, я уверена. Но мне бы хотелось, чтобы в вашей пьесе-мечте была любовная сцена.)

Другой аспект, отличающий отношение к жизни персонажей пьесы Уильямса и их русских прототипов, связан с оппозицией «чувство –

разум». В «Записной книжке Тригорина» преобладает рационализм, свойственный западному (в частности, американскому) мышлению.

Сергеева А.В. в своей книге «Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность» высказывает мнение, что для русских тяжело перенести свои предчувствия и эмоции в рациональную форму конкретных решений. Они долго и серьезно размышляют над серьезными вопросами бытия, но это не означает, что долгие раздумья приведут к определенным решениям или решительным переменам в жизни. Для иллюстрации данного положения исследователь приводит в качестве примера сюжеты пьес Чехова и отмечает, что они построены именно на этой ментальной особенности русских, что приводит к трудностям восприятия содержания этих произведений представителями других культур. «В течение нескольких часов герои пьесы неимоверно страдают, много говорят, пытаются найти выход из неприятной ситуации, в кульминации пьесы – обязательный скандал. В конце концов, герой доведен до истерики, и все зрители ждут развязки. Но нет, увы! Все остается по-прежнему». [6.С.144]

Такая жизненная установка определяется А. Вежбицкой как «неагентивность – ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена» [5.С.34]. Эта пассивность наблюдается в поведении чеховских персонажей и тесно связана с концептами «фатализм», «смирение», «покорность», характерными для русской ментальности.

Пассивность русского человека в пьесе Чехова (как и в творчестве в целом) проявляется через концепт «рыбалка», который не является актуальным для американской ментальности. У Уильямса, как и у Чехова, Тригорин удит рыбу, но рассуждения о рыбалке, о медитативном свойстве этого занятия, отсутствуют.

В целом герои Уильямса более активны, чем персонажи Чехова. Например, «американский» Сорин более категоричен в своем желании жить активной жизнью, чем апатичный герой Чехова:

SORIN: Tell what to fight and I will fight it because unreasonable as it may be, / *do want to live!* (курсив – Т. У.) [2.C.78] (**Сорин:** Скажите мне с чем бороться, и я буду бороться, пусть даже безрезультатно, *но я хочу жить!*).

Он занимает активную позицию по отношению к судьбе своего племянника – услышав отказ сестры в предоставлении денег Константину, Сорин сам решает любыми путями материально обеспечить его:

SORIN: I'll manage somehow to get Kostya something to wear. Shamrayev takes my entire pension, you know, and spends it on agriculture, cattle-raising... Still, I'll make your son presentable somehow. [2.C.55] (**Сорин:** Я сумею как-нибудь достать Косте новую одежду. Шамраев забирает всю мою пенсию и тратит на земледелие, скотоводство... И все же я как-нибудь сделаю из твоего сына представительного человека.)

В сложных ситуациях русский человек импульсивен, он может сам довести себя до отчаяния и истерики, но ему трудно решиться на что-то окончательно. При угрозе конфликта он предпочитает не бороться, а уступить. В пьесе Уильямса смирение и фатализм, присущие русской ментальности, заменены западной активностью. Чеховским героям гораздо важнее сохранить нормальные отношения с окружающими людьми, чем вступать с ними в конфликт, даже если при этом страдает справедливость, столь важная для них. В то время как действующие лица американской пьесы готовы на решительные действия ради своего блага.

Мягкий, чувствительный чеховский Треплев всегда слушается свою мать и старается не причинить ей вреда и боли:

Аркадина. Не отчаивайся... Все обойдется. Я сейчас увезу его, она опять тебя полюбит. (*Утирает ему слезы.*) Будет. Мы уже помирились.

Треплев (*целует ей руки*). Да, мама.

Аркадина (*нежно*). Помирись и с ним. Не надо дуэли... Ведь не надо?

Треплев. Хорошо... Только, мама, позволь мне не встречаться с ним. Мне это тяжело... выше сил... [4.С.69]

В другом эпизоде: **Треплев** (*после паузы*). Нехорошо, если кто-нибудь встретит ее в саду и потом скажет маме. Это может огорчить маму... [4.С.106]

У Уильямса он превращается в дерзкого, не желающего мириться с положением вещей человеком. Он не только дерзок и резок по отношению к Тригорину и постоянно его избегает, но и без зазрения совести груб с матерью. Константин у Уильямса не только способен парировать издевки со стороны доктора Дорна, но даже и вызвать его на дуэль (из-за неблагоприятных отзывов последнего в адрес Нины):

CONSTANTINE: Yes, a monster. You hear me? Do you accept this definition of your nature without protest or would you like to join me in the garden with a pair of pistols? [2.С.79] (**Константин:** Да, монстр. Вы слышали? Вы принимаете это определение или же вы присоединитесь ко мне в саду с парой пистолетов?)

Сорин у Уильямса готов на решительные действия по отношению к дерзкому поведению Шамраева, в то время как у Чехова он пассивен и беспомощен, и поэтому Дорн называет его «бабой».

Весьма решительны и женщины в пьесе Уильямса. Чеховские вставки «все глупости», «пустяки», «пустяки все это» в репликах Маши скрывают за собой большое эмоциональное напряжение и неспособность справиться со сложившейся ситуацией, из-за чего ей приходится мириться и продолжать жить, подавляя свои истинные чувства. У Уильямса все диаметрально противоположно – Маша решительно настроена на

изменение своего образа жизни, даже если для этого придется действовать вопреки законам морали. В то же время Полина Андреевна, ее мать, тоже действует активно, возвращая дочери способность трезво мыслить:

MASHA: If Semyon gets no transfer, I'll transfer myself, somehow, somewhere... [*She pours herself a vodka, Polina snatches it from her.*] Thank you – I mustn't let myself go. I'll wind up a drunken prostitute on the streets. [2.C.76] (**Маша:** Если Семена не переведут, я переведу себя как-нибудь, куда-нибудь... (*Она наливает себе водки, Полина выхватывает у нее рюмку*) Спасибо – я не должна распускаться. Иначе я кончу свою жизнь пьющей уличной девкой.)

Концепт «решительность», сменивший концепты «смирение», «терпение», изменил идейное содержание размышлений Нины о жизни в последнем действии. Чеховское «уменье терпеть», «Умей нести свой крест и веруй» сменились американским «still go on» («продолжай идти, несмотря ни на что»). Здесь также выражена позиция американского драматурга, который был всегда уверен, что нельзя сдаваться, несмотря ни на какие трудности, что необходимо продолжать творить и реализовывать свое призвание.

Чтобы не утратить русский компонент полностью, сохранить национальный колорит, «чужесть» чеховского текста, Уильямс вводит специфические элементы русского быта, которых в оригинале нет. Так число действующих лиц «Записной книжки Тригорина» увеличено за счет введения двух вспомогательных персонажей с типично русскими именами – работники Иван и Саша. Появляются в пьесе Уильямса и такие исконно русские реалии как самовар и кулебяки, обычай присесть и помолиться перед дорогой (у Чехова все эти колоритные детали отсутствуют). В ремарках четвертого действия американский драматург вносит приветствия и ругательства, которые, согласно ремаркам, должны произноситься на русском языке - (какие именно – Уильямс предоставляет решать режиссеру, поскольку сам не знал русского языка):

[Arkadina enters; the greetings are effusive and all in Russian.] [2.C.80]
(Входит Аркадина; бурные приветствия на русском.)

[With a curse in Russian, Constantine turns away from Dorn and sits on a stool at his uncle's feet.] [2.C.78] (Ругнувшись по-русски, Константин отворачивается от Дорна и садится на скамеечку у ног дяди.)

[The cook calls to Polina in Russian.] [2.C.85] (Повар зовет Полину по-русски.)

Как представляется, Уильямсу удалось перевести язык «Чайки» на язык его народа, но получился не упрощенный для англоязычной публики вариант, а совершенно новая пьеса. По-видимому, автор чувствовал это. Неслучайно он дает своей интерпретации другое название - «Записная книжка Тригорина». Пьеса Уильямса ни в чем не превосходит и ничем не уступает «Чайке» Чехова. Это самобытная оригинальная пьеса, которая стоит в одном ряду со своим русским источником и вдохновителем. Уильямс черпает основные элементы сюжета из чеховского текста, но переосмысляет их как в духе своей собственной картины мира, так и в духе американской национальной концептосферы.

Библиографический список

1. Уильямс Т. Мемуары. М.: Подкова, 2001.
2. Williams, Tennessee. The Notebook of Trigorin. New Directions, NY. 1997.
3. Засурский Г. С Якова – на всякого: послесловие после премьеры// www.zaslavsky.ru
4. Чехов А.П. Чайка. Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», М., 2003.
5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997.
6. Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта: Наука, 2004.

7. Hale, Allean. Two Masters, One Play// Williams, Tennessee. The Notebook of Trigorin. New Directions, NY. 1997
8. The Undiscovered Country. The Later Plays of Tennessee Williams. Peter Lang Publishing, Inc., NY, 2002.

С.В. Лазаревич

**Нижегородский институт
менеджмента и бизнеса**

О КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ СОЦИОЛЕКТОВ

Своеобразие социолектов как лексических систем определяется действием как внутренних, языковых, факторов, так и внешних, экстралингвистических. Это особенно отчетливо проявляется при сравнении жаргонных систем разных языков. В данной статье прослеживается влияние внешних факторов на лексические системы русского и английского военных жаргонов. Помимо сходства, между сравниваемыми социолектами имеются различия, обусловленные действием внешних причин и проявляющиеся на уровне лексики и фразеологии. Размеры этого воздействия велики. Практически все стороны деятельности вооруженных сил характеризуются определенной спецификой, которая приводит к возникновению различий, создающих культурологический аспект социолектов. К их числу относятся многие факторы: участие в вооруженных конфликтах, которые оставили свой след в военном жаргоне, разные принципы формирования вооруженных сил, разные сроки службы в армии, своеобразие в обозначении воинских званий и т. д. Специфику военных жаргонов определяют не только реалии военной жизни, но и другие факторы, характерные для общества в целом,

например экономическое состояние государства, характер национальных отношений, менталитет народа и др. Приведем несколько примеров воздействия внешних факторов на лексический состав русского и английских военных жаргонов.

а) Отражение в военном жаргоне различных военных конфликтов. Военные конфликты оставляют значительный след в военном жаргоне. Кроме общей войны, какой явилась для СССР, Великобритании и США вторая мировая война (1939–1945 гг.) и Великая Отечественная война (1941–1945 гг.), Россия и США участвовали и в других войнах, наложивших отпечаток на военные жаргоны этих стран. После второй мировой войны Россия (до 1991 г. – СССР) и США принимали участие в следующих военных конфликтах: Россия - Афганская война (1980–1989 гг.), Чеченские войны, США - Корейская война (1950–1953 гг.) и Вьетнамская война (1965–1973 гг.). Это разные по своему характеру и локальной привязке войны. Военные жаргоны отразили специфику военных конфликтов. Это выразилось, например, в жаргонных номинациях противника. Афганская война: *дух* (от «душман»), *рафик* (по распространенному мусульманскому имени), *сарбоз* (по названию афганца на языке дари), *сугроб* (по белой мусульманской чалме). Чеченская война: *дух*, *душок*, *муха*, *мусел* (от «мусульманин»), *чех* (от «чеченец»). Корейская война: *katusa* (Korean attached to United States Army); *friendly* (партизан); *P.O.W.* (prisoner of war) – военнопленный. Вьетнамская война: *Charley*, *Charlie*, *Charlie Cong*, *Sir Charles*, *Mister Charlie*, *V.C.* (Viet Cong), *Vincent* (= V.C. = Viet Cong), *Uncle Hos'boy*, *hat hard*. Эти войны внесли в жаргоны своих стран национальную специфику. Например, участие самолетов советского производства в военных действиях в Корее запечатлено в жаргонизме *mig alley* [аллея мигов], который обозначал воздушный коридор над Северной Кореей, в котором американские бомбардировщики подвергались атакам северокорейских истребителей. Влияние афганских

реалий прослеживается в жаргонизмах периода Афганской войны: *афони*, *афошки* (от «афгани» – национальная афганская валюта); *бача*, *бачонок*, *бачата* – ребенок, подросток, дети; *бакиши* – взрыв снаряда; *нагахан-магахан* – любой афганский населенный пункт (т. к. все названия странны и непонятны); вьетнамские реалии отразились в жаргонизмах *boonie rat* – солдат, сражающийся в джунглях, *tree busting* – бомбежка джунглей. Жаргонизмы, относящиеся к периоду того или иного военного конфликта, многочисленны и отражают разные стороны этих войн.

б) Отражение в военном жаргоне принципа формирования вооруженных сил. Серьезным фактором, влияющим на лексический состав военных жаргонов, является принцип комплектования вооруженных сил. Тематические группы «Срок службы» в русском и английском военных жаргонах отражают различия в формировании вооруженных сил России, США и Великобритании. За исследуемый период Красная Армия, Советская, затем Российская Армия строилась на основе всеобщей воинской повинности и срочной службы. Срок службы в течение этого периода менялся, но принцип оставался неизменным. Принцип срочной службы отразился в русском военном жаргоне в полной мере. Имеется большое количество жаргонных лексем, называющих военнослужащего в зависимости от срока службы. Среди жаргонных номинаций военнослужащих по срокам службы существует много синонимов. Т. Г. Никитина в своем «Словаре молодежного сленга» (С-Петербург, 1998) приводит такие синонимические ряды жаргонизмов с этим значением:

Солдат до принятия присяги: *слон*, *зеленый*, *карантин*, *мамонт*.

Солдат с первого по шестой месяц службы: *дух*, *желудок*, *салабон* (*солобон*), *салага*, *сынок*, *чижик*, *щегол*.

Солдат с шестого по двенадцатый месяц службы: *ворона*, *карась*, *молодой*, *морж*, *скворец*, *шнурок*, *щегол*.

Солдат с двенадцатого по восемнадцатый месяц службы: *котел, лимон, помазок, фазан, черпак*.

Помимо указанных, активно функционируют другие жаргонизмы, обозначающие военнослужащих в зависимости от срока службы: *запах, индеец, букварь* – солдат до принятия присяги, *месячник* – солдат, отслуживший один месяц, *гусь, череп, агрессор, зелень, зеленка* – солдат с первого по шестой месяц службы, *кандидат* – солдат, прослуживший один год, *плафон, торчок* – солдат с шестого по двенадцатый месяц службы, *поц, полтораишник, дед* – солдат, или матрос прослуживший полтора года, *подгодок, годок* – матрос, прослуживший соответственно два и более двух лет, *профсоюз* – матрос от двух с половиной до трех лет службы.

Лексемы *старик, квартира, квартирант, гражданин, пиджак, дембель, дедушка* называют военнослужащего незадолго до увольнения в запас (последние месяцы службы или время после приказа Министра обороны об увольнении в запас солдат срочной службы).

Тематическая группа «Срок службы» в английском военном жаргоне отражает иной принцип формирования вооруженных сил – добровольное комплектование армии. Комплектование вооруженных сил на добровольной основе – старая американская традиция, берущая начало еще с XVIII века. За два минувших столетия в зависимости от внешнеполитической обстановки США неоднократно переходили от добровольного комплектования к всеобщему призыву и наоборот. Последний переход к добровольной армии начался в 1973 г. и в основном завершился к 1975 г. Призывная система была мало приспособлена к высокому уровню профессиональных требований, и поэтому после окончания войны во Вьетнаме армия США стала строиться на профессиональной основе. В Великобритании традиционный способ комплектования вооруженных сил – вербовка добровольцев. В период первой и второй мировых войн вводилась обязательная воинская

повинность. В 1961 г. воинская повинность была отменена и вооруженные силы стали комплектоваться исключительно на добровольной основе. Жаргонизмы, отражающие существование призывной службы в вооруженных силах США и Великобритании немногочисленны; например, *downhill* – вторая половина срока армейской службы; *short timer* (США) – солдат, отслуживший срок службы и скоро отправляющийся в США (Вьетнам). Большинство жаргонизмов отражает срок службы в названиях военнослужащих по двум крайним характеристикам: молодой военнослужащий (чаще – новобранец, новичок) и старослужащий. Особенно много жаргонных номинаций относится к обозначению новобранца: *big John; blow Joe; FNG* (Funny New Guy); *goofer; goopher, green hand; John, John(ny) dogface, Johnny-come-lately, new guy; newt, rookie* (*rook, rookey, rooky*), *war baby* [ребенок военного времени]; *massa* [масароон], *buck private, chicken* [цыпленок] и многие др. Существуют жаргонизмы, отражающие контрактную систему формирования вооруженных сил. Ср.: *H.O.* (*hostilities only*) – матрос, поступивший на военную службу только на период боевых действий.

в) Отражение национального менталитета. В военном жаргоне находят отражение некоторые особенности национального характера народа, его менталитет. В военном жаргоне не могли не отразиться особенности отношения военнослужащих к жизни, к службе в армии, к сослуживцам и коллегам. Эта тема объемна и требует специального исследования, особенно в связи с возрастанием в последнее время роли антропологической лингвистики. Мы укажем здесь лишь некоторые из наших наблюдений. Так, лексический материал английского военного жаргона показывает актуализацию такой черты американцев и англичан, как энергичность, собранность, деловитость, исполнительность. Значение многих жаргонизмов содержат характеристики типа: «офицер, действующий точно по уставу» (*book soldier*); «действенный, умелый,

исполнительный» (*can do* [есть, будет исполнено]); «энергичный офицер, готовый выполнить любые рискованные задания» (*hung-ho officer*); «командир, отличающийся решительностью и энергичностью действий в наступлении» (*jump-off general*); «энергичный, лихой летчик» (*mustard* – шутл.); «дельный энергичный заместитель при неопытном начальнике» (*nurse* – шутл.) и т. д. Характерно, что жаргонизмы с таким значением даются в словарных дефинициях либо совсем без помет эмотивной коннотации, либо с пометой «шутливое». Создается впечатление, что такие качества, как деловитость и энергичность не являются объектом насмешки или иронии, а вызывают лишь подшучивание. В русском военном жаргоне деловитость и энергичность зачастую оцениваются как стремление выслужиться перед начальством. Этот оттенок значения воплощен в лексемах *очкогреб*, *прогнуться*, *прогнутый*, *бурый*. Ниже приводятся примеры из молодежных газет и журналов, подтверждающие такую коннотацию.

– *Саликов был из подхалимов, из «прогнутых», из тех, кто готов был для начальника сделать все, что угодно. Таких в части не любили.*

– *«Очкогребам» в армии называют карьеристов, причем под эту характеристику попадают зачастую по-настоящему деловитые и энергичные люди, у которых собранность и работоспособность являются чертами характера. Таких не любят, а преданность делу часто пытаются представить как карьеризм, стремление к продвижению по службе, которые в русском народе почему-то считаются чем-то недостойным, вызывающим осуждение.*

Т. Г. Никитина дает лексему *бурый* с пометой «неодобр.». Это слово обозначает «офицера, фанатично преданного делу»: «*Бурые – это такие лихие служаки, без ума от уставных команд громовым голосом, от построений, смотров и шмонов*» (Указ.соч., с 38.)

Если такие черты, как деловитость, собранность, активность, стремление сделать карьеру, проявились в русском военном жаргоне негативно, т. е. как отрицательные характеристики, то такая особенность ментальности русского народа, как соборность, коллективизм нашла свое положительное воплощение. В русском военном жаргоне отчетливо проявилась такая черта, как солдатское братство, землячество, дружба. В английском военном жаргоне лексемы с таким значением единичны и не столь эмоциональны. Значение «земляк» в русском военном жаргоне имеют лексемы *зема, земля, земля*, сопровождаемые теплой эмотивной окраской.

Значение «друг, приятель», имеют лексемы *кент* (*кентоваться* – дружить), *братила, ара* и производные от него. Фразеологизм *казань да рязань* называет друзей-однополчан, неразлучных друзей. В настоящее время наблюдается активное функционирование слов *кент* и *ара* в армейской среде. Слово *кент* пришло в военный жаргон из арго. Механизм его перехода осуществился через молодежный жаргон, в котором это слово также функционирует в значении «друг». Жаргонизм *ара* известен в разговорной речи как обозначение армянина или «человека кавказской национальности», т. е. выходца из закавказских республик. В «Словаре молодежного сленга» М. А. Грачева и А. И. Гурова (Горький, 1989) это слово дается как солдатский жаргонизм в значении «друг». М. А. Грачев приводит примеры производных от этого слова, употребляемых в армейской среде.

- *Мы с арой залетели. На патруль напоролись.*
- *Слушай, арик, оставь покурить.*
- *У арки сегодня посылка.*
- *И всего-то бутылку вмазали с арочкой.*
- *Аруша сегодня очень злой.*

В английском военном жаргоне такой лексический ряд не обозначился. По-видимому, это нельзя считать случайным. Многочисленные исследования в сфере нестандартной английской лексики показывают, что она в наибольшей степени относится к индивиду, а не к коллективу.

г) Отражение в военном жаргоне экономического состояния общества. Несомненное влияние оказывает на военный жаргон экономическое состояние общества. Военнослужащие России, Великобритании и США живут в разных экономических условиях, что обуславливает разницу в их материальном обеспечении, в их быте, в питании. Эта разница отразилась, например, в тематической группе «Пицца». Русский военный жаргон в этой теме не отличается богатством денотатов. Лексемы, обозначающие конкретные виды пищи и блюда солдатских и курсантских столовых, сводятся едва ли не к одному денотату – каше, особенно перловой. Ср.: *бацилла*, *блондинка* (пшенная каша), *бронебойка*, *дробь шестнадцать*, *витамин «ПЕ»* (пшенная каша), *кирзуха*, *шрапнель* (перловая каша). Как показал опрос военнослужащих, самой популярной лексемой из этого ряда является слово «шрапнель», обозначающее перловую кашу. Слово это родилось в просторечии солдат и поваров полевых кухонь во время первой мировой войны. Вначале это были выражения «суп со шрапнелью», «каша из шрапнели». Причем русские солдаты называли так крупную перловую крупу, а французы – бобы. Затем, в период гражданской войны, когда в стране была нехватка продовольствия, слово перешло в общенародное употребление. БАС регистрирует это слово как просторечное в значении «крутая перловая каша». Ср.: «*Это было в 30-м году. С продовольствием было туго – все больше шрапнель да консервы*» (БАС, т. 14, 1543). В настоящее время лексема *шрапнель* вновь стала достоянием военного

жаргона; в повседневном речевом обиходе вне армии оно неупотребительно.

В русском военном жаргоне есть лексемы, свидетельствующие о том, что военнослужащие подчас недоедают. Ср.: *голодняк, парашиник* – солдат (особенно новобранец), которого старослужащие уличили в доедании остатков пищи, обедков; *курок* – припрятанный от окружающих запас пищи.

Военнослужащие через жаргонизмы выражают недовольство и качеством пищи, и однообразием блюд: *некролог* – меню в кафе, *раз картошка, два картошка* – меню в курсантской столовой, *фикус* – (фирменное блюдо в курсантской столовой) – тушеная капуста, *хряпа* – винегрет.

Лексемный состав этой тематической группы в английском военном жаргоне отличается гораздо большим разнообразием денотатов. Жаргонизмы служат обозначениями мясных и рыбных блюд, фруктов, соусов, кремов, желе, напитков. Ср.: *Army strawberries* – чернослив в пайке; *cat beer* [кошачье пиво] –молоко; *cus (custard)* – сладкий крем; *G. I. Joe* – кофе; *Hairy Willie* – соленая рыба; *kai-kai* – какао (как напиток), полагавшийся во время ночной вахты (с 12.00 до 4.00); *gold fish* [золотая рыба] – консервированный лосось; *shivering* – желе как десерт; *battery acid* [аккумуляторная кислота] (шутл.) – кофе; *billy goat* [козлятина] – баранина; *blood* [кровь] (шутл.) – томатный сок; *red lead* [свинцовый сурик] – кетчуп. Большинство жаргонизмов этой группы в английском военном жаргоне носит шутливый характер. За шутливым характером подчас скрывается недовольство военнослужащих казенными блюдами. Например, они хотели бы получать любимые в США блюда из индейки и цыпленка, а им предлагают сосиски и блюда из лосося; отсюда возникают жаргонизмы *deep sea turkey* [глубоководная индейка] – лосось; *Army chicken* [армейский цыпленок] – сосиски с бобами.

Помимо указанных факторов, на лексические системы военных жаргонов оказывают влияние и другие внешние причины: различие в воинских званиях, в национальных и расовых взаимоотношениях военнослужащих, в структурной организации армий и т. д. Все это вместе взятое создает культурологический аспект социолекта.

Н.В. Макшанцева

**Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова**

КОНЦЕПТ «РЯБИНА» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

В национальной сокровищнице любой страны существуют определённые явления, которые вошли в сознание народа как знаки национальной культуры – вербальные и невербальные. Например, слова «береза», «рябина» легко найти в словарях различных языков, где они обозначают названия деревьев, но вряд ли эти слова являются знаком национальной культуры, с духовным значением и смыслом.

Слово «рябина» является по своему происхождению общеславянским. Название рябины образовано при помощи одного из стандартных деривационных суффиксов, выступающих в названиях ягод (позднеславянск. * - ina). Для славянских языков обычно, что названия ягод являются одновременно и названиями соответствующих растений, например малина. Это справедливо относительно ягод и деревьев рябины.

Толковые словари дают следующие определения данного слова: «дерево или кустарник семейства розовых с гладкой серой корой, с

перистыми листьями и ярко-красными ягодами» [1.С.133], «дерево или кустарник семейства розоцветных с собранными в кисти горьковатыми оранжево-красными плодами а также самые ягоды» [2.С.679].

Значение слова составляет лишь часть содержания концепта, которое связано в сознании носителя языка с определённым звуковым комплексом. По мнению Н. Алефиренко [3], формой существования сознания культуры служат знаковые значения, конструируемые не столько предметной соотнесённостью, сколько вхождением в культурно заданное семантическое пространство, где каждый знак занимает определённое место.

Для истории слова существенно, что в древние времена рябина была для человека не просто одним из деревьев леса. Рябина почиталась как святое дерево [4.С.121]. Так в фольклоре Старого света оно числится как одно из наиболее почитаемых, охраняющих от злых влияний. Считалось, что кусочки древесины рябины способны отворотить любое несчастье. В северной России существовало представление, что ягоды рябины излечивают глазную болезнь (Вл. Даль).

Интересные сведения содержатся в народной картине мира, представляющей деревья в виде трёх царств: небесного, земного и подземного. Деревья естественным образом сопричастны всем трём царствам: так как устремлены ветвями к небу, растут на земле и уходят в неё корнями. Лиственные деревья, например, были посвящены небесным богам, хвойные – воспринимались как представляющие хтонических богов, а стелющиеся по земле ива и ольха воплощали земные богатства. Из лиственных деревьев самым священным считался дуб, за ним следовала рябина.

Слово «рябина» в русском языке обладает эмоциональным компонентом значения, что является основой приращения «новых смыслов».

Вл. Даль отмечает переносное значение этого слова, связанное с народными песнями, в которых рябина является символом одинокой женщины.

Песня, по меткому определению В. Кожина [5.С.26], - это именно «абсолютно необходимое» явление духовного бытия России, тот «воздух» (единный корень в словах «духовность» и «воздух» в определённом смысле закономерен), без которого оно, это бытие, невозможно, немислимо (ни для народа, ни для отдельного человека).

В русских народных песнях рябина, рябинушка кудрявая, моложавая, одушевлена – «ой, рябина, рябинушка, что взгрустнула ты?» В песне «Ой, цветы, кудрявая рябина» цветение, гроздь, налитые соком вешним – пора встреч, любви, счастья, а увядание (отцвела кудрявая рябина) – пора расставанья, тоска прощанья, грусти.

Одна из наиболее популярных песен о рябине содержит противопоставление «рябина – дуб» (видимо, идущее от наивной картины мира), которое задаётся категорией рода: рябина-женщина, тоскующая по дубу, и дуб-мужчина, любящий рябину.

Категория рода, наделяющая все предметы окружающего мира свойствами мужскими, женскими или средними, свидетельствует о более эмоциональном отношении к природе, к миру [6.С.159]. Как передать на английском языке всю эмоциональную драму популярнейшей русской песни о рябине, которой нельзя никак «к дубу перебраться», если и рябина и дуб по-английски не имеют рода, а вместо этого имеют артикль, и для англоязычного человека важно только, одна ли это из многих рябин (неопределённый артикль *a*) или та самая рябина, о которой шла речь (определённый артикль *the*). Русскому уму и сердцу вопросы неопределённости не говорят ничего, русский человек сострадает бедной женщине-рябине и мужчине-дубу, которые не могут соединиться.

Эти поэтические образы, идущие от фольклора, в свою очередь, вышли за пределы песни, они повторимы в литературном творчестве.

Так у А. Дементьева в стихотворении «Любовь-рябина» читаем:

*Помнишь, ты была тогда со мною?
Посадил я саженцы весной,
Несколько рябинок-малолеток,
А теперь не дотянусь до веток.
К ним дубки сажали мы попарно,
Вон какие вымахали парни,
И рябины – как просила песня –
Навсегда теперь с дубками вместе.*

Этот же мотив звучит и в песне «Не грусти, рябина» (музыка М. Смирнова, слова М. Белинской):

*Не горюй, рябина,
Не грусти, рябина, -
Лето вновь вернётся ...
Дубу молодому
Снова улыбнёшься*

Рябина и женщина, - две героини рассказа А. Землянского «Переклик», вошедший в сборник «Одушевления».

Переклик – это расстояние, на котором слышится голос. Перекликаются красавица-рябина и женщина, на глазах у которой эта рябина выросла. Много пережила героиня рассказа, перестрадала войну, а рябина в это время росла, набирала силу и красу: «из-за невысокого частоколычика, обнявшего крайнюю в селе усадьбу, подняла в воздух неопишемую свою осеннюю красу рябина».

Красота рябины передаётся особым приёмом – субстантивацией определений: «густо – зеленоё, а по нему ярко-жёлтое... А меж теми другим, снизу доверху – налиvisto красное ... да не в том, жестоком и обжигающем... а по - сентябрьски смягчённом, подчёркнутом». Рябина одушевлена и одухотворена так же, как в народных песнях. «Сама выросла... от земли вроде бы ещё не оторвалась...».

Примечателен и образ женщины. В портрете красавицы подчёркнуты лёгкие скулы, лицо моложаво – одухотворено ... упрямый жар в глазах, ладность губ да щёк. Своеобразна её речь. «Слова уверенные. Но не нажимистые, фразы складные, свои, как прорастающие на невидимой грядке цветы». Говорит «как будто рвёт эти цветы, завёртывает, как в диковинную прозрачность..., и так похожи эти букеты на рябину!»

Переклик - голос человека и голос природы, которые окликают друг друга. Перекликаются две красоты рядом, ... «неразрывна цепочка жизни и люди, и деревья, и нивы, и травы, и зори – звенья...».

Таким одухотворённым был переклик рябинового наряда с человеком, землей, небом, водой.

Многие художники слова воспринимают рябину как символ родины, любимых памятных мест, как самую яркую и красивейшую приметку русского осеннего пейзажа.

*В саду горит костёр рябины красной,
Но никого не может он согреть.*

(С. Есенин)

*Уж клич отзвенел журавлиный,
Уже осыпается сад,
А яркие гроздья рябины
Всё так же на солнце горят.*

(Вс. Рождественский)

*Осень! Обсыпается весь наш бедный сад,
Листья пожелтелые по ветру летят.
Лишь вдали красуются, там, на дне долин,
Кисти ярко-красные вянущих рябин.*

(А.К. Толстой)

*Уже кленовые листья
На пруд слетают лебединый,
И окровавлены кусты
Неспешно зреющей рябины.*

(А. Ахматова)

*Всяк дом мне чужд, всяк храм мне куст,
И всё равно, и всё едино,
Но если по дороге – куст
Встаёт, особенно – рябина ...*

(М. Цветаева)

Проникновенные лирические строки посвятил рябине В. Солоухин.

«Каждому дереву своя цена. Отцветают черёмуха и сирень, жухнут травы, желтеют листья ... и ни одно из деревьев, празднично украшавших нашу землю в летние дни, не в силах теперь быть украшением. Кто заметит в сентябре ту же черёмуху, кто обратит внимание на жасмин, кто не пройдёт равнодушно мимо зарослей шиповника. Но есть иное дерево, мы, пожалуй, не замечаем его весной, оно не бросится нам в глаза в июле ...

Чем ближе осень, тем заметнее и ярче становится это дерево, и, когда совсем обеднеет земля и нечем ей будет порадовать глаз человека, вспыхнут среди долины яркие костры рябин, и люди сложат об этом дереве лучшие свои лирические песни».

(В. Солоухин)

Фольклорные традиции, творчество поэтов и писателей оказали влияние на содержание концепта «рябина», представленного в сознании современных носителей русского языка. Это подтверждают результаты проведённого ассоциативного эксперимента [7]. На стимул «рябина» были даны следующие ассоциаты:

дерево	12
осень	10
косогор	2
женщина	10
дуб	4
кудрявая	7
тонкая	17
одинокая	14
красная	5
любовь	9
несчастливая любовь	5
русская красавица	8
природа России	5
ягода	1

Концепт «рябина» в русской культуре приобретает ярко выраженную национальную специфику. Это связано, прежде всего, с коннотацией лексемы «рябина».

Существующее в сознании носителей языка мыслительное содержание, связанное с определённым звуковым комплексом, может испытывать глубокое воздействие творческих личностей, что в свою очередь даёт импульс для эволюции этого содержания в сознании народа. Если эти изменения принимаются, перерабатываются коллективным сознанием, возникает почва для формирования символического значения

слова, а дополнительные оттенки значения ведут к модификации соответствующего концепта как единицы национальной концептосферы.

Библиографический список

1. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. Т. 2. Москва, 1999. с. 133
2. Ожегов С.И. и Чиведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка Москва, 1995, с. 679.
3. Алефиренко Н.Ф. Язык и культура: семиотика, структура, функции \\
Кирилломефодьевские традиции на Нижней Волге. Волгоград, 1997. вып. 3.
4. Сходную трактовку находим у индоевропейцев, почитавших рябину как святое дерево. В ирландской легенде «Преследования Диармайда и Грайне» о рябине говорится как о живительном дереве, алые плоды которого обладают многочисленными достоинствами: никакая болезнь или недуг не пристанут к тому, кто съест три ягоды, а попробовавший их старый человек возвратится в тридцатилетний возраст. Дерево выросло из единственной ягоды, обронённой одним из членов племени (Tuatha De' Dannan) богини кельтского мифа Дану (или Анну), которая, узнав, что они нечаянно приобщили смертных к небесной и бессмертной пище, послала огромного циклопа Шарвона стеречь дерево, чтобы никто из людей не мог вкушать его плодов (Мифология, энциклопедический справочник, Артур Котерелл, 1996. с. 121.).

Во многих верованиях и обрядах Северной Европы зафиксирована защитная, плодотворящая и целебная сила рябины. В Швеции считают, что рябиновая палка охраняет от бури на море, от колдовства и нечистых духов (Афанасьев). В Германии и Польше в обильно уродившейся рябине видели предвестье хорошего урожая.

5. Кожин В.В. О русском национальном сознании. Москва, 2004. С. 26.
6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. 2000. с. 159.
7. Эксперимент проводился среди студентов II курса НГЛУ в процессе чтения спецкурса «Язык и культура: концептосфера русского мира».

Е.Н. Морозова

**Муромский институт
Владимирского государственного университета**

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОГО УНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ СОЧЕТАНИЙ ТИПА RUN OVER В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Семантика лексических единиц является предметом исследования ряда лингвистических школ и направлений у нас в стране и за рубежом. В работах на эту тему семантика изучается как явление системы языка с учетом всего набора значений и их возможной реализации в текстах. Необходимо отметить, что большое внимание исследователей вызывает изучение семантики глагольных единиц, поскольку, как отмечал В.В. Виноградов, «смысловая структура глагола шире, чем смысловая структура имени существительного, и круг его значений подвижнее» [1. С.7]. В современной лингвистике значительное внимание уделяется изучению полисемантических глаголов, которые в английском языке характеризуются высокой частотностью и приблизительно равномерной распределенностью по всем функциональным стилям [2;3;4]. Многие полисемантические глаголы

в сочетании с постпозитивным элементом (наречием или предлогом) образуют комплексы, которые в связи с неоднозначным определением их статутной принадлежности получили в англистике разные названия: глагольно-наречные сочетания, фразовые, составные, двусловные, прерывистые, комплексные глаголы, сочетания глагола с частицей, глагольно-постпозитивные образования и др. Вследствие их широкой употребительности и многозначности данные образования привлекали и продолжают привлекать внимание отечественных и зарубежных лингвистов. Основными вопросами, интересовавшими исследователей, были следующие: определение языкового статуса глагольных образований и их вторых компонентов (И.Е. Аничков [5], Н.А. Львова [6] и др.), происхождение и развитие (М.П. Ивашкин [7], Т.А. Баханская [8]) и другие. В ряде исследований глагольные образования рассматриваются с точки зрения их семантического функционирования (Е.Е. Голубкова [9], А.Н. Яржемский [10]).

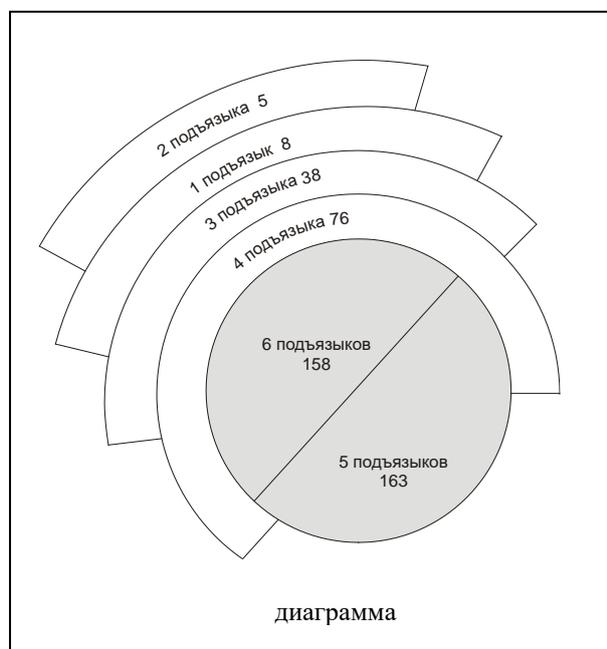
Наше исследование также посвящено изучению семантики глагольных комплексов, которые мы в работе называем «глагольно-наречные сочетания» (далее – ГНС. – *Е.М.*), но в отличие от проведенных ранее исследований основное внимание в нашей работе уделяется вопросу функционирования их как совокупности лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ. – *Е.М.*) в общеязыковом плане и в отдельных подъязыках. Мы разделяем точку зрения лингвистов, представляющих язык как «совокупность частично пересекающихся (совпадающих), но тем не менее относительно самодовлеющих, законченных систем» [11], каждая из которых, являясь частью языка и подчиняясь его закономерностям, обладает и своими особенностями. Из этого следует, что язык не является однородным образованием, а разделяется на ряд подъязыков, связанных с определенной областью человеческой деятельности, причем необходимо отметить, что наибольшее своеобразие подъязыков проявляется в области

лексики. Для исследования мы выбрали подъязыки художественной литературы (авторская и диалогическая речь), медицины, информационных технологий, права и прессы. По нашему мнению, подъязыки художественной литературы достаточно активно реагируют на все изменения, происходящие в языковой структуре, что позволяет составить достаточно ясную картину развития лексической системы; что же касается выбора специальных подъязыков, мы сделали попытку проследить поведение изучаемых лексических единиц в том или ином подъязыке и выявить их максимальную и минимальную реализацию в этом подъязыке.

Для изучения лексического функционирования ГНС в подъязыках и получения достаточно надежных и достоверных результатов был проведен анализ большого текстового материала (в нашем исследовании он составляет более 800 000 словоупотреблений). Непосредственным материалом исследования являются выборки из произведений английских и американских авторов, учебных пособий, технических описаний и журналов, правовых документов, газет, ограниченные хронологическими рамками трех синхронных срезов: 1850-1900 гг., 1900-1950 гг. и 1950-2000 гг. Несомненно то, что такой длительный временной промежуток характеризуется огромными изменениями в политической, социальной и экономической сферах жизни Англии и США, что не может не сказаться на словарном составе английского языка. Техника отбора материала исследования была следующей: из какого-либо источника отбирались сплошную все интересующие нас единицы до тех пор, пока не было сформировано необходимое число выборок (по 100 объектов на каждую выборку для каждого из трех синхронических срезов). Общий объем всей выборочной совокупности составил 320 выборок: 60 выборок x 5 подъязыков и 20 выборок x 1 подъязык (поскольку информационные технологии являются сравнительно новой областью человеческой деятельности, был проведен только синхронный анализ их подъязыка). В

результате сплошной выборки глагольно-наречных сочетаний было обнаружено 1752 единицы с различными вторыми компонентами. Ввиду малой репрезентативности ряда сочетаний эмпирически был установлен порог неслучайного появления, предложенный Ш.А. Сунгуровым [12] и апробированный другими исследователями. Этот порог не прошли глагольно-наречные сочетания с представленностью менее чем в четырех подъязыках и общей частотностью во всех исследуемых подъязыках менее 10. К ним относятся, например, ГНС brush aside, call away, carry down, eat off, hire out, keep back, pour in, set about, throw over, win through и другие. Порог неслучайного появления прошли 397 ГНС с 23 вторыми компонентами (about, ahead, along, apart, around, aside, away, back, by, down, forth, forward, in, off, on, out, over, past, round, through, to, together, up), которые в дальнейшем и послужили материалом исследования.

На первом этапе нашего исследования мы провели статистический анализ всех ГНС, имеющих частотность не менее 10 (их общее количество

составляет 448), и выяснили, что существует целая группа сочетаний, имеющая наибольшую меру представленности в пяти и шести исследуемых подъязыках; их общее количество составляет 221 (158 и 163 соответственно). К ним относятся, например: come back, get up, go out, move about, bring forward, keep on, put down, set apart, think over, wash away и другие. В четырех

подъязыках реализуются 76 глагольно-наречных сочетаний, среди них – blow away, come together, draw back, hold down, lay aside, look about, pay out, run over, show off, speak up. В трёх подъязыках представлены 38

сочетаний такие, как *call forth, fetch up, give off, look away, pay over, push back, read out, write off* и другие. Заметим, что в трех и четырех подъязыках наибольшее количество ГНС отмечено в подъязыке авторской речи, а наименьшее – в подъязыке информационных технологий. В двух подъязыках встречаются всего лишь 5 сочетаний: *fix up, knock off, pump out, sell off, walk back*. Группу с представленностью только в одном подъязыке составляют 8 ГНС: *peel off* (снимать кожицу, корку; лупиться, шелушиться, сходить) – подъязык медицины, *log in, log on* (входить в систему), *print out* (распечатывать) – подъязык информационных технологий, *deliver up* (официально передавать, вводить во владение), *enter up* (фиксировать, записывать) – подъязык права, *bid up* (набавлять цену), *play down* (преуменьшать) – подъязык прессы. Полученные результаты можно представить в виде диаграммы, иллюстрирующей то, что существует некоторая область, или ядро, которое составляет большинство исследованных лексических единиц, распределённых практически по всем выбранным нами подъязыкам, и некие околядерные области, характеризующиеся меньшими по количеству и, следовательно, более специфичными для определенных подъязыков единицами.

Основная задача проводимого исследования – проследить семантические особенности функционирования глагольно-наречных сочетаний как совокупности ЛСВ. В нашей работе мы руководствовались «Большим англо-русским словарем» (далее – БАРС. – *Е.М.*) под редакцией профессора И.Р. Гальперина как наиболее авторитетным лексикографическим справочником, достаточно полно описывающим современное состояние словарного состава английского языка. В предисловии к словарю Гальперин отмечает: «Устойчивость слова в языке – основной критерий для регистрации его в словаре», – [13.С.11] и, как он пишет далее: «Слова и значения-«однодневки» тоже должны найти себе место как в толковых словарях, так и в словарях двуязычных» [13.С.11].

Для достижения поставленной задачи и с целью создания более полного представления о функционировании ЛСВ глагольно-наречных сочетаний в выбранных нами подъязыках мы дополнительно привлекли словари Longman Phrasal Verbs Dictionary [14], Collins Cobuild Dictionary of Phrasal Verbs [15], «Новый англо-русский словарь» под редакцией В.К. Мюллера [16] и специальные словари – этого от нас потребовал собранный текстовый материал и специфика исследуемых подъязыков.

Статистический анализ 397 ГНС, прошедших порог неслучайного появления, показал, что в рассматриваемых подъязыках большая группа сочетаний реализует все словозначения, отмеченные в БАРСе. К таким сочетаниям относятся: add up, break out, bring on, burst out, call up, carry on, clean up, clear away, come away, cut off, draw on, drop off, find out, get back, give up, go along, hold back, keep up, light up, look out, move in, pass on, pay up, pour out, put back, see through, set aside, show off, sit up, slip away, stand by, start out, stir up, strike off, take back, throw back, turn round, wash away, wear out, wipe out, work up и многие другие. Некоторые же словозначения определенных глагольных сочетаний оказываются непредставленными, поскольку являются узкоспециальными и относятся к подъязыкам, которые нами не исследовались. Среди них – ЛСВ, характерные для подъязыка военного дела: «захлебнуться (о наступлении)» (ГНС «break down»), «переносить огонь назад» (ГНС «bring back»), «выходить из строя, расходиться» (ГНС «fall out»), «трассировать» (ГНС «mark out»), «развернуться в боевой порядок» (ГНС «shake out»), подъязыка спорта: «вырабатывать (стиль)» (ГНС «build up»), «оторваться от противника, быть впереди» (ГНС «draw away»), «передавать мяч вперед» (ГНС «feed up»), «объявить подачу игрока законченной» (ГНС «give out»), «висеть на (противнике)»; «держаться за (противником)» (ГНС «hang on»), подъязыка театроведения: «забыть роль» (ГНС «dry up»), «входить (в цирк, балаган и т.п.)» (ГНС «walk up») и другие.

Далее мы проанализировали словозначения глагольно-наречных сочетаний в соответствии с выделенным нами критерием общей представленности (т.е. реализации всех ЛСВ определенного ГНС) в исследованных подъязыках. В *Приложении* приведены фрагменты общего графика (для 397 ГНС), на которых показана кривая, иллюстрирующая степень представленности всех отмеченных в подъязыках ЛСВ по убыванию. Мы можем видеть, что максимальная представленность словозначений характерна для глагольно-наречного сочетания *take up* и следующих за ним ГНС *pick up*, *set up*, *come up*, *give up*, *put up* и других, а минимальная – для сочетаний *wear off*, *walk about*, *take along*, *swallow up*, *strip off* и других.

Проанализировав ЛСВ в отдельных подъязыках, выбранных нами для исследования, мы пришли к следующим выводам:

1. В каждом из исследованных подъязыков присутствуют все ЛСВ только двух глагольно-наречных сочетаний: *get back* и *point out*.

2. Ряд подъязыков характеризуется реализацией в них всех ЛСВ, отмеченных в БАРСе для того или иного ГНС, что указывает на их высокую представленность в определенном подъязыке. Так, например, в подъязыке авторской речи отмечены все 5 значений глагольно-наречного сочетания «*carry on*», в подъязыке диалогической речи – 5 ЛСВ глагольно-наречного сочетания «*give away*», в подъязыке медицины – 3 значения ГНС «*carry out*», в подъязыке прессы – 8 значений сочетания «*give up*», в подъязыке права – 5 ЛСВ глагольно-наречного сочетания «*set aside*». Частотность того или иного словозначения в одном и том же подъязыке различна. Так, например, для ГНС «*give up*» в подъязыке прессы наиболее частотным является ЛСВ «отказаться» – 45, одинаковую частотность имеют ЛСВ «уступать» и «передавать» – 7, «сдаться», «отказываться», «выдать (беглеца)» – 2, «оставить», «бросить (привычку)» – 1.

3. Некоторые ЛСВ имеют малую представленность, но являются высокочастотными в том или ином подъязыке. Это подтверждает то, что

прямой зависимости между представленностью ЛСВ и его частотностью не существует, а также может свидетельствовать о том, что словозначение является узкоспециализированным и характерным для определенного подъязыка. Например, ЛСВ «создавать резервную копию» ГНС «back up» реализуется только в подъязыке информационных технологий с достаточно высокой частотностью, равной в нашем исследовании 36. Список подобных примеров можно продолжить: ЛСВ «растворяться, расслаиваться» глагольно-наречного сочетания «break down» (частотность равна 27) и ЛСВ «извергать, выделять, выпускать» ГНС «throw off» (частотность равна 40) в подъязыке медицины, ЛСВ «представить на рассмотрение» ГНС «call up» (частотность равна 18) в подъязыке прессы, ЛСВ «остановить, выключить, отключить (машину); закрыть (систему)» глагольно-наречного сочетания «shut down» (частотность равна 24) в подъязыке информационных технологий, ЛСВ «спешить, торопиться» ГНС «come on» в подъязыке диалогической речи (частотность равна 31) и другие.

4. Некоторые глагольно-наречные сочетания характеризуются значительной представленностью ЛСВ в одном подъязыке. Среди всех сочетаний ГНС «take up» имеет максимальную представленность словозначений равную 14 в подъязыке прессы. Примерами других ГНС, реализующих большое количество словозначений, являются следующие: «pick up» (в подъязыке авторской речи), «give up» (в подъязыке диалогической речи), «break down» (в подъязыке медицины), «set up» (в подъязыке информационных технологий), «put up» (в подъязыке прессы).

5. В одном и том же подъязыке несколько ЛСВ могут либо иметь равномерную распределенность по текстовому массиву, либо преобладать. Так, например, в подъязыке авторской речи ЛСВ «собирать, добывать», «заезжать, заходить (за к.-л., ч.-л.)» и «брать пассажира» глагольно-наречного сочетания «pick up» распределены равномерно, а ЛСВ

«поднимать, подбирать» и «поднимать» преобладают. Другой пример – ЛСВ глагольно-наречного сочетания «come up» в подъязыке прессы: равномерно распределены словозначения «подниматься, идти вверх», «всходить, прорасти (о растении)», «подниматься, увеличиваться», «нагонять, настигать (к.-л., ч.-л.)» и «предстать перед судом в ожидании решения», а доминирующим является значение «возникать, случаться».

6. Один и тот же ЛСВ глагольно-наречного сочетания может реализоваться во всех исследованных подъязыках, что свидетельствует о его высокой представленности в этих подъязыках. Примерами таких словозначений являются: «сломаться, разрушиться, выйти из строя» (ГНС «break down»), «вызывать, быть причиной» (ГНС «bring about»), «вызывать, приглашать» (ГНС «call in»), «продолжать» (ГНС «carry on»), «вырезать, делать вырезки» (ГНС «cut out»), «заполнять» (ГНС «fill in»), «разузнать, выяснить» (ГНС «find out»), «вернуться» (ГНС «get back»), «уходить» (ГНС «go away»), «останавливать, задерживать» (ГНС «hold up»), «продолжать, не прекращать» (ГНС «keep up»), «устанавливать, утверждать» (ГНС «lay down»), «обращаться к прошлому, вспоминать» (ГНС «look back»), «составлять, собирать» (ГНС «make up»), «выбирать» (ГНС «pick out»), «возникать, появляться, создаваться» (ГНС «spring up»), «начинать» (ГНС «start off»), «принимать (должность и т.п.) от другого» (ГНС «take over»), «израсходовать, использовать» (ГНС «use up»), «записывать, излагать письменно; облекать в письменную форму» (ГНС «write down») и многие другие.

7. Частотность одного и того же ЛСВ глагольно-наречного сочетания в разных подъязыках может быть различна, т.е. словозначения, которые в том или ином языке преобладают, могут значительно реже наблюдаться в другом. В качестве примера можно построить доминанту для двух ЛСВ глагольно-наречного сочетания «set up».

ЛСВ «основывать, учреждать»: право – 92, пресса – 63, информационные технологии – 11, диалогическая речь – 5, авторская речь – 3, медицина – 2;

ЛСВ «вводить, устанавливать»: информационные технологии – 149, право – 42, пресса – 23, медицина – 7, диалогическая речь – 2, авторская речь – 1.

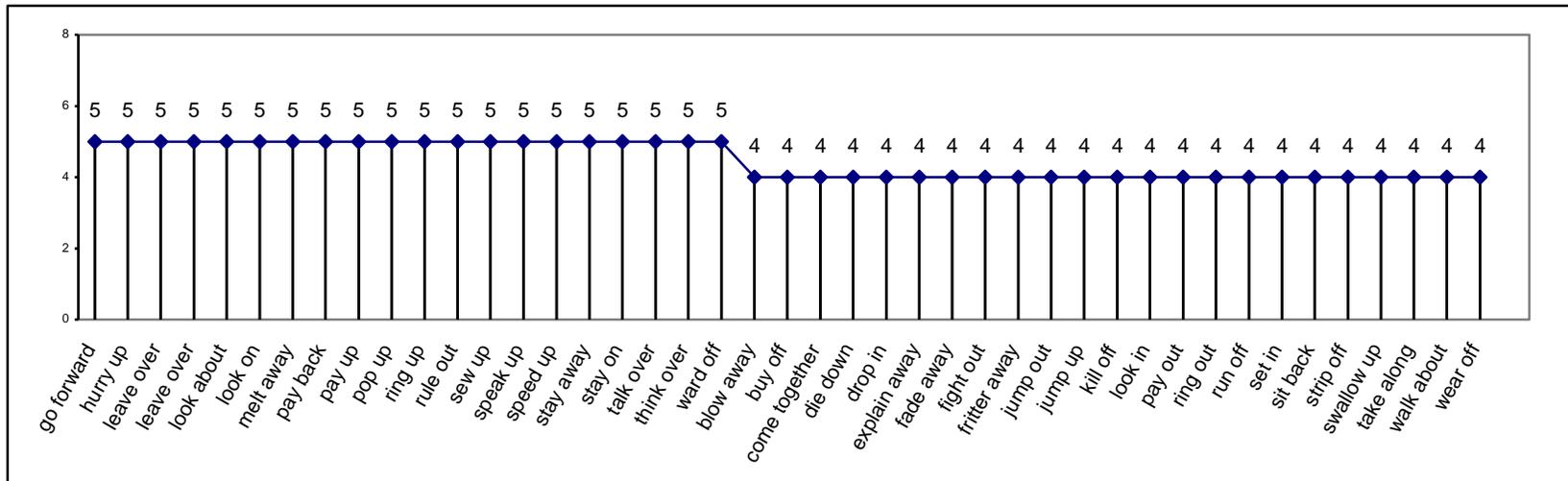
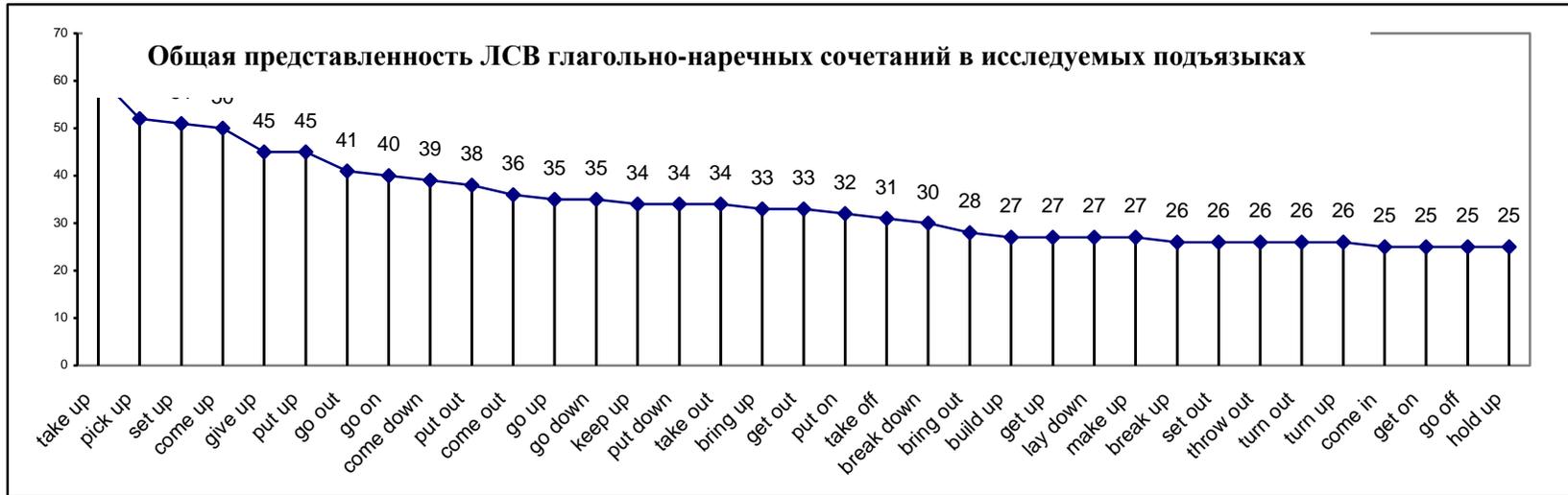
Интересно отметить, что один из ЛСВ рассматриваемого глагольно-наречного сочетания «вызывать, причинять» отмечен только в двух исследуемых подъязыках: медицине (с высокой частотностью 60) и диалогической речи (с минимальной частотностью равной 1), а ЛСВ «поднять паруса или флаг» и «останавливаться в гостинице» (частотность каждого равна 1) – в одном подъязыке (прессы и диалогической речи). Это еще раз подтверждает то, что некоторые словозначения независимо от их частотности в одном подъязыке могут совсем не встречаться в других.

8. Некоторые ЛСВ глагольно-наречных сочетаний, отмеченные нами в исследованных подъязыках, не зафиксированы в словарях, например: ЛСВ «быстро уйти» (ГНС «sweep away») в подъязыке диалогической речи, «прострелить (о боли)» (ГНС «shoot down») в подъязыке медицины, «посылать (сигнал)» (ГНС «put out») в подъязыке информационных технологий, «выходить» (ГНС «pass out») в подъязыках авторской речи, медицины, информационных технологий, права. Эти и ряд других ЛСВ могут либо являться случайными образованиями, либо в силу своей значительной представленности в том или ином подъязыке в конечном итоге закрепиться в языке, что позволяет нам сделать предположение о возможной тенденции дальнейшего развития семантики глагольно-наречных сочетаний.

Библиографический список

1. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова //Вопросы языкознания, 1953, № 5.
2. Андреева В.К. Типы глагольных лексико-семантических вариантов и их системные отношения: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Одесса, 1981. – 21 с.
3. Иноземцева В.А. К вопросу определения смысловой структуры глагола (на материале современного английского языка): Дисс... канд. филол. наук. – Иркутск, 1968. – 211 с.
4. Кузнецова Т.В. Семантическая структура многозначного глагола (опыт анализа). //Филологические науки, 1982, №3. – С.29-37.
5. Аничков И.Е. Английские адвербиальные послелогии: Дисс... докт. филол. наук. – М., 1947. – 536 с.
6. Львова Н.А. Глаголы с поствербями в английском языке в сопоставлении с префиксальными глаголами в немецком и русском языках: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Саратов, 1990. – 18 с.
7. Ивашкин М.П. Синтаксическое и словообразовательное функционирование глагольно-наречных сочетаний типа get up и stand down: Дисс... канд. филол. наук. – Горький, 1972. – 200 с.
8. Баханская Т.А. Развитие подсистем английских префиксальных глаголов и глагольно-наречных сочетаний типа to overcome – to come over: Дисс... канд. филол. наук. – Н.Новгород, 2001. – 183 с.
9. Голубкова Е.Е. Глагольные комплексы типа come in, put away в современном английском языке (Семантика и функционирование): Дисс... канд. филол. наук. – М., 1990. – 169 с.
10. Яржемский А.Н. Разграничение полисемии и омонимии глагольных сочетаний типа put up в английском языке: Дисс... канд. филол. наук. – Н.Новгород, 1993. – 338 с.

11. Ивашкин М.П. Синхронно-диахронический анализ переходных процессов в английском языке. – М., 1988. – 171 с.
12. Сунгуров Ш.А. Структурно-вероятностный анализ именных словообразовательных форматов (на материале распределительного словаря по подязыку лингвистики современного немецкого языка): Дисс... канд. филол. наук. – Л., 1975. – 164 с.
13. Большой англо-русский словарь /Под ред. И.Р. Гальперина. – М., 1987.
14. Longman Phrasal Verbs Dictionary. Harlow, 2000.
15. Collins Cobuild Dictionary of Phrasal Verbs. Glasgow, 2001.
16. Новый англо-русский словарь /Под ред. В.К. Мюллера. – М., 2002.

О.Г. Оберемко

**Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова**

ДИСКУРС КАК СЛОЖНОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ЯВЛЕНИЕ В ПОДГОТОВКЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Взаимодействие различных дисциплин в такой сфере коммуникации, как перевод, существенно влияет на качество перевода. Это необходимо учитывать при подготовке профессиональных лингвистов (переводчиков). Во взаимодействии этих дисциплин в обучении переводчиков особое внимание целесообразно уделить понятию **д и с к у р с а**. Термин «дискурс» имеет много определений. Но для нашей статьи актуальны следующие из них.

1. Дискурс - это сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знание о мире, мнения, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста (Ю.Н.Караулов, В.В.Петров). Элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перформативная информация и «не-события», т.е. обстоятельства, сопровождающие события; фон, поясняющий события; оценка участников события; информация, соотносящая дискурс с событиями.

2. Дискурс: 1) в одном из пониманий - совокупность тематических, культурных или как-либо еще взаимосвязанных текстов, допускающих их развитие и дополнение другими текстами; 2) термин социологии,

социальной семиотики и политологии, введенный М.Фуко. Общение, рассматриваемое как реализация определенных дискурсивных практик; 3) вид речевой коммуникации, предполагающий рациональное критическое рассмотрение ценностей, норм и правил социальной жизни; термин логики, философии, социологии и социальной семиотики, введенный Ю.Хабермасом.

Обобщая современную литературу по социальной семиотике, философии и психологии общения, общей теории коммуникации, теории дискурсивного анализа и др., можно выделить следующие виды дискурсов:

- «педагогический дискурс» (определяются общественные нормы поведения детей и юношества);

- «политический дискурс» (актуализируется общественное сознание);

- «научный дискурс» (происходит самоустранение ученого как адресанта ради объективности изложения);

- «критический дискурс» (излагается чаще всего субъективная критика деятельности человека и интеллектуальных (духовных) продуктов этой деятельности в разных сферах: науке, политике, искусстве);

- «этический дискурс» (освещаются вопросы «добра» и «зла», «хорошего» и «плохого»);

- «юридический дискурс» (аргументируются положения о правовых нормах человека в обществе);

- «военный дискурс» (излагаются толкования конфликтов и войн);

- «родительский дискурс» (уникальная по своим общеценностным параметрам Нагорная проповедь);

- «прагматические дискурсы» (актуализируются определенные коммуникативные стратегии и контекстуальные макростратегии).

Выделяются также «интердискурс» и «специальные дискурсы» (В.Либерт), их обозначают также как «общий дискурс» и «частные дискурсы». Дискурсы актуализируются в виде текстов.

При переводе художественной литературы переводчик учитывает этический и национальный дискурс.

В теории перевода известны следующие методы: транслитерация, калькирование, описательный перевод, приблизительный перевод, примечание переводчика, моделирование.

Моделирование перевода связано как с моделированием мышления, так и с моделированием процесса образования понятий. Одной из моделей является идеальная мысленная модель некоторого фрагмента действительности или воображаемого мира, включенная в нормативно-ценностную систему субъекта. Это смысл, который трактуется как некоторое идеальное образование, создаваемое субъектом в процессе понимания текста и существующее только у него в голове. Текст выступает в качестве «программы для построения смысла, а не в качестве его носителя».

При такой постановке вопроса на первый план выходит задача изучения процессов обработки информации человеком, идентификации личностных смыслов. Овладение переводчиком идентификационными стратегиями, которые сформированы у носителя языка, дает ему возможность идентифицировать образ нового слова, сохранить особенности творческого видения писателя или индивидуальность говорящего.

Важным условием эффективности процесса подготовки переводчиков является создание целостной системы, включающей в себя как языковой, так и общекультурные компоненты. Эта система должна быть комплексной и обеспечивающей взаимосвязь своих составных частей. По нашему мнению, это должен быть спецкурс лингвострановедения.

Напомним коротко, что данный курс знакомит студентов с особенностями исторического развития, политическим строем, современной культурной жизнью и менталитетом страны изучаемого языка. Будущий переводчик должен быть компетентен в языковом и коммуникативном планах. Формирование данной компетенции невозможно без лингвострановедческого подхода к процессу профессиональной подготовки.

Целью курса лингвострановедения является расширение фоновых знаний студентов и ознакомление их с языковыми реалиями страны для совершенствования умений и навыков перевода. Кроме этого, преподавание курса лингвострановедения на переводческом факультете призвано повысить общий культурный уровень студентов путем сообщения им сведений из специальных отраслей знаний (искусство, традиции и обычаи). Одна из основных задач - помочь студентам ощутить себя в новой культуре и новом языке. Важно выработать у студентов необходимые приемы работы со лингвострановедческой информацией на аналитическом уровне, сформировать у них умения сравнения и обобщения, соотнесения иноязычной культуры с культурой родного языка. Хорошая лингвострановедческая подготовка будущих переводчиков поможет им впоследствии осуществить переход к частным, имеющим национальную окраску понятиям.

Профессионал-переводчик обязательно должен владеть знаниями о своей Родине, поэтому курс лингвострановедения непосредственно связан с историей отношений страны изучаемого языка с Россией, литературой и другими предметами общекультурного блока.

Значение периодической печати в учебном процессе трудно переоценить, ведь именно из газет и журналов студенты получают актуальную информацию о политической, экономической и культурной жизни страны изучаемого языка. Это способствует расширению общего

кругозора учащихся, их эстетическому и нравственному воспитанию. При этом воспитание осуществляется не с позиций норм и ценностей страны изучаемого языка, а на основе сравнения социокультурного опыта народа, говорящего на изучаемом языке, со своим собственным опытом.

При обсуждении текущих событий из жизни своей страны и страны изучаемого языка возникает необходимость выработать свою позицию, выразить свое отношение к происходящему, уметь аргументировать и отстаивать свою точку зрения.

На занятиях с использованием материалов прессы студенты овладевают техникой общения, речевым этикетом, стратегией и тактикой диалогического и группового общения, учатся быть речевыми партнерами, решать различные коммуникативные задачи. Важно при этом на продвинутых этапах обучения придавать занятиям характер дискуссий, обсуждения вытекающих из текстов проблем и обучать будущих переводчиков аргументированию, резюмированию материалов, соответствующих их интеллектуальным запросам.

Для усвоения лингвострановедческого минимума в качестве средства обучения особую роль играет иллюстративная наглядность. Она помогает определить место языковых единиц, содержащих лингвострановедческую информацию в лексической системе и возможности их употребления в речи, создает правильные денотативные связи. Учеными разработано деление страноведческих визуальных материалов в зависимости от их назначения и вида на различные группы (иллюстрации, рисунки и фото, произведения изобразительного искусства). Учитывая требования к семантизирующим изображениям при составлении учебных пособий, имеет смысл использовать графический рисунок, акцентирующий лингвострановедческий план содержания.

Следует отметить, что в лингвистике благодаря теории машинного перевода накоплена научная информация о моделях предложений,

позволяющих описать основные процессы человеческой деятельности вообще и речевой деятельности, в частности. Так, в рамках семантико-ориентированных моделей предложений было выявлено девять семантических полей, отражающих основные процессы человеческой деятельности:

- 1 - мыслительная деятельность;
- 2 - речевая деятельность;
- 3 - чувства и эмоции;
- 4 - способность, дар, талант человека;
- 5 - власть, сила;
- 6 - деятельность и ее результаты;
- 7 - движение, перемещение;
- 8 - создание препятствий;
- 9 - отсутствие определенных качеств, черт характера.

А в рамках ситуационно-ориентировочных моделей предложений было выявлено восемь семантических полей, отражающих основные процессы человеческой деятельности:

- 1 - деятельность и ее результат;
- 2 - проявление определенных черт характера;
- 3 - физическое состояние человека;
- 4 - эмоции и чувства;
- 5 - жизненный путь, карьера;
- 6 - движение, перемещение;
- 7 - речевая деятельность;
- 8 - нанесение вреда.

Вхождение в инородную культуру происходит с опорой на познания собственной, родной культуры. Это продуктивно осуществлять в ходе изучения курса русского языка, т.к. осознание студентами специфики и

уникальности родного языка может дать более качественные профессионально релевантные результаты.

Инструмент переводчика - язык, поэтому научить языку - первая задача в подготовке квалифицированного специалиста в области перевода. Современные представления о языке как объекте языкознания основаны на четырех фундаментальных его свойствах - исторически обусловленном характере развития, психической природе, системно-структурных основах его устройства, социально обусловленном характере возникновения и употребления.

Считается, что первые два названных свойства языка требуют применения культурологического подхода в его преподавании. Исторически обусловленный характер развития языка свидетельствует о том, что он вбирает в себя и закрепляет те изменения в культуре того или иного народа, которые носят постоянный значимый характер.

Говоря о психической природе языка, нельзя ограничиться только узким пониманием этого факта с точки зрения механизма психического процесса. При этом требуется осознание того, что реальное бытие имеет язык каждого индивидуума. Но каждый говорящий человек уникален, и количество индивидуумов не позволит уловить суть этого психологизма. Всех говорящих объединяет то общее, что каждый опытный переводчик сознает, не сознавая, и учитывает при осуществлении процесса перевода, что заключено в духовной организации человека, совокупности его душевных качеств, то есть, в душевном складе. Это позволяет говорить не столько о психологизме языка, сколько о его ментальности. Типичные, характерные, самобытные черты языка проявляются в его ментальности.

Следующие два свойства языка - системно-структурная основа его устройства и социально обусловленный характер его возникновения и употребления - приводят к мысли, что в них заложены представления о

внутренней и внешней структурах языка, об их взаимодействии в процессе его функционирования и исторического развития.

В последнее время в лингвистике стали изучать человеческий фактор в языке, язык в связи с человеческой деятельностью, человека в языке и язык в человеке, а не язык сам по себе и для себя. Делаются попытки разработки теории языка как деятельности. Но пока еще не разработаны конкретные лингвистические технологии, учитывающие феномен человека. Причиной может быть отсутствие интегрирующей силы у всех четырех фундаментальных свойств языка: из социальности не следует системность, из исторического характера развития не следует психологической сущности языка, а его психологическая основа не обосновывает его социальности. Интегрирующим фактором может выступать человеческий фактор, проявляющийся во введении в рассмотрение лингвистики языковой личности как равноправного объекта изучения, как такой концептуальной позиции, которая позволяет интегрировать разрозненные и относительно самостоятельные свойства языка.

Т.Н. Плесканюк

**Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова**

ЗАКОНОМЕРНОСТИ СВЯЗЕЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ С ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКОЙ

Словообразовательное значение в науке понимается по-разному.

Рядом ученых словообразовательное значение определяется как значение, возникающее при взаимодействии категориальных значений

производных и производящих, причем оно описывается в терминах категориального значения. «Словообразовательное значение, - пишет В.Н. Хохлачева, - значение, обусловленное семантическим (категориальным) взаимодействием единиц, производных и производящих, специфическое для каждого словообразовательного типа, но едино с точки зрения общих принципов своей обусловленности» [1.С.46]. В рамках данного понимания словообразовательного значения аффиксальная морфема является средством передачи отношений производности, «она лишена собственных значений и ее роль заключается в функции, обуславливающей единство словообразовательного типа» [1.С.39].

В том же русле описывает словообразовательное значение П.А. Соболева. В качестве элементарной единицы словообразовательного уровня П.А. Соболева использует деривационный шаг (отношение производящего и производного), а в плане содержания каждому деривационному шагу соответствует общее словообразовательное значение, которое формулируется в категориальных терминах. Фактически общее словообразовательное значение определяется через отношение категориальных значений, и это позволило П.А. Соболевой исчислить количество таких значений.

Описывая словообразовательную систему с помощью аппликативной грамматики, П.А. Соболева обнаружила невозможность поместить в 16 общих словообразовательных значений все богатство и разнообразие семантических отношений производных и производящих и вынуждена была ввести понятие частного словообразовательного значения, в котором реализуется общее словообразовательное значение [2.С.11].

Развивая учение В.Н. Хохлачевой и П.А. Соболевой о словообразовательном значении как следствии производности слов, И.А. Ширшов отмечает, что «само словообразовательное значение остается неопределенным. В терминах категориальных значений можно

описать только одну подсистему словообразования - синтаксическую деривацию, где, кроме взаимодействия категориальных значений, никаких семантических приращений не происходит» [3.С.97].

В.И. Максимов и В.В. Лопатин связывают определение словообразовательного значения с отвлеченным признаком и определяют его следующим образом: «общее значение, передаваемое суффиксом целой группе однотипных слов, следует называть словообразовательным (или деривационным, классифицирующим)» [4.С.25]. Анализируя слова СМЕЛОСТЬ, ХРАБРОСТЬ, РЕШИТЕЛЬНОСТЬ, В.И. Максимов «выявляет у них это общее значение - отвлеченный признак, который объединяет в один разряд все производные и отличает их от производящих прилагательных. Из этого определения следует, что словообразовательное значение выявляется в производных словах, а следовательно, является компонентом семантической структуры слова» [4.С.24]. Но далее В.И. Максимов замечает, что «словообразовательное значение присуще не самим производным, а образующим их аффиксам» [4.С.23], тем самым утверждая автономный характер словообразовательного значения.

Но анализ семантики и структуры производных слов, как правило, завершается выявлением структуры и семантики словообразующих аффиксов. Возможность вычленения значения аффиксов в семантической структуре производного слова создает видимость их семантической автономии. Эта видимость усиливается, когда исследователь описывает словообразовательную систему, избрав отправной точкой производящую основу, в таком случае создается впечатление, что достаточно сложить производящую основу и аффикс (значение которого автономно), чтобы получилась новая словарная единица. Можно предположить, что словообразовательное значение лица «присуще» суффиксу -ИСТ-, а не производной основе, в которой этот суффикс функционирует.

В.В. Лопатин анализирует: «Складывая семантику производящей основы с семантикой суффикса -ИСТ-, наблюдаем за семантикой производного слова: трактор «машина» + -ИСТ- «лицо» = тракторист - «лицо, которое водит трактор»; баян «музыкальный инструмент» + -ИСТ- «лицо» = баянист - «лицо, которое играет на баяне».

В семантике производных слов обнаруживаются семантические компоненты, которых не было ни в производящей основе, ни в аффиксе, в толковании производных слов они передаются словами ВОДИТ, ИГРАЕТ. Эти компоненты являются специфической принадлежностью производных слов, а так как они взаимодействуют со значением лица, то последнее также свойственно производному слову, оно функционирует и выявляется в производном слове. Разница между дополнительным компонентом и словообразовательным значением в том, что последнее выражается аффиксом, а первое не имеет формальных средств в выражении» [5.С.12].

Принадлежность словообразовательного значения к производному слову не противоречит понятию «словообразовательный акт», то есть процессу взаимодействия производящих основ и аффиксов при возникновении слов и форм: значение аффикса осмысливается в производных словах, закрепляется за определенной формой и используется для образования новых слов в рамках словообразовательного типа, где его связанность проявляется особенно четко.

Группа исследователей во главе с Г.О. Винокуром определяет словообразовательное значение иначе. «Значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы», - писал Г.О. Винокур [6.С.425]. Сопоставление значений производных и производящих основ и является собственно лингвистической задачей в изучении значений слов, в этом сопоставлении и определяется значение аффикса, которое принципиально

отличается от значений основ: его особенность в том, что оно способно вносить в значение производящей основы ту или иную модификацию, тем самым оно становится компонентом значения производной основы. Развивая эти положения Г.О. Винокура, его последователи внесли в трактовку словообразовательного значения ряд существенных уточнений.

В терминах категориального значения описывает словообразовательное значение Е.С. Кубрякова: «обобщенные категориальные значения, имеющие специальное выражение, но не являющиеся обязательными, мы и называем словообразовательными значениями» [7.С.148]. Определив место словообразовательного значения между индивидуальным лексическим и в высшей степени обобщенным грамматическим, Е.С. Кубрякова отметила его системный, обобщающий характер. Описывая словообразовательное значение, Е.С. Кубрякова замечает, что «оно подстраивается под грамматическое значение, так как имеет обобщенно-категориальный характер, и выражается в языке деривационными аффиксами» [7.С.148].

Таким образом, в данном случае у грамматического и словообразовательного значения отмечен один отличительный признак - грамматическое значение отвечает требованию обязательности, словообразовательное значение - этому требованию не отвечает, хотя и то и другое в языке формально выражается. На содержательном уровне эти значения мало чем отличаются: словообразовательное значение - «обобщенное категориальное», а грамматическое значение - «в высшей степени обобщенное».

По мнению Е.А. Земской, «словообразовательное значение является общим для производных данного типа» [8.С.184], то есть выявляется не в одном производном и не в группе производных, а в производных, построенных по формуле одного словообразовательного типа.

Если В.И. Максимов абсолютизирует значение аффикса, отрывает

его от значения производной основы, то Е.А. Земская, наоборот, все внимание сосредоточивает на семантике производных слов, значение же аффикса оказывается затемненным, растворяется в семантике производной основы. Что касается синтаксической деривации, то здесь использование методики семантического сопоставления производной и производящей вообще затруднено.

Вслед за Е.А. Земской М.Я. Главинская считает собственно словообразовательным значение аффикса плюс значение производящей основы. Анализируя слово НАХЛЕБНИК - «тот, кто живет на чужих хлебах», она выделила в его семантике две части: 1) собственно словообразовательное значение - «тот, кто» (значение -НИК), «средства к существованию» (значение ХЛЕБ) и «с помощью» (значение НА-); 2) фразеологическое наращение - смысл «чужие» и смысл «жить» [9.С.23]. В статье М.Я. Главинской словообразовательное значение толкуется неоднозначно: под ним понимается то значение аффикса и производящей основы, то только «словообразовательное значение суффикса» [9.С.34]. Фразеологические наращения появляются только в семантике производного слова, тем не менее они выводятся за пределы словообразовательного значения, а семантика производящей основы в него включается. Фразеологические наращения, видимо, выполняют какую-то связующую функцию между значением производящей основы и значением аффиксов.

Семантика производящей основы и семантика фразеологического наращения являются величинами переменными в значении производного слова, они противопоставлены семантике аффиксов как величине постоянной (в пределах словообразовательного типа). В то же время семантика аффиксов и семантика фразеологического наращения, появляющаяся в структуре производного слова, противопоставлены семантике производящей основы: первое значение связанное, а значение

производящей основы может функционировать и самостоятельно. Наконец, значения аффикса и производящей основы, имеющие выражения в структуре производной основы, противопоставлены фразеологическому наращению, такого выражения не имеющему.

Последний вариант положен в основу теории И.С. Улуханова, который выделяет в значении словообразовательно мотивированных слов три части: 1) мотивирующую часть, выражаемую словом или комплексным наименованием; 2) часть, выражаемую словообразовательным формантом; 3) семантические компоненты, не входящие ни в мотивирующую, ни в формантную части (они могут отсутствовать) [10.С.76].

В последних работах И.С. Улуханов пересмотрел соотношение между формантной частью значения и дополнительными семантическими компонентами в сторону большей нагруженности формантной части. Введя понятие вариантных - инвариантных формантов, он выявил специфику каждого из них. Сходные идеи о природе словообразовательного значения развивает Р.С. Манучарян. «Словообразовательные значения, - пишет он, - это общая для ряда производных слов семантическая реляция их структурных компонентов, основанная на корреляции производных и соответствующих производящих» [11.С.12]. Как и И.С. Улуханов, Р.С. Манучарян делит словообразовательные значения «на общекатегориальные и частнокатегориальные, невариантные и вариантные, причем последние представляют собой иерархию общего (инвариантного) и подчиненных ему частных (вариантных значений)» [11.С.29].

Инвариантные значения типа «относящиеся к такому-то предмету» Р.С. Манучарян определяет как синтаксико-лексические независимые, а вариативные, зависящие от варьирования внешнего контекста, как синтаксико-лексически обусловленные, например:

ДУБОВЫЙ (стол) - «сделанный из того-то», ДУБОВЫЙ (лес) - «состоящий из того-то» [11.С.20].

Деление словообразовательных значений на вариантные и неинвариантные позволило Р.С. Манучаряну применительно к словообразовательному типу дать их более дробную классификацию: внутритиповые, типовые и межтиповые [11.С.33]. С другой стороны, рассмотрение словообразовательных значений в рамках семантической системы дало возможность М.С.Манучаряну выделить более крупные единицы: словообразовательную категорию и словообразовательно-семантическую парадигму.

Примерно в том же русле продолжала свои исследования О.П. Ермакова. Но исследования словообразовательной семантики было повернуто и к лексической семантике. О.П. Ермакова попыталась определить причины появления фразеологических наращений в семантике производного слова [12].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что словообразовательные значения не только взаимодействуют с определенными семантическими компонентами производящих, но ими во многом и определяются. При описании семантики производных слов следует указывать не на категориальные значения производящих, а на их общий семантический компонент, на базе которого формируется словообразовательное значение производных, так как оно взаимодействует со словообразовательным значением. Следовательно, общим положением для ученых, описывающих словообразовательное значение, и принятом в нашем исследовании, является понимание словообразовательного значения как семантического компонента лексического значения слова.

Библиографический список

1. Хохлачева В.Н. К истории отглагольного словообразования существительных в русском литературном языке нового времени. - М.: Наука, 1969. - С.351.
2. Соболева П.А. Аппликативная грамматика и моделирование словообразования. М. - 1970. - С.130.
3. Ширшов И.А. Проблемы словообразовательного значения в современной отечественной науке. // ВЯ. – 1979. -№5
4. Максимов В.И. Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. - С.224.
5. Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. (Проблемы и принципы описания) . - М.: Наука, 1977. - С.315.
6. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию. Избр.труды по рус. яз. - М.: Учпедгиз, 1959. - С.539.
7. Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа. - М.: Наука, 1974. - С.148.
8. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование.-М.: Просвещение, 1973. - С.304.
9. Гловинская М.Я. О зависимости морфемной членимости слова от степени его синтагматической фразеологизации. //Сб.: Развитие современного русского языка. - М.: Наука, 1975. - С.264.
10. Улуханов И.С. Компоненты значения членимых слов. // ВЯ. -1974.- N2.
11. Манучарян Р.С. Проблемы исследований словообразовательных значений и средства их выражения. - Ереван, 1975. - С.150.
12. Ермакова О.П. Проблемы лексической семантики производных и членимых слов. - М.- 1977. - С.137.

Р.Д. Пятина

**Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова**

ЗВУКОПИСЬ В СТИХОТВОРЕНИИ В. МАЯКОВСКОГО

«ИЗ УЛИЦЫ В УЛИЦУ»

Я - внезапный излом,

Я - играющий гром...

К. Бальмонт.

В. Маяковский начинал свой творческий путь как поэт-футурист. А футуристы стремились найти новую форму выражения, в том числе и в звучании поэтического слова. Стихотворение Маяковского «Из улицы в улицу» - яркий пример такого обостренного интереса к звуковой стороне произведения.

ИЗ УЛИЦЫ В УЛИЦУ

У-

лица.

Лица

у

догов

годов

рез-

че.

Че-

рез

железных коней
с окон бегущих домов
прыгнули первые кубы.
Лебеди шей колокольных,
гнитесь в силках проводов!
В небе жирафий рисунок готов
выпестрить ржавые чубы.

Пестр, как форель,
сын
безузорной пашни.
Фокусник
рельсы
тянет из пасти трамвая,
скрыт циферблатами башни.
Мы завоеваны!
Ванны.
Души.
Лифт.
Лиф души расстегнули.
Тело жгут руки.
Кричи, не кричи:
«Я не хотела!» -
резок
жгут муки.
Ветер колючий
трубе
вырывает
дымчатой шерсти клок.

Лысый фонарь
 сладострастно снимает
 с улицы
 черный чулок [1].

1913

Заглавие стихотворения создает образ движения в городе, благодаря чему улица воспринимается в целом как единое живое существо, подобное человеку. Откуда возникает это впечатление движения? Оно начинается со звукового повтора, который естественно появляется из словесного повтора «улицы – улицу» и подкрепляется семантикой направления движения, заключенной в предлогах ИЗ и В. Повтор, представленный ассонансом заглавия, рождает ритм движения: и- у - и -ы - у - и - у.

В стихотворении дано описание улицы. Вначале появляется один звук У - символ улицы. У - звук заднего ряда, верхнего подъема, узкий, лабиализованный. Давид Бурлюк в своем стихотворении о русских гласных так написал о нем: «Звуки на У, как пустая труба» [2]. Читатель знает, что речь идет об улице, так как стихотворение имеет заглавие, а начавшееся слово - продолжение, но графическая обособленность звука сообщает ему автономность и самостоятельность значения.

«Звуковой хиазм У-

лица.

Лица

у

как бы говорит: вот вам улица и ее облики, лица, черты. Хиазм зрительно и на слух сталкивает эти лица внутри улицы.

Дальнейшая, развернутая картина улицы выглядит как мозаика, сложенная из отдельных эпизодов и фрагментов. Образы улицы и случайны, как неожиданно возникшие собаки /Лица у догов годов резче/, и постоянны, как «лебеди шей колокольных». Улица многолика. И эта

множественность подчеркнута грамматической формой множественного числа имен существительных: лица, доги, годы, железные кони /трамваи/, дома, кубы, лебеди, шеи, силки, провода, чубы, рельсы, ванны, души. При этом неодушевленное уподобляется одушевленному, животное - человеку. В колокольнях видятся и лебеди, и жирафы, и форель; фонарь становится лысым, как человек, а морды догов уподобляются лицам людей, у которых возраст обостряет все черты. Последняя метафора прочерчена метатезой звуков /догов - годов/ и звуковым хиазмом.

Лица

у

догов

годов

рез-

че.

Че-

рез ...

Графический стих /"лесенка"/ делает метатезу и хиазм наглядными. Хиазм помогает нам услышать звуки резца /р-з-ч/, которым время-скульптор вырезает черты живого облика.

Отвлеченное понятие времени приобретает черты конкретности в аллегории время - циферблат - фокусник.

Фокусник

рельсы

тянет из пасти трамвая,

скрыт циферблатами башни.

Конкретным носителем идеи движения является не только фокусник /время, которое движется/, но и трамвай. Воплощение отвлеченных понятий времени и движения в конкретные формы - это тоже путь

очеловечивания улицы. Оно наблюдается и на образном уровне /в тропах/, и на уровне звучания /звукоподражание/.

Звукообраз трамвая нарисован с помощью ассонанса ударных гласных А: а/я/-а-а-а-а – «тянет из пасти трамвая, скрыт циферблатами башни». Звук А господствует в слове «трамвай» и становится носителем его значения. В предложении налицо также аллитерация: сн-с-т-т-с-ст-тр-скр-т-ц /тс/-т-шн. Свистящие, шипящие звуки С,Ц,Ш и взрывной Т в сочетании с дрожащим Р воспроизводят громыханье и скрип трамвая. Движение повторяется в пространстве. Дома из окон трамвая кажутся «бегущими», свет «прыгает», фонарь снимает чулок, ветер вырывает «шерсти клок», пришедшие на свидание «лиф души расстегнули».

Окружающие предметы и люди так тесно связаны между собой, что оказываются как бы «в силках» совместного существования.

Лебеди шей колокольных,
гнитесь в силках проводов!

Мы завоеваны!

Завоеваны временем, цивилизацией, своими чувствами, друг другом.

Улица приобретает душу. Это душа человека с ее муками и криками.

Ванны.

Души.

Лифт.

Лиф души расстегнули.

Омографы /дүши - душй/, звуковые повторы и хиазм подчеркивают это слияние живого и неживого.

Звукообраз мучительного крика передан через аллитерацию взрывных звуков Т, К, Г.

Тело жгут руки.

Кричи, не кричи:

«Я не хотела!» -

резок

жгут муки.

Омоформы глагол «жгут» и существительное «жгут» становятся стержнем звукообраза «крик».

Крик души находит себе соответствие в жестах внешнего мира. Драматизм человеческих отношений сопрягается с образом одушевленного ветра.

Ветер колючий

трубе

вырывает

дымчатой шерсти клок.

Звукообраз ветра описан с помощью аллитерации на Т и Р, К и Л.

Особое место в стихотворении занимает образ света. Он дается в начале и в конце произведения, усложняясь и обрастая новыми смыслами. Вот свет зажигается в окнах домов.

Че-

рез

железных коней

с окон бегущих домов

прыгнули первые кубы.

Метонимия света нарисована с помощью последовательной аллитерации: з-з-н-к-н-к-н-пр-п-р-к.

В конце свет предстает в виде выразительного олицетворения.

Лысый фонарь

сладострастно снимает

с улицы

черный чулок.

Основная аллитерация здесь: л-сл-с-с-ч-ч. Нужно иметь в виду свидетельство психологов о том, что звуки, стоящие в начале слов, воспринимаются в 4 раза сильнее, чем другие. [3]

Глухой звук Ч является знаком черного цвета в олицетворении /черный чулок/ и одновременно знаком темноты улицы. Звуковой повтор сочетания УЛ /с улицы - чулок/ является знаком женщины в олицетворении и одновременно знаком собственно улицы. Звук С — знак эмоционального движения в олицетворении /сладоострастно снимает с улицы/ и одновременно знак движения света от фонаря на улице. Звуки Л - С /лысый/ - знак мужчины в олицетворении. Если сопоставить звуковые соответствия мужчины и женщины УЛ - ЛС, то можно прийти к выводу, что звук Л - знак человека вообще. И тогда первый звук стихотворения У /улица/ образует соответствие со звуком Л /человек/. Соответствие У - Л - это формула вочеловечивания улицы. Так звуки становятся символами, играя при этом ведущую роль в создании основного образа стихотворения.

Улица, окружающий мир - это прежде всего человек с его муками и радостями, болями и страданиями, агрессией и нетерпимостью. В этом заключается главная мысль стихотворения. Зарисовка городской улицы превращается в произведение, несущее заряд обостренного гуманизма. Человек у Маяковского звучит драматически.

Композиция стихотворения тесно связана с его звуковой организацией. В целом произведение представляет собой два соположенных круга: малый круг /хиазм У -лица. - Лица - у/ и большой круг, образованный тропами света /метонимия «прыгнули первые кубы» и олицетворение «лысый фонарь»/. Малый круг дает общее представление об улице. В большом круге отдельные фрагменты приближены к читателю.

Круги соединяются друг с другом повторяющимся образом времени /годов - циферблатами/ и повторяющимся образом трамвая /железных

коней - из пасти трамвая/. Кони становятся железными, а железный трамвай имеет пасть, как у живого коня.

Как осуществляется последовательное развертывание текста? Первые строки стихотворения демонстрируют способ развертывания. Это звуковой, слоговой и словесный хиазм. Структура произведения - это ряд сцеплений хиазма с интонационно законченной синтаксической единицей - предложением. Стык хиазма - это, как правило, конец предыдущего и начало последующего предложения. Первый хиазм - лица. Лица. Вторым хиазм - -че. Че-. Третий хиазм - жирафий - выпестрить. - Пестр - форель, то есть: р-ф-пестр-Пестр-ф-р. Четвертый хиазм – Лифт. Лиф. Между хиазмом и предложением возникает цепная связь, которая обеспечивает, как правило, поступательное движение в тексте, так как хиазм закончился, а интонация предложения продолжается.

Хиазм является также средством выделения особо значимой части стихотворения. Так пятый и шестой хиазмы накладываются друг на друга. Они имеют общий стык. Пятый хиазм: Тело - Кричи, не кричи - не хотела. Шестой хиазм усилен рифмой: жгут руки - Кричи, не кричи - жгут муки. Совмещение хиазмов указывает на эмоциональный центр произведения - мучительную страсть.

Два последних образа произведения /колючий ветер и лысый фонарь/ объединяются в тексте перекрестной рифмой: вырывает - клок, снимает - чулок. Рифма используется также для соединения частей текста между хиазмами: догов - годов; домов - кубы - проводов - готов - чубы; пашни - башни; завоеваны - ванны.

Итак, звукопись проявляется в произведении в звукоподражании, в создании звукообразов с помощью ассонансов, аллитераций, звуковых хиазмов, в использовании звукового символизма. Она тесно связана с графикой, системой тропов, композицией, общей семантикой текста.

Значимыми являются факторы всех языковых уровней. В качестве ведущего начала выступает звучание речи.

В стихотворении «Из улицы в улицу» Маяковский не только поэт, но и художник. По мнению исследователей поэзии эпохи Серебряного века, «ранние стихи Маяковского... напоминают живопись кубизма, воплощенную в слове». [4] При некоторой условности хиазм с его резким звуковым стыком действительно можно уподобить кубу резко очерченными гранями.

Общая графика начала стихотворения напоминает контуры буквы У. Первые два хиазма – это нижняя, узкая часть буквы, «хвостик» ее, верхняя часть буквы – это строки:

В небе жирафий рисунок готов

Выпестрить ржавые чубы.

Таким образом, буква У как бы опрокидывается в пространство стихотворения. Общее звучание начала произведения и его графика повторяют соотношение между звуком и буквой. Внешний вид последующего, «вытянутого» текста воплощает пространственную идею протяженности улицы. Таковы возможные живописные ассоциации. Несомненны также в произведении ассоциации музыкального характера. Недаром Бурлюк сравнивал звук У с трубой, а Маяковский задавал вопрос:

А вы

ноктюрн сыграть

могли бы

на флейте водосточных труб?

Стихотворение «Из улицы в улицу» вполне можно назвать тревожным ноктюрном.

Библиографический список

1. Поэзия Серебряного века. - М.: Изд-во Эксмо, 2004, с.130-131.
2. Там же, с.163.
3. Журавлев А.П. Звук и смысл. - М.: Просвещение, 1991, с.31.
4. Поэзия Серебряного века. - М.: Изд-во Эксмо, 2004, с. 116.А.Н.

М.В. Цветкова

**Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова**

К ВОПРОСУ О МЕТРИЧЕСКОМ ОФОРМЛЕНИИ КОНЦЕПТА ПУТИ В АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Кирилл Тарановский в своей эпохальной статье «О взаимоотношении стихотворного ритма и тематики» [2] показал, что те или иные темы национальной поэзии оказываются семантически теснейшим образом связанными с определенными темами, закрепляясь за ними. Так, 5-ти стопный хорей с чередующимися мужскими и женскими окончаниями по схеме *авав*, согласно наблюдениям, сделанным им на материале русской поэзии, начиная с Ломоносова, особенно часто сопровождает тему пути (конкретного или жизненного, ведущего к смерти) и, как следствие, сам приобретает для русского читателя соответствующий семантический ореол. Р. Якобсон в статье 1938 г. определяет этот ореол как переплетение «динамической темы пути и скорбно-статических мотивов одиночества, разочарования и предстоящей гибели». [З.С.465-466]

Идеи К.Тарановского и Р. Якобсона нашли продолжение и развитие в книге М.Л.Гаспарова «Метр и смысл», где детализации смысла 5-ти стопного хорее посвящена целая глава. Ключевым для формирования семантического ореола 5-ти стопного хорее он объявляет стихотворение М.Ю.Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» и прослеживает историю детализации заложенных в нем мотивов: дороги, пейзажа, смерти и др.[1.С.238-265]

В английском стиховедении серьезные исследования семантического ореола метра стали по являться только в 1980-е гг. и были предприняты ученицей

М.Л. Гаспарова М.Тарлинской в соавторстве с Н. Оганезовой. Однако в их исследованиях тема / мотив пути не выделялись как специальная рубрика.

В современной англоязычной поэзии силлабо-тонический стих уступил место свободному стиху, поэтому говорить о семантическом ореоле метра на современном материале затруднительно. Однако это вполне правомерно сделать на материале поэзии XVIII - начала XX вв.

Одним из прецедентных текстов английской литературы, где возникает образ одиноко идущего, созерцающего и размышляющего лирического героя является стихотворение У.Вордсворта “I wondered lonely as a cloud” (в русской традиции – «Желтые нарциссы»). Для англоязычной традиции этот текст не менее значимым, чем лермонтовское «Выхожу один я на дорогу» для русской. Уже в самом начале заданы похожие мотивы: «одиночество», «дорога» («Выхожу один я на дорогу» / “I wondered lonely as a cloud”). Позднее к ним добавляется еще один общий мотив «красота созерцаемого лирическим героем пейзажа». Оба стихотворения открываются глаголом движения.

М.Л.Гаспаров выделяет в лермонтовском тексте 5 «основных, наиболее заметных» (М.Л.Гаспаров) мотивов: *Дорога; Ночь; Пейзаж; Жизнь* и *Смерть; Любовь*. Однако в список так и хочется включить *Одиночество* (как один из центральных мотивов данного стихотворения,

творчества Лермонтова в целом и романтической лирики вообще). В стихотворении Вордсворта центральных мотивов 4: *Скитание* (бесцельное блуждание как одна из возможных модификаций концепта Дороги / Пути); *Одиночество*; *Пейзаж*; *Воображение*.

Таким образом, налицо прямые переключки отдельных мотивов двух стихотворений: Дорога, Одиночество, Пейзаж. Правда, при пристальном чтении можно явственно ощутить и другие переключки: Так вторая часть обоих стихотворений, где динамика, заданная в начале сменяется статикой, возникает похожий мотив *Упокоения*, блаженного отдохновения, пребывания в некоем «царстве грез», дарующем ощущение слитности с красотой мироздания:

У Лермонтова:

Я ищу свободы и покоя!

Я б хотел забыться и заснуть!

.....

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,

Про любовь мне сладкий голос пел,

Надо мной, чтоб вечно зеленея,

Темный дуб склонялся и шумел.

У Вордсворта:

For oft when on my couch I lie

In vacant or in pensive mood,

They (daffodils - М.Ц.) flash upon that inward eye

Which is the bliss of solitude;

And then my heart with pleasure fills,

And dances with the daffodils.

Вместе с тем, схожие мотивы в каждом стихотворении складываются в собственную систему, порождая совершенно различный эффект. У Лермонтова, связываясь с Ночью, Жизнью и Смертью, мотивы Дороги, Одиночества и Экстатического любования красотой пейзажа обретают невероятно широкую гамму коннотаций: от хтонического ужаса «холодного сна могилы» до неземного блаженства, даруемого «сладким голосом», поющим о любви и «лелеющим слух» обретшего желанное упокоение путника. У Вордсворта мотивы Дороги, Одиночества и Экстатического любования красотой пейзажа нигде не омрачен трагизмом. Даже мотив одиночества подан здесь в светлых тонах - не случайно действие происходит не ночью, как у Лермонтова, а в светлое время суток и весной. Одиночество лирического героя здесь подается либо как проявление абсолютной беззаботной свободы (*lonely as a cloud*), либо связано со счастливой возможностью предаться размышлениям и воспоминаниям, уютно устроившись на кушетке (*For oft when on my couch I lie / In vacant or in pensive mood, / They flash upon that inward eye / Which is the bliss of solitude;*). Таким образом, все стихотворение Вордсворта вырастает в подлинный *гимн* гармонии человека и мироздания.

«Желтые нарциссы» написаны 4-х стопным ямбом. Это один из самых распространенных размеров английской поэзии после ямба 5-ти стопного. Вообще же 4-х стопный ямб с мужскими рифмами *abab* - размер довольно популярный в английской традиции. Его употребление можно встретить у поэтов-сентименталистов XVIII века. В это время он использовался преимущественно в жанре оды (отголосок этой традиции слышен нам и в «Желтых нарциссах» Вордсворта, так как ода по своей сути есть воспевание, гимн). См., например, “*Ode on the death of Mr. Thomson*” («Ода на смерть мистера Томсона») Вильяма Коллинза. Здесь размер имел концептуальное значение, так как наиболее значительное произведение XVIII столетия, основная часть которого выдержана в 4-х стопном ямбе с

мужской рифмовкой *авав* - патриотический гимн Джеймса Томсона «Правь, Британия, морями» (в английском названии которого прямо указан жанр: “Ode: Rule, Brittania”). Названный текст тоже стал прецедентным в английской культуре и ассоциируется с ритмом марша, а следовательно, должен связываться у национального слушателя с ритмом шага.

Пик расцвета исследуемого размера приходится на эпоху романтизма (вполне вероятно, это связано с тем фактом, что, согласно М. Тарлинской, 4-х стопный ямба ассоциируется в английской поэзии с фольклорной традицией, на которую во многом опиралась романтическая поэтика). Связь 4-х стопного ямба с народной традицией хорошо прослеживается в знаменитом стихотворении Джона Китса “La Belle Dame sans Merci” («Прекрасная дама без жалости»), которое написано четверостишиями, где первые 3 строчки представляют собой 4-х стопный ямба, а четвертая - 2-х стопный (своеобразная разновидность балладной строфы) с рифмовкой *abcb* (кроме двух случаев на протяжении всего стихотворения, где клаузулы дактилические - мужскими клаузулами).

Интересно, что К.Тарановский отмечает переключку русского 5-ти стопного хорей, связанного, по его мнению, с ритмом шага, с хорейским десятисложником (5-ти стопным хореем с женскими окончаниями) народной эпической поэзии. [2.С.373]

Показательно, что герой стихотворения Китса, как и лирический герой стихотворения Вордсворта, движется без определенной цели (прекрасная возлюбленная, которую он тщетно разыскивает - лишь одна из модификаций недостижимого и неопределенного романтического идеала, причины неясного томления романтического героя): “O what can ail thee knight at arms, / Alone and palely **loitering**?”. Англо-русский словарь под ред. проф. Мюллера переводит “to loiter” как «блуждать без цели». Лирический герой Вордсворта сообщает: “I **wandered** lonely as a cloud” (кстати, обращает на себя внимание и общее для обоих героев - впрочем, типичное для героев романтических -

одиночество). “To wander” переводится, согласно тому же словарю, как «бродить, странствовать, блуждать». Напомним, что без определенной цели выходит один на дорогу и лирический герой Лермонтова. Таким образом, во всех трех случаях речь идет о пути, дороге, прогулке, странствии (все это лишь различные вербальные средства для выражения одного концепта) в расширенном смысле этого слова, как о хронотопе, предполагающем размышления о смысле бытия, поиски идеала.

Как и в стихотворении Лермонтова, где Р. Якобсон находил переплетение динамической темы пути и «скорбно-статические мотивы одиночества, разочарования и предстоящей гибели» и у Вордсворта, и у Китса стихотворения построены на контрасте динамики и статики. Лирический герой Вордсворта вновь и вновь «в час покоя» переживает увиденное им зрелище: «оживленный танец нарциссов» на фоне искрящегося танца речной волны. У Китса - движение приходит на смену статике (хотя в самом тексте стихотворения, подающем события в ретроспекции, образы, связанные с движением, тоже предшествуют образам, связанным со статикой). Герой в объятиях прекрасной возлюбленной погружается в глубокий сон - последний спокойный сон в его жизни, после которого он уже не будет знать покоя.

Едва ли не чаще всех из английских романтиков пользовался 4-х стопным ямбом Вордсворт, правда не всегда это шестисложные строфы и не всегда они рифмуются как в «Желтых нарциссах» перекрестно.

У Вордсворта 4-х стопный ямб появляется в одах и стихотворениях на смерть, развивая тем самым традиции, заложенные поэтами XVIII в.. Это, например, стихотворения “Ode to Duty” (“Ода Долгу”) и “Extempore Effusion upon the Death of James Hogg” («Импровизированные излияния по поводу смерти Джеймса Хогга»). (В обоих случаях - четверостишия с мужской рифмой *авсв*) Любопытно, что последнее стихотворение начинается с отглагольной формы, выражающей движение: “When first, *descending* from

the moorland”, а далее возникает и уже знакомый нам по «Желтым нарциссам» глагол “to wander” и даже образ речного берега: “When last along its bank I wandered”. В этом стихотворении мотив пути совсем полермонтовски сочетается с размышлениями о смерти, о тщете человеческого существования, о быстротечности жизни: “How fast has brother, followed brother / From sunshine to the sunless land!”. Появляется здесь и мотив мрака (своеобразная параллель лермонтовской ночи): “Our haughty life is crowned with *darkness*”. Таким образом, традиция, связывающая 4-х стопный ямб со стихотворениями «на смерть», может задавать англоязычному читателю мрачные коннотации, сходные с теми, что диктует русскому читателю традиция, идущая от лермонтовского стихотворения.

Стихотворение Вордсворта “Solitary Reaper” («Одинокая жница»), тоже написанное 4-х стопным ямбом, хотя и строфами неравной длины, где часть строк рифмуется перекрестно, а часть - попарно, перекликается со стихотворением на смерть Джеймса Хогга своей мотивной структурой. Здесь тоже есть образ одинокого путника, созерцающего прекрасный пейзаж и поющую жницу: “the maiden sang / As if her song could *have no ending*,” (чем не «сладкий голос», из лермонтовского текста, что поет «всю ночь, весь день»?); печальные раздумья о смерти и тщете всего земного: “and frequent sighs of what is to be born”.

Это стихотворение содержит переключки и со стихотворением «Желтые нарциссы», так как лирическая фабула здесь выстраивается сходным образом «путешествую / гуляю, ... наблюдаю, вижу, встречаю, (далее следует некая история) и переживаю увиденное, чувства им навеянные (в настоящее время или позже - в час покоя “in vacant or in pensive mood”). То есть, перед нами то, что Энтони Истхоуп метко назвал «поэзией опыта». М.Тарлинская, сделав статистические подсчеты, пришла к выводу, что 4-х стопный ямб без учета схемы рифмовки в англоязычной поэзии более всего связан с темой любви (40% изученных ею стихов), на втором месте - мотив элегических раздумий

(29,2%), на третьем - стихи сатирического и юмористического содержания и басни. Басня - произведение, содержащее четкую фабулу, таким образом, можно предположить, что 4-х стопный ямб связан в английском национальном сознании с рассказыванием некой истории (ведь еще Аристотель под фабулой понимал именно рассказывание истории), возможно содержащей определенный моральный подтекст.

Примером может служить стихотворение Вордсворта “We are Seven”, где рассказывается о встрече лирического героя с восьмилетней девочкой, которая, не смотря на то, что двое из ее братьев и сестер перебрались в город, двое - ушли в море, а двое лежат в могиле, в ответ на вопрос, сколько детей в ее семье, настойчиво повторяет: «Нас семеро».

Наиболее близким по размеру и строфике к «Желтым нарциссам» Вордсворта является стихотворение Байрона “She walks in beauty” («Она идет во всей красе»). Здесь мы находим не только тот же 4-х стопный ямб с перекрестной рифмовкой и мужской клаузулой, но и шестистрочные строфы. Оба стихотворения открываются глаголом движения: “I wandered...” (у Вордсворта), “She walks...” (у Байрона). Не смотря на то, что тематика стихотворений различна, в них легко отыскать образные переклички: “The *waves* beside them danced” (у Вордсворта), “Which *waves* in every raven tress” (у Байрона); “Outdid the sparkling waves in *glee*” (у Вордсворта), “the tints that *glow*” (у Байрона); “a *cloud* that floats on high o'er vales and hills” (у Вордсворта), “of *cloudless* climes” (у Байрона). А главное - совпадает схема развития чувства лирического героя: в обоих созерцание красоты (в первом случае красоты природы, во втором - женщины), пробуждает ощущение счастья.

Таким образом, в течение XVIII - начала XIX века складывается достаточно прочная традиция употребления 4-х стопного ямба в стихотворениях:

- связанных с движением / странствием / скитанием;

- воспевающих и восхваляющих (причудливым образом обе эти традиции сплелись в стихотворении Байрона «Она идет во всей красе» и «Желтых нарциссах» Вордсворта);

- рассказывающих о какой-то встрече, событии (содержащих беседу или историю);

- а также в стихотворениях «на смерть».

В поэзии второй половины XIX - начала XX в. 4-х стопный ямб с мужскими клаузулами и рифмовкой авав уже не такой частый гость в творчестве отдельных поэтов, особенно поэтов первого ряда. Однако «память размера» продолжает работать на него и в это время.

О.Уайлд в “Impressions du Matin” («Впечатления утра») подхватывает китсовский образ: “But one *pale* woman *all alone*, <...> / *Loitered* beneath the gas lamps' flare”. В “Symphony in Yellow” («Симфония в желтых тонах») он открывает стихотворение, написанное этим размером, глаголом движения: “An omnibus across the bridge *crawls* like a yellow butterfly”. Так же построено и стихотворение У.Б.Йейтса “Who goes with Fergus?” («Кто с Фергюссом?») (о монархе, отказавшемся от трона, чтобы жить миром духа, сделавшись поэтом и философом): “Who will *go drive* with Fergus now...”

Особенно интересно переосмыслиется традиция употребления размера у Элизабет Браунинг в стихотворении “A Years' Spinning” («Круженье лет») (где глагол “to spin”, хотя и связан прежде всего с прядением, но, согласно словарю, потенциально содержит также значения: кручения, верчения, и даже короткой прогулки). Причем подхватывается и характерное противопоставление динамики и статики: в начале стихотворения колесо вертится (“goes on and on”), возлюбленный останавливается (“stops”) у дверей лирической героини; в конце - колесо неподвижно (“my spinning is all done”), любовь, предательство любимого, упреки матери и смерть ребенка легли на сердце тяжелым камнем, и

лирическая героиня надеется, что Он, проходя мимо (“when passing in the sun”), сможет заметить это.

Глаголом движения открывается и стихотворение Джорджа Дарли “The Mermaidens' Vesper Hymn” (“Вечерний гимн наяд”) (отсылающая читателя одновременно к традиции гимна и марша): “*Troop* home to silent grots and caves! / Troop home!...”

В.Э. Хенри, в духе Киплинга восхваляющий британскую нацию, в своем стихотворении “Invictus” («Непобедимая») избирает соответствующий размер, продолжая тему томсоновской оды “Rule, Britannia...” (обращает на себя внимание даже то, что оба автора выносят в заглавие латынь, задавая тем самым параллель с великим Римом).

А.Е. Хаусман развивает тему смерти, безвременной кончины в стихотворении “To an athlete Dying Young” (Атлету, умершему молодым”).

Эдвард Томас в стихотворении “Adlestrop” описывает воспоминание мгновения, когда скорый поезд на миг остановился в местах где он родился и стремительно двинулся дальше.

На основе проведенного исследования можно с большой долей уверенности выдвинуть гипотезу о том, что в английской поэтической традиции, связанной с силлабо-тоникой, своеобразным аналогом русского 5-ти стопного хоря с перекрестной рифмовкой (женскими/мужскими клаузулами) является 4-х стопный ямб с перекрестной рифмовкой (мужскими клаузулами), тоже часто сопровождающий концепт движения / путешествия / скитания / странствия и приобретший соответствующий семантический ореол. Данное наблюдение могло бы быть взято на заметку переводчиками поэтических текстов как облегчающее поиск функциональной замены одного из ключевых параметров стихотворного текста - размера.

Библиографический список:

1. Гаспаров М.Л. Метр и смысл М., 1999.

2. Тарановский К. О взаимоотношении стихотворного ритма и тематики // О поэзии и поэтике. М., 2000.
3. Jakobson R. Selected Writings. Vol.5: On verse, its masters and explorers. The Hague, 1979.
4. English Literature. The Norton Anthology. Sixth edition. Vol 1,2. N.Y., 1993.

А.Н. Шамов

**Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова**

ДИСКУРС КАК АКТУАЛИЗАТОР ЗНАЧЕНИЙ ИНОЯЗЫЧНОГО СЛОВА

Общение и использование единиц лексического уровня происходит в условиях определенной ситуации и на фоне конкретного ситуативного контекста. Знание соответствующих ситуативных контекстов обеспечивает адекватное речевое и неречевое поведение всех участников коммуникативных актов.

Большое значение в коммуникативно-ориентированном обучении, а равным образом в иноязычном словоупотреблении и словосприятии, имеет дискурс [3], [5], [9], [11], [13], [15], [17], [18].

Дискурс дает учащимся образец речевого и неречевого поведения носителя языка. И в этой связи права Н. В. Елухина, справедливо

считающая, что «дискурс может подготовить к естественному общению, сформировав подлинные коммуникативные умения» [5. С. 61].

Дискурс рассматривается как «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знание о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [7. С. 8].

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» дискурс определяется как «связанный текст в его совокупности с лингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими факторами» [14. С. 136].

В. З. Демьянков видит в дискурсе произвольный фрагмент текста, состоящий из более чем одного предложения или независимой части предложения, который концентрируется вокруг некоторого опорного концепта [12].

С. В. Беспалова определяет дискурс как «сложное коммуникативное явление, включающее речевое произведение (текст, совокупность речевых актов) в его социальной и прагматической дистрибуции, а именно: знание о мире, накопленный опыт, установки, цели адресата, эффект воздействия и степень его достижения» [3. С. 45].

В организации дискурса как сложной когнитивной структуры наиболее четко проявляется действие двух когнитивных ограничений: 1) порядок упоминания информации и 2) деление информации на два вида – «данную» и «новую».

Когнитивным механизмом распределения информации на «данную» и «новую» предполагается считать апперцептивный принцип усвоения знаний. Старая информация может принадлежать фонду общих знаний, входить в информационный тезаурус человека или относиться к информации, переданной в предшествующей части дискурса.

Добавление новой информации к уже известной составляет основу построения концепта в процессах понимания и продуцирования дискурса. Е.С. Кубрякова считает, что дискурс – это событие когнитивное [13]. Дискурс имеет дело с передачей знаний или запросом о знаниях. Он связан с новой переработкой знаний или с оперированием знаниями в определенных целях (с использованием готовых знаний или же выводом новых). Главное направление в изучении дискурса – это когнитивное. Этот факт еще раз подчеркивает, что когнитивная лингвистика активно занимается проблемами корреляции когнитивных и языковых структур.

Когнитивная функция разделения информации на «данную» и «новую» состоит в поддержке когерентности дискурса. Разделение информации действует как механизм активизации знаний адресата, к которым «адресована» новая информация [12. С. 79].

По мнению В. З. Демьянкова, дискурс носит структурный характер. Это означает, что он состоит из определенных элементов. Элементы дискурса – это: а) обстоятельства, сопровождающие событие; б) фон, поясняющий событие; в) оценка участников событий; г) информация, соотносящая дискурс с самим событием. Можно с полной уверенностью утверждать, что дискурс – это особое использование языка для выражения особой ментальности [12].

Большинство исследователей утверждает, что нельзя ставить знак равенства между двумя такими понятиями, как «дискурс» и «текст» [4].

Текст, целостный и законченный по содержанию и форме, обычно представляет речевое произведение. Он репрезентирует определенную тему и акт общения, содержит изучаемый лексико-грамматический материал, выступает в роли образца речевой коммуникации.

Дискурс, со своей стороны, – это «не просто вербальный объект, а еще и форма социального взаимодействия, которая обращена к ментальным процессам» [16. С. 20]. В. П. Конецкая указывает, что «в дискурсе

отражены не только языковые формы высказываний, но и оценочная информация, личностные и социальные характеристики коммуникантов, их фоновые знания, имплицитруется коммуникативная сфера и социальная ситуация» [10].

Как видим, текст и дискурс составляют речевые произведения. Они обладают определенной связанностью, целостностью, завершенностью, композиционной завершенностью.

В природе существуют разные типы дискурсов. Вместе с тем все эти типы дискурсов динамичны. Динамичность связана прежде всего с процессом построения самого высказывания. Дискурс в то же время и результативен. Результативность проявляется как бы в двух планах. Во-первых, происходит процесс создания самого дискурса. Во-вторых, результативность проявляется в воздействии дискурса на собеседника.

Как указано ранее, дискурс включает социальный контекст. Это определенные представления об участниках коммуникации, их характеристики (языковые, речевые, социальные, возрастные).

В дискурсе происходит, как правило, установление контакта между участниками акта коммуникации и осуществляется само взаимодействие коммуникантов. В ходе взаимодействия коммуникантов совершаются речевые акты и производятся высказывания. Высказывание – это «атом дискурса». Речевой акт – важная составная часть дискурса. Речевой акт и высказывание тесно взаимодействуют между собой. Одно и то же высказывание может обозначать различные речевые акты. Речевой акт совершается в ходе самого высказывания при строго определенных обстоятельствах. Все речевые акты существуют благодаря друг другу и находятся в тесной взаимосвязи.

Исходя из этого можно сделать вывод о том, что в тесном взаимодействии высказывания, речевого акта и дискурса обнаруживается определенная иерархия. Дискурс – это поле, в котором существуют и

речевые акты, и сами высказывания. Они конструируют дискурс как сложную систему знаний.

Будучи включенным в дискурс или в его фрагмент (фрейм), высказывание становится его интегральной составляющей, хотя и не единственной. В отношении речевого акта высказывание оказывается его единственно возможной областью существования, одновременно оформляя и определяя речевой акт пропозициональным содержанием.

Н.В. Елухина отмечает, что обучение иностранным языкам до настоящего времени строилось вокруг текста [5]. Он является, как мы указывали, носителем определенной информации, образцом использования конкретного языкового материала в речи. Но этого еще недостаточно. Главным аспектом в акте общения является не смысл текста и тем более не его языковая форма, а выражение и достижение коммуникативных целей всеми партнерами, участниками коммуникативных актов.

Дискурс, со своей стороны, по мнению Н. В. Елухиной, является образцом реализации определенных коммуникативных намерений в контексте конкретной коммуникативной ситуации и по отношению к определенному партнеру, представителю той или иной культуры, выраженной уместными в данной ситуации языковыми и неязыковыми средствами [5]. Дискурс – это не только продукт речевой деятельности, но и процесс его создания. Он «определяется экстралингвистическими факторами, то есть коммуникативным контекстом и условиями общения» [5]. Дискурс вместе с тем не сводим к языку и речи. Его параметры соотносятся не только с говорящим субъектом, но и с положением, которое этот субъект может занимать в отношении различных областей или групп объектов, принадлежащих дискурсу. Е. А. Красина указывает, что именно в языке и речи «конституируется поле дискурса» и «выявляются его компоненты» [11. С. 22].

В этой связи мы должны говорить о формировании у обучаемых дискурсивной компетенции. Дискурсивная компетенция – это «знание особенностей, присущих различным типам дискурсов и способность порождать дискурсы в процессе общения» [1. С. 146]. Дискурсивная компетенция формируется в процессе овладения различными типами дискурсов. Такой вид компетенции зависит от параметров коммуникативной ситуации, в которой они порождаются и интегрируются. Наиболее употребительными типами дискурсов в учебно-профессиональной сфере общения являются: сообщение, обсуждение, рассуждение, расспрос и др.

Многие исследователи видят в дискурсе речь, «погруженную в жизнь». По-этому неслучайно, что он является объектом изучения многих наук (лингвистики, психологии, социологии, литературоведения, стилистики).

Для дискурса характерны определенные свойства. В.П. Конецкая к их числу относит прежде всего тематическую связанность [10.С.108]. Содержание речевого фрагмента концентрируется вокруг определенной темы.

Дискурс ситуативно обусловлен. Речевые действия актуализируются в конкретной коммуникативной ситуации, характерной для той или иной коммуникативной сферы.

Динамичность является также важной чертой дискурса. Динамичность – это видоизменение темы даже в условиях одной и той же коммуникативной ситуации. Изменение темы может быть спонтанным или постепенным, логически обоснованным и необоснованным, намеренным или ненамеренным. Динамичность может проявляться и в смене общей тональности дискурса.

Важной характеристикой дискурса является его социальная ориентированность. В речевых фрагментах актуализируются важнейшие

категории социальной коммуникации (социальный статус участника акта коммуникации, коммуникативные роли, коммуникативные установки, ценностные ориентации самих коммуникантов и многое другое).

Дискурс как языковая форма коммуникативного содержания характеризуется неоднородной структурированностью, и это проявляется по многим параметрам функционального и когнитивного аспектов коммуникации [13].

Дискурс недискретен. Это прежде всего неопределенность границ дискурса как целостного речевого произведения. Дискурс в отличие от высказывания не обладает выраженной целостностью и законченностью. Он всегда как бы требует своего завершения.

Указанные свойства дискурса проявляются в полном объеме в письменной речи. Здесь они особенно заметны. В устном дискурсе становятся актуальными другие свойства, как-то: лексико-грамматическая связанность, содержательная логика, соответствующая организация высказывания.

В зависимости от поставленных целей в исследовании, как указывает

П. Серио, из дискурсивной поверхности можно извлекать самые разные корпусы языкового материала (корпус слов, корпус фраз) [8. С. 32].

В то же время П. Серио говорит о таком важном компоненте, как дискурсивная семантика. Семантика определенного слова выводится не только из закономерностей самой лингвистики, но и из порождаемого дискурса. В этой связи большое влияние оказывают на семантику социально-исторические условия возникновения и порождения дискурса.

Слова живут и функционируют как в тексте, так и в дискурсе. На определенных этапах нам приходится строить свои высказывания, используя известные и ранее выученные лексические единицы. В других случаях часто приходится воспринимать тексты, построенные на этом же

лексическом материале и содержащие определенный процент незнакомых слов. В этом случае приходится изолировать слова, более точно воспринимать и узнавать их, искать значения в ментальном лексиконе, выбирать из существующих значений только одно, подходящее к данному контексту.

В речевой же деятельности каждое слово может приобретать значение, отличное от того, какое оно имеет в системе языка.

Вопросы соотношения языкового значения и речевого (актуального) смысла слова традиционно связывались в лингвистике с четким разграничением и противопоставлением системно-языкового и функционально-речевого уровней.

В дискурсе слово выступает в одном из актуальных значений. При этом, как справедливо указывает Ж. Отье-Ревю, слова могут быть «нагружены», «населены», «перенаселены», «пронизаны» дискурсом [8. С. 71]. Такой процесс М.М. Бахтин называет «социально-значимым насыщением <...> языка определенными интенциями и акцентами» [2].

Ж. Отье-Ревю считает, что слово в дискурсе пронизано «общими мыслями, точками зрения, чужими оценками, акцентами». Иноязычное слово в дискурсе, таким образом, многоакцентно. Многоакцентность слова – это не коннотативный ореол, меняющийся вокруг смыслового ядра, а «противоречивые акценты, которые пересекаются внутри каждого слова, смысл которых образуется как в, так и при пересечении дискурсов» [8. С. 71].

Люди часто владеют словами не на уровне значений, а на уровне передаваемых ими смыслов. Языковые значения передают лишь некоторую часть наших знаний о мире. Большая часть знаний хранится в сознании в виде различных мыслительных структур – концептов.

В процессе общения, использования языковых единиц в речи мы передаем собеседнику не общие знания концептов, а конкретные смыслы.

Суть общения состоит в передаче друг другу определенных смыслов. Смысл в большей части передается конкретными лексическими единицами в конкретных ситуациях общения. Каждому слову таким образом приписывается конкретный смысл. В результате чего слово и «нагружается», и «населяется», и «пронизывается» конкретным смыслом.

В этом процессе часто бывает так, что в основе смысла может лежать концептуальный признак, который до настоящего времени еще не был зафиксирован и представлен в системном значении слова. Этот смысл и может приписывать слову новое значение.

При порождении дискурса происходит актуализация конкретного значения слова. Выбор того или иного значения слова диктуется конкретной речевой ситуацией, наличием фоновых знаний, прочностью предыдущих языковых знаний (schemata), включенностью большого количества когнитивных процессов.

Кроме того, дискурс имеет еще и такую особенность, как расширение количества значений, которым обладает иноязычное слово. Если конкретное слово по словарю имеет 6-8 значений, то при порождении дискурса языковая личность может, опираясь на прежний языковой и речевой опыт, приписать слову какое-то новое значение. Появление нового значения у иноязычного слова обеспечивается многими факторами. Большое значение имеет при этом существующий когнитивный фон, или когнитивная база. Когнитивная база способна приписать иноязычному слову новое значение. Это делается путем выделения у слова конкретного признака, за счет чего происходит приписание слову нового смысла.

Ю.Н. Караулов в своей работе «Русский язык и языковая личность» пытается проследить процесс обогащения слова новыми значениями и новыми смыслами [6]. Такое обогащение происходит не за счет возможностей самой лексической подсистемы языка, а за счет приобретения коммуникантом новых знаний о мире. Значения слова, в

том числе и иноязычного, приводимые в словаре, замыкаются как бы в кругу его «ближайших значений». Словарные значения слова учитывают в самой минимальной степени знания о мире. В условиях порождения дискурса говорящий постоянно опирается на разные виды знаний. И на основе этого слово «нагружается» в дискурсе новыми значениями и смыслами.

Семантика слова, зафиксированная в словаре, таким образом, вторична, производна по отношению к знаниям о мире (т. е. к процессу развития его дальнейших значений).

В связи с тем что знания о мире у человека растут постоянно, неуклонно расширяется и его внеязыковой опыт. Этому способствует постоянно действующая энергия познания, которая, как указывает Ю.Н. Караулов, «может оказывать большое влияние и на языковую семантику» [6. С. 169].

Таким образом, можно сказать, что развитие семантики слова – это деформация его значения под влиянием двух сил. В качестве таких сил выступают: а) расширяющиеся знания человека о мире и б) знание закономерностей познания мира (гносеологии). Сначала происходит изменение, обогащение дальнейшего значения слова. Затем элементы обогащенного значения проникают на уровень семантики и частично отражаются в изменении ближайшего значения.

Информация, зарегистрированная языковой семантикой, отражает только незначительную часть знаний о мире. Одним из способов существования и накопления новой семантики слова является процесс порождения дискурса и уже готовый текст. В тексте уже зафиксированы определенные знания о мире. Значение фразы всегда больше, чем сумма конкретных значений слов.

До последнего времени лингвисты искали источник «приращения» этого смысла только в синтаксисе. Но этого недостаточно. «Приращение»

следует искать прежде всего в знаниях о мире, актуализация которых и стоит за каждым актом соединения семантически связанных фраз.

Дискурс и текст, таким образом, являются естественным способом существования языковой семантики и знаний о мире. И то и другое может быть выделено в «чистом виде» и объективировано. Языковая семантика в чистом виде объективируется, как правило, в толковых словарях. Знания о мире в свою очередь фиксируются в энциклопедических словарях.

Вместе с тем можно заметить, что семантика довольствуется только идентификацией, опознаванием, узнаванием вещи или явления. В этом случае семантика как бы созерцательна, тогда как знания о мире по своему характеру и конструктивны, и активны.

В заключение можно сказать, что под влиянием разных видов знаний в дискурсе происходит актуализация нужного значения иноязычного слова. В дискурсе на основе все тех же знаний слово может приобретать новое, ранее незафиксированное значение.

Библиографический список:

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). – СПб: Златауст, 1999. – 472 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества: Сборник избранных трудов. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
3. Беспалова С. В. Коммуникативно-прагматическая организация обучения иностранным языкам (немецкий язык, языковой вуз): Автореф. дисс. ... канд. пед. наук//13.00.02. – М., 2003. – 17 с.
4. Басималиева М. К. О понятиях «текст» и «дискурс»//Филологические науки. – 1999. - №2. – С. 78 - 85.

5. Елухина Н. В. Роль дискурса в межкультурной коммуникации и методика формирования дискурсивной компетенции//Иностранные языки в школе. - 2002. - №3. – С. 9 - 15.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Русский язык,1987. – 261 с.
7. Караулов Ю. Н., Петров В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса//Т. А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. - М.: Прогресс, 1989. – С. 5 - 11.
8. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с фр. и португ./Общ. ред и вступ. ст. П. Серию; предисл. Ю. С. Степанова. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – 416 с.
9. Кибрик А. Е. Когнитивные исследования по дискурсу. Когнитивная лингвистика//Вопросы языкознания. – 1994. - №5. – С. 126 -139.
10. Конецкая В. П. Социология коммуникации. – М.: Международный ун-т бизнеса и управления, 1997. – 304 с.
11. Красина Е.А. Дискурс, высказывание, речевой акт//Филология и культура: Материалы Ш-й международной научной конференции 16-18 мая 2001. – Часть 1. – Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина,2001. – С. 21-25.
12. Краткий словарь когнитивных терминов//Отв. ред. Е. С. Кубрякова. – М.: МГУ,1996. – 245 с.
13. Кубрякова Е. С. Об исследовании дискурса в современной лингвистике//Фи-лология и культура: Материалы Ш-й международной научной конференции 16-18 мая 2001 года. – Часть 1. – Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина,2001. – С. 8 - 11.
14. Лингвистический энциклопедический словарь//Гл. редактор В. Н. Ярцева. – М.: Советская Энциклопедия, 1990. – 685 с.
15. Лухъенбрурс Д. Дискурсивный анализ и семантическая структура// Вопросы языкознания. – 1996. - №2. – С. 141 - 155.

16. Набиева В. М. Прагматический аспект дискурса современной литературной проповеди: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М.,1996. – 17 с.
17. Kamp H., Ryle Y. From Discourse to Logic. – Dordrecht: Kluwer, 1993.
18. Kintsch W. A cognitive architecture for comprehension//Cognition: Conceptual and methodological issues. – Washington, 1992. – P. 143 -164.

Е.Е. Шаронова

**Арзамасский государственный
педагогический университет**

ПУНКТУАЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ТЕКСТА И ЕГО КАТЕГОРИИ

В методике преподавания русского языка пунктуационное оформление текста связывается обычно с нормативным аспектом русской пунктуации. В живой письменной речи довольно часто активными формами пунктуационного оформления оказываются авторские знаки, т.е. коммуникативно обусловленные.

В практике обучения русскому языку в школе наиболее важным является принцип смысловой целостности текста. Целостность – это «принципиальная несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов и невыводимость последних свойств из свойств целого; зависимость каждого элемента, свойства, отношения от его места, функций и т.д. внутри целого» [1.С.464]. Ученые не едины в трактовке понятия целостности. О.И. Москальская ставит знак равенства между понятиями «целостность» и «связность» [2.С.17]. А.И.Новиков считает, что целостность – это свойство не столько самого текста, сколько

восприятия [3.С.109]. И.Р. Гальперин отождествляет целостность текста с категорией «интеграция» [4.С.531].

В нашем исследовании мы придерживаемся точки зрения М.Я. Дымарского, который под целостностью понимает взаимообусловленность текстовых единиц или гиперкоммуникативность текста [5.С.30]. Грамматическая природа монологичного высказывания литературной речи, с одной стороны, по своей сущности монолитна, стремится к непроницаемости, строгому соответствию одной коммуникативной задаче; а с другой стороны, представляет собой иерархию подчиненных друг другу высказываний. Другими словами, такая структура текста есть не что иное, как высказывание – переключение с одного коммуникативного акта на другой, при этом обязательно используются специализированные конструкции, подчиняющие один режим (акт) другому. Например, грамматические модели сложноподчиненного предложения с изъяснительными придаточными (полувводные, полупридаточные) совмещаются с предложениями так называемыми, мнимо-логическими связями между частями: *Хотя ты и не заметил, что уже два дня тому назад я сняла это кольцо – и отдала ему*. В этих предложениях союзы обслуживают не столько грамматические и логические отношения, сколько отношения между коммуникативными актами.

Текст является сложной целостной системой, и поэтому в нем действуют не механические, а более глубокие и сложные факторы причинной зависимости. Есть высказывания, прямо детерминированные целым, без посредства ближайшего окружения. Есть предложения, слабо, отдаленно связанные с целым и прямо связанные с ним.

Высказывание в тексте детерминировано с точки зрения формы (интонация, лексико-грамматический состав, синтаксис) и с точки зрения смысла.

Целостность текста также определяется темой, замыслом и жанром. К осознанию этой категории текста школьники подводились путем практического анализа сопоставимых по теме, замыслу, способам выражения целостности текстов: «Листопада» М. Пришвина и отрывка из произведения К.Паустовского «Желтый свет». В первом из них целостность обеспечивается рассуждением, во втором – описанием. Также обращалось внимание школьников и на пунктуационное оформление этих текстов.

Текст №1

Вот из густых елок вышел под березу заяц и остановился, увидя большую поляну. Не посмел прямо идти на ту сторону и пошел кругом всей поляны, от березки к березке. Вот он остановился, прислушался. Кто боится чего-то в лесу, то лучше не ходи, пока падают листья и шепчутся. Слушает заяц: все ему кажется, будто кто-то шепчется сзади и крадется. Можно, конечно, и трусливому зайцу набраться храбрости и не оглядываться, но тут бывает другое: ты не побоялся, не поддался обману падающих листьев, а как раз вот тут кто-то воспользовался и тебя сзади, под шумок, схватил в зубы.

Текст №2

Начался листопад. Листья падали дни и ночи. Они то косо летели по ветру, то отвесно ложились в сырую траву. Леса моросили дождем облетающей листвы. Этот дождь шел неделями. Только к концу сентября перелески обнажились, и сквозь чащу деревьев стала видна синяя даль полей.

Тема обоих текстов – листопад. Но фрагмент К. Паустовского – это описание данного явления природы, в основе которого метафорическое сравнение листопада с дождем: *Леса моросили, дождь (листопад) шел неделями, листья падали дни и ночи.*

А в тексте М.Пришвина листопад – это предмет рассуждения, в основе которого обобщенный образ того, «кто боится». Не случайно он конкретизирован героем народного эпоса – зайцем, известным как символ трусливого существа. Философская суть данного текста состоит в предостережении: нужно быть внимательным, собранным в опасных ситуациях. Лес в народной культуре представлен в разных ипостасях, одна из которых – лес – опасность.

По ходу анализа текста школьникам предлагалось определить те части предложения, где возможна постановка коммуникативно–значимых тире или многоточия. Это в первом предложении (*Вот из густых елок вышел под березу заяц и – остановился, увидя большую поляну*), во втором – (*Не посмел прямо идти на ту сторону и пошел кругом всей поляны – от березки к березке*), в третьем – (*Вот он остановился - прислушался*), в последнем предложении (*ты не побоялся – не поддался обману падающих листьев, а как раз вот тут... кто-то воспользовался и тебя сзади, под шумок... схватил в зубы*). Из возможных пяти случаев школьники поставили два тире и одно многоточие.

В целях обучения коммуникативно-прагматическому аспекту пунктуации важна идея встречного конструирования текста, воплощенная в психолингвистических исследованиях в трактовку понимания текста как процесса построения его проекции или образа содержания, а также актуализации знания, включенного в более или менее широкий «внутренний контекст» предшествующего опыта, переживание отношения к этому знанию и прогнозирование возможных путей его развития.

С одной стороны, текст понимается учеником как читателем, а с другой - как теоретиком, ведущим его научное осознание. Это приводит к пониманию формы текста на пересечении языковой системы и речевого опыта школьника.

Чтобы текст заговорил, нужна работа «мысли и чувства», при этом в исследовании учитывалось, что текст «обитает» в культуре, реальные действия учеников направлялись на поиск слов как опор для осмысления того, что выходит за их рамки. Соответственно в исследовании широко рассматривались тексты, отображающие культуру отношений человека к миру, к окружающим. Примером такого текста явился отрывок из произведения Л. Толстого, в ходе анализа которого шла работа над формированием у школьников культуры когнитивного восприятия текста.

До ближайшей деревни оставалось еще верст десять, а большая темно-лиловая туча, взявшаяся бог знает откуда, без малейшего ветра, но быстро подвигалась к нам...

Изредка вдалеке вспыхивает молния и слышится слабый гул, постепенно усиливающийся, приближающийся и переходящий в прерывистые раскаты, обнимающие весь небосклон. Василий приподнимается с козел и поднимает верх брички; кучера надевают армяки и при каждом ударе грома снимают шапки и крестятся; лошади настораживают уши, раздувают ноздри, как будто приносиваясь к свежему воздуху, которым пахнет от приближающейся тучи, и бричка скорее катит по пыльной дороге.

Основным приемом определения календарного времени, т.е. реального, происходящего в действительности, является использование лексики определенного этапа русской культуры. Например, в работе над данным текстом такими словами стали *верст десять, козлы, бричка, кучер, армяк*. Также календарное время в художественном тексте определяется по имени автора, поскольку детям для анализа всегда предлагаются только тексты прецедентных авторов.

Событийное время – это время между ситуациями текста, оно соотносится с обозначением времени в функционально-смысловых частях текста. Прием, подводящий ребят к пониманию функционально-

смысловых частей текста, - это членение текста на самостоятельные части. Учащимся предлагался вопрос: на какие части, по-вашему, можно разделить данный текст. В нем выделяется пять функциональных частей, которые являются смысловым планом текста. Школьники выделили от трех до пяти.

Учащимся предлагалось осмыслить, что функционально-смысловое членение текста не всегда может совпадать с абзацированием, что при осознанном понимании такого членения возможна постановка знаков препинания в коммуникативных целях. Так, например, школьники намеренно учатся ставить многоточие, которое выполняет следующие функции: недоговоренность, недосказанность мысли; прекращение повествования по воле автора и побуждение к размышлению; подчеркивание эмоционального напряжения; привлечение внимания к той смысловой части, после которой ставится многоточие.

Согласно пунктуационным нормам, в том случае обособляются обстоятельства, если имеют одинаковое значение, например, места, времени или образа действия. В данном тексте обстоятельство образа действия *без малейшего ветра* можно не выделять, т.к. оно следует за обстоятельством места, но в коммуникативных целях для привлечения внимания читающего это необходимо.

Учащимся предлагалось установить отношения между функционально-смысловыми компонентами текста. Это отношения противопоставления, затем – конкретизации, представленные художественным приемом градации, далее – причинны и следствия.

Перцептивное (авторское) время – это время восприятия. Сначала текст предлагается в прошедшем времени, а затем автор делает перебив временного плана. И последующие части даны в настоящем времени. Учащимся предлагается объяснить, почему повествование идет сначала в прошедшем времени, а затем в настоящем. Таким образом, функция

перебива – придать описанию большую яркость, выразительность, живость, приблизить читателя к происходящему, сделать его участником событий.

В ходе работы над пунктуационным оформлением текста перед учащимися ставились вопросы: какие знаки препинания вы предпочли бы в третьей и четвертой частях текста, какова цель построения повествования в форме одного сложного предложения или в форме ряда простых предложений, что от этого изменится в тексте. В первом случае будет преобладать интонация перечисления, без пауз и изменения тона, что создаст ощущение нагнетания опасности. А во втором – появятся паузы, изменение интонации (повышение и понижение), тем самым акцентируется внимание на участниках происходящих событий.

Программа обучающего эксперимента осуществлялась в три этапа. Содержанием первого этапа являлось представление школьникам текста как коммуникативной единицы. Раскрывалась уровневая природа текста, связь закономерностей его восприятия и порождения с познанием и коммуникацией. Учащиеся подводились к осознанию того факта, что как морфемы формируют слова, а слова складываются в словосочетания и предложения, так и предложения формируют текст, который является основной единицей коммуникации. Собственно языковыми признаками текста являются форма (монолог, диалог), система ССЦ и единиц языка разных уровней их формирующих, стилевая принадлежность. К коммуникативным характеристикам текста в экспериментальном обучении относятся: продукт речи, адресность, тема, особенности человеческого сознания. Текст характеризуется темой, отражающей ситуацию, коммуникативной задачей и реакцией говорящего/слушающего на эту ситуацию.

Соотношение уровней значения и понимания текста раскрывалось школьникам через анализ прямого значения языковых средств и

поверхностной структуры текста; непрямого значения (дополнительных модусных смыслов, подтекста) и глубинной структуры текста; концептуального смысла и языковых средств, его обозначающих. Так, в отрывке из произведения Р. Достян «Два человека» внимание учащихся обращалось на роль сказуемого в тексте.

Валька тосковал по Москве. Тосковал по жизни, в которой все время что-то происходит. Хотелось толкаться и спешить. Хотелось, чтобы кругом говорили о делах.

Но больше всего тянуло Вальку к улицам. Хотелось даже того, чего раньше очень не любил. Не любил он бывать на улице, когда все возвращаются с работы и народу так много, что просто темно идти, ничего не видишь, кроме портфелей и продуктовых сумок.

Лучше всего на улицах ранним утром. Волнующе пахнет политым асфальтом. Просторно. Никто не тычет мокрым луком в лицо. Никто не торчит над тобой. Видно, какие красивые дома, видно все на витринах, а главное, машины видны. Какое это наслаждение стоять у края тротуара и ждать, пока все они пройдут!

Функции сказуемого в предложении различны: основная – это сообщение, а также предикативная характеристика подлежащего, образование грамматической основы, формирование именного или глагольного типа предложения, выражение основного коммуникативного значения предложения. В данном тексте оно передается с помощью глаголов: состояния – *тосковал*, желания – *хотелось*, социальной оценки – *не любил*, восприятия – *видно*. Модусное значение желания выражено в тексте модальным глаголом *хотелось*, неполной безличной конструкцией *Хотелось толкаться и спешить*, неопределенно-личной *Хотелось, чтобы кругом говорили о делах*. Значение состояния в первой части текста раскрывается без активного субъекта, т.к. предложения неполные и

безличные. Во второй части субъект активен, преобладают двусоставные конструкции.

Внимание учащихся обращалось на повтор сказуемого, на такой прием построения ССЦ, как анафора. Повтор уместен в этом тексте, т.к. акцентирует внимание читателя на новых, еще неизведанных ощущениях героя, на его чувствах, настроении, таким образом, повтор здесь усиливает эмоциональность авторской речи.

Постановка разных знаков при синтаксическом повторе опирается на теорию однородных членов предложения. Повтор сказуемого, особенно в неполных и безличных предложениях, определяется учащимися и как однородное сказуемое, соотносящееся с одним и тем же подлежащим в неполном предложении, и как однородное сказуемое в безличном предложении. Проблема эта остается нерешенной в лингвистической науке. В практике обучения такие конструкции рассматриваются нами как варианты пунктуационного оформления (через точку или через запятую).

Методическая задача формулировалась для учащихся вопросом: что значит понимать текст. Школьникам предлагалось прочитать отрывок из произведения А. Толстого, представленный ниже, и обозначить цифрами абзацы; найти предложение, содержащее обобщающий смысл (5 абзац); объяснить, как это предложение связано с абзацами текста (1.2.3.4); какой абзац текста соотносится со словосочетанием «ненавистные собаки»; о каких «самоотверженно накинувшихся на полицейских собак» зверях и насекомых говорится в 3 и 4 абзацах.

... все втроем покатались клубком. Артемон щелкал челюстями, драл когтями. Бульдоги, не обращая внимания на укусы и царапины, ждали одного: добраться до Артемонова горла – мертвой хваткой. Визг и вой стояли по всему полю.

На помощь Артемону шло семейство ежей: сам еж, ежиха, Ежова теща, две ежовые незамужние тетки и маленькие ежята.

Летели, гудели толстые черно-бархатные шмели в золотых плащах, шипели крыльями свирепые шершни. Ползли жужелицы и кусачие жуки с длинными усами.

Все звери, птицы и насекомые самоотверженно накиннулись на ненавистных полицейских собак.

Коммуникативно-значимые знаки препинания в нашем исследовании рассматривались и на фоне нормативных знаков, которые представлены в тексте А. Толстого.

Учащиеся получают сведения о том, что текст, как правило, содержит более одного элемента информации, в тексте может быть несколько «идей», под которыми понимаются описания событий, состояний, участников ситуаций. В таких случаях отношения между темой текста, коммуникативной задачей и оценкой ситуаций усложняются. Подобные тексты называются политематическими. В отличие от монотематических фрагменты таких текстов построены из нескольких предложений. Текст строится как развертывание смысла какого-либо слова, словосочетания, предложения. Последовательность смысловых элементов составляет логическое строение текста, следовательно, в таких текстах разную роль выполняют и знаки препинания.

Методическая задача формирования понятия «целостности» текста как коммуникативной единицы решалась на уроках следующим образом. Соотношение смысла, коммуникативной задачи и авторской оценки текста определялось в их связях с текстообразующими категориями. После прочтения текста «Силач» М. Пришвина учащимся предлагалось ответить на вопросы: какое коммуникативное воздействие на читателя хотел, по-вашему, оказать автор текста или что хотел передать; о чем хотел, чтобы читатель задумался; какова роль пунктуационных знаков в оформлении текста.

Силач

Земля, разрыхленная муравьиной работой, сверху покрылась брусникой, а под ягодой зародился гриб и, мало-помалу напирая своей упругой шляпкой, поднял вверх над собой целый свод с брусникой, и сам, совершенно белый, показался на свет.

С заданием справились 100% учащихся. Идея текста была определена как «сила жизни».

Школьникам было предложено обозначить свое понимание смысла художественной миниатюры словами из текста. «Смысловое ядро» обозначалось учащимися по-разному: это *земля, разрыхленная муравьем, - брусника – свод брусники – гриб – белый*; это *силач – белый гриб –упругая шляпка - поднял вверх целый свод брусники*.

В ходе обсуждения вариантов решения отмечались удачные (*свод брусники поднят*) и неудачные (в первом случае за силача был принят муравей).

Школьникам предлагалось найти слова в тексте, объясняющие ошибку в толковании смысла – муравьиная работа. Притяжательное прилагательное было принято за обозначение не семьи муравьев, а всего лишь муравья.

Итак, в ходе работы была определена тема текста и слова, ее обозначающие. Содержание коммуникативной задачи, или коммуникативного воздействия на читателя, учащиеся определяют исходя из ситуации, на которую обращает наше внимание автор. Писатель не просто предлагает посмотреть на ситуацию, он выражает эмоциональную оценку такой «картинки мира». Выделяются наиболее сильные слова текста, передающие реакцию автора на ситуацию: *белый гриб – силач*. При этом внимание учащихся особо обращается на прилагательное *белый* и его пунктуационное оформление. В данном тексте прилагательное выполняет две функции: название гриба и название его цвета.

Одним из параметров текста является его структурность, под которой понимается наличие весьма разнообразных связей между единицами текста. Выделяются связи контактные и дистантные, анафорические и катафорические, смысловые и формальные, логические и т.д.

В обучении русскому языку в школе предметом наблюдения являются, как правило, не сущностные характеристики подобных связей, а лишь средства их выражения. Это повторы, соотношение глагольных времен, прономинализация, синтаксический параллелизм, акцентное выделение, вводные слова и некоторые другие. Соответственно необходимые при этом знаки препинания рассматриваются лишь с формальной их стороны. Показательным примером этого служат наставления учителя ставить запятую, например, перед союзами а, но. В нашем исследовании делается акцент на смысловое отношение, обозначенное знаками препинания, в ряде случаев они совпадают с грамматическими условиями постановки знаков препинания, в других же случаях они носят коммуникативно-прагматический смысл.

Осмысление и ментальная репрезентация содержания текста обозначены в программе опытного обучения системой функций знаков препинания: пунктограммами, служащими членению текста на ССЦ, предложения и высказывания; пунктограммами, обозначающими выделение структурно-смысловых компонентов текста; пунктограммами, обозначающими нулевые словоформы и пропуск членов предложения; пунктограммами, отделяющими члены предложения и части сложных предложений. Отмеченные функции соотносятся с основными линиями членения письменной речи и графическими способами ее оформления.

Библиографический список

1. Большая советская энциклопедия.- М., 3 изд., т. 23, 1976.

2. Москальская О.И. Грамматика текста. – М.,1981.
3. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. – М.,1983.
4. Гальперин И.Р. Грамматические категории текста. – ИАНСЛЯ, 1977, №6.
5. Дымарский М.Я. Говорящий и слушающий: языковая личность, тексты, проблемы и обучение. – Санкт – Петербург, 2001.

Е. Г. Шевяков (Россия)

**Нижегородский государственный
университетим. Н.И. Лобачевского**

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ: ВОСПРИЯТИЕ КАТЕГОРИИ ГЕРОИЧЕСКОГО В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Проблема героического в современной культуре включает в себя два вопроса. Первый вопрос: что может сказать о *сущности* героического серьезная наука (эстетика, философия, литературоведение) и как героическое реализуется в настоящем искусстве. Второй вопрос: как героическое усваивается и трансформируется в так называемой *массовой культуре*, экспансия которой становится все более интенсивной.

В современной науке можно выделить несколько подходов к определению героического. *Ритуально-мифологическая школа* выделяет некий «инвариант» сюжета о приключениях героя как отражение разнообразных обрядов перехода (*rites de passage*). В книге Дж. Кэмпбелла «Тысячеликий герой» (в 1997 г. издана сразу двумя издательствами) этот «инвариант», названный «мономифом», интерпретируется в понятиях психоанализа, как «символическое выражение бессознательных желаний,

страхов и конфликтов, лежащих в основании сознательных моделей человеческого поведения» [1,С.254], призванное «служить для перевода смысла переломных моментов в жизни и деяниях индивида на язык классических, безличных форм» [1.С.371] (здесь ритуально-мифологический подход совмещен с *психоаналитическим*). Еще один подход можно назвать «*эстетическим*» – суть его в поиске определения героического дедуктивным путем (такой подход был в целом характерен для советской эстетики). Существуют также исследования историко-литературного характера, где определение героики формулируется *индуктивно*, на основе широкого историко-литературного материала, и поэтому верно улавливает существенные черты категории героического, характерные для какой-либо эпохи. Такое определение героического дает, например, В.Я.Пропп в своей книге «Русский героический эпос» [2.С.6].

В последнее время стало модным исследовать героическое не с точки зрения его объективной сущности, а в свете восприятия героического (и героев как его носителей) в массовом сознании, где герой превращается в одну из современных мифологем [3]. Такой подход берет начало в концепции Т.Карлейля, противопоставлявшего героев – великих людей, творцов истории – остальным людям, неспособным видеть истину. Теория Карлейля, идеалистическая, как и вся романтическая философия, является классической концепцией героического для западной философской мысли. После того, как теории о великих людях нашли свое крайнее воплощение в фашизме и были таким образом дискредитированы, она сохранила свое значение, поскольку герой Карлейля – скорее учитель, нежели властелин (с теорией Карлейля имеют определенное сходство взгляды Х.Ортега-и-Гассета на роль «массы» и «меньшинства» в истории), – но внимание западных исследователей переместилось с личности героя на тех самых «остальных» и на их восприятие героя и героического.

Можно видеть, что все эти определения имеют в той или иной степени ограниченный, аспектный характер. Ритуально-мифологическое, психоаналитическое и «эстетическое» направления создают, по сути, функциональные концепции героического, объясняя его взаимодействие с ритуалом, с коллективным бессознательным, с другими категориями эстетики. Определения, подобные предложенному В.Я.Проппом, верно улавливают сущность героического, но только для определенной эпохи. Определения, которое бы учитывало как эстетическую функцию героики, так и архаический первоисточник этой категории и ее многовековое развитие, пока не существует. Эта ситуация немного парадоксальна, ведь отдельные аспекты категории героического уже достаточно изучены.

Существующие исследования указывают на ритуалы человеческого жертвоприношения как на архаический источник героики [4] и позволяют выделить несколько этапов развития категории.

1. Героизм «культурного героя», одушевленный пафосом первых побед человека над природой, соединивший жертвенность с активностью, с подвигами одного человека во имя других. Культурный герой – это мифологическое обобщение человеческого родо-племенного коллектива и его творческой деятельности, это древнейший герой фольклора. По мере превращения первобытного мифа в религиозную легенду он может стать персонажем божественного порядка. На другой линии эволюции словесного искусства, в поэтическом народном творчестве, он становится эпическим героем [5.С.31].

2. Классический героизм европейских (в частности, античных) эпосов, соединяющий пафос упорядочения мира, утверждения государственности как идейную составляющую и пафос собственности как социально-экономическую подоплеку. Гегель писал об античных героях: «Цель их – правовая, необходимая и государственная, и они осуществляют эту цель как свое личное дело. Герои, основывавшие государства, введшие брак и

земледелие, не делали этого, разумеется, как признанное право, и эти действия представляются еще как их особенная воля...»[6.С.112]

П. Лафарг, исследуя происхождение героического идеала, показал связь моральных норм героического в Древней Греции с социальной базой, лежавшей в основании этого общества. «Собственность ... требовала от своего владельца определенных физических и моральных качеств; самый факт владения собственностью заставлял предполагать, что владелец обладает доблестями героического идеала...» [7.С.88–90]

3. Средневековый героизм рыцарского служения, впервые кодифицировавший героический идеал в представлениях о куртуазии, характерных для стран Западной Европы и имевших большое значение не только для рыцарства, но и для других сословий [8.С.19; 9.С.3–4]. Кодификация героического идеала вносит в содержание категории момент рефлексии, осознанного выбора в пользу героического самоопределения. Но этот момент не имел еще того определяющего значения, которое он приобретет на следующей стадии развития категории.

4. Героика Нового времени – «героика чести». Разрушение устоявшегося феодального уклада жизни, произошедшее в эпоху Возрождения, привело к тому, что человек оказался в новой героической ситуации, когда все определялось исключительно его субъективностью, но старая система «вечных религиозных и нравственных отношений» была разрушена. Именно поэтому Гегель отказывал героизму чести в праве называться подлинным героизмом. «...Масштаб чести определяется не тем, чем человек является в действительности, а тем, что содержится в этом представлении»[10.С.271].

Современные исследователи, соглашаясь с Гегелем в понимании сущности героизма чести, все же признают эту историческую модификацию героики высшей на данный момент [11.С.104–105]. С этим нельзя не согласиться. Героика чести представляет собой высший до

настоящего времени тип героического в силу того, что выбор в пользу героического самоопределения совершается *личностью*, осознающей себя как таковую, и совершается абсолютно *осознанно*. Но следует учитывать, что обратной стороной медали является *ценностный релятивизм*, характерный для героики нового времени.

Можно видеть, как постепенно усложнялось то содержание, что заключено в категории героического, по мере развития человеческого сознания и общественных отношений, и, соответственно, искусства как отражения многообразных форм бытия. Современный этап развития категории требует изображения не просто активно действующего героя, совершающего подвиги во имя других людей, героя, чьи субъективные устремления находятся в живом гармоническом единстве с высшими, надличными ценностями – это должен быть глубоко личностный, психологически достоверный характер, совершенно осознанно делающий выбор в пользу героического самоопределения.

Таковыми мы и видим героев в лучших произведениях искусства. К их числу относятся многие персонажи «Войны и мира», «Тихого Дона» (трагедийность характера Григория Мелехова состоит как раз в том, что, имея все задатки героя, он не может выбрать, с кем идти – с красными или с белыми: ни один путь не отвечает устремлениям его души; свой же особенный путь оказывается невозможным) и других произведений. Однако задача создания таких образов под силу только истинным художникам. Поэтому в советскую эпоху, хотя и существовал социальный и государственный «заказ» на образ положительного героя, мало у кого этот образ получался художественно убедительным. Писатели-ремесленники (сейчас им подобные наводняют книжный рынок фантастикой и детективами, рассчитанными на «массового читателя») не справлялись с созданием такого характера, выписывая один за другим

клишированные образы, составленные из идеологически выверенных штампов.

Здесь мы вторгаемся в область массовой культуры, но рассмотрение российской ситуации пока отложим, обратившись к современному состоянию масс-культуры на Западе; в качестве наиболее яркого примера мы возьмем голливудский кинематограф.

Героическое здесь было воспринято (и приспособлено для нужд масс-культуры) прежде всего фильмами жанра action – т.е., «боевиками» и приключенческими лентами, а также фантастикой и fantasy. На примере наиболее кассовых голливудских кинолент последних двадцати лет можно выделить основные типы героев, воспроизводимые достаточно регулярно.

Наиболее распространенный тип героя очень метко характеризует сленговое выражение «без башни». Другими словами, это персонаж, девизом которого является: «Больше дела, меньше слов» – при этом моральные ограничители и инстинкт самосохранения выражены достаточно слабо, зато хорошо развито чувство юмора, демонстрируемое к месту и не к месту. Как правило, герой обладает красивой (по голливудским стандартам) внешностью и пользуется успехом у противоположного пола. По роду занятий такой персонаж обычно бывает виртуозом-полицейским (вариант – секретным агентом), виртуозом-преступником (зачастую один и тот же актер играет в одном фильме полицейского, в другом преступника, типаж при этом практически не меняется; хороший пример – роли Брюса Уиллиса в фильмах «Крепкий орешек» и «Гудзонский ястреб») или же просто искателем приключений, человеком без определенных занятий.

Второй тип героя можно определить словом «супермен». Это, как правило, тот же суперполицейский или суперпреступник, но уже в «серьезном» варианте. Очень сильный, очень смелый, любой ценой

добивающийся цели – будь то поимка преступника или незаконное присвоение огромной суммы денег.

Следующий тип очень напоминает «супермена», но физическая сила здесь замещается некими фантастическими способностями (Супермен, Человек-Паук, Бэтмен и т.д.). Этот тип героя пришел в кино из комиксов, составляющих значительный пласт американской масс-культуры.

Четвертый тип героя – вообще не человек. Это или робот, или киборг, или инопланетянин, или «земное» существо вроде вампира или оборотня (образы заимствуются из верований любых народов мира). Если в этом ряду и встречаются люди, то это существа вроде Франкенштейна (современная вариация – продукт генной инженерии). Естественно, в силу своей сущности эти герои также обладают набором сверхспособностей, отличающих их от обычного человека. Людей такие персонажи воспринимают, как правило, как объект охоты (для выполнения некоего задания, для поддержания своей жизни или просто для развлечения).

Как можно видеть, от первого к четвертому типу герой постепенно приобретает качества, выделяющие его из «толпы», так что с определенного момента может называться «сверхчеловеком», далее же превращается в не-человека, другими словами – в нелюдя. Причем удельный вес фильмов с участием героев третьего и четвертого типов постепенно возрастает, даже снимаются такие картины, как «Чужой против Хищника», «Другой мир», где сражаются уже не люди против пришельцев или чудовищ, а чудовища или пришельцы между собой. Такая ситуация уже позволяет назвать подобных не-людей новым «эстетическим идеалом» масс-культуры.

Если рассматривать «героев» масс-культуры в соотнесении с содержанием и этапами развития категории героического, то причины их художественной несостоятельности вскроются очень легко. Во-первых, они, в силу самой сущности масс-культуры, представляют собой набор

штампов, выверенных уже не идеологически, а, так сказать, «экономически» – с учетом вкусов платежеспособного зрителя. Иногда талантливому актеру удается своей игрой отвлечь зрителя от клишированности персонажа – такое мы можем увидеть и в некоторых экранизациях советских «производственных романов». Но второй недостаток таким образом исправить нельзя. Он заключается в том, что перечисленные типы героев могут быть соотнесены, и то с натяжкой, только с прошлыми этапами развития героики. Герой первого типа, с его балаганными трюками, может быть (еще раз отметим – с натяжкой) сопоставлен с мифологическим образом трикстера (один из вариантов культурного героя). С еще большей натяжкой можно сопоставить бандитов и героев античности, которым тоже приходилось силой отстаивать свое право на собственность – другое дело, что эту собственность создавали сами герои, не гнушавшиеся обыденным трудом...

Такой принцип освоения героического вытекает из сущности массовой культуры: «“Массовая культура” всеядна. Она создает определенный тип восприятия, который и серьезные явления культуры воспринимает в упрощенном, девальвированном виде. Структура этого восприятия устанавливается с помощью многократного повторения одних и тех же образов и сюжетов. Поэтому любое другое произведение воспринимается уже как знакомое, равнозначное уже известному, заранее заданному стереотипу восприятия». [12.С.41]

Современный человек, подчеркнем, может признать героем лишь того, кто удовлетворяет современному состоянию категории – т.е. современному этапу развития человеческого сознания. Масс-культура же, оперируя набором устойчивых штампов, примитивизирующих культурное содержание, ориентируется на потребителя с невысоким уровнем образования, склонного к мифологическому типу мышления [12.С.34-36].

Российская масс-культура сегодня в целом следует американскому образцу. В современном российском кино можно обнаружить те же самые расхожие типажи. Герои со сверхъестественными способностями только начинают появляться (см. далее о фильме «Ночной Дозор»), но заимствуются уже не из комиксов (традиции комиксов у нас нет – в настоящее время она механически привносится с Запада), а из западной массовой культуры.

Героев первого и второго типов в современных российских кинофильмах и телесериалах предостаточно, причем до последнего времени бандиты резко преобладали, особенно в кино. Фильмы «Бумер», «Даже и не думай», телесериал «Бригада» имели огромный успех, снимаются продолжения и новые картины в том же стиле. Милиционеры и военные, честно выполняющие свой долг, на протяжении практически всех 1990-х гг. в российском кино появлялись эпизодически, ситуация начала меняться только в последние несколько лет.

Особое слово следует сказать о картинах на военную тематику. Первый после долгого перерыва фильм о Великой Отечественной войне – «Я – русский солдат» (1995) – по сравнению со своим первоисточником – повестью Б.Васильева «В списках не значился» – оказался просто бездарным, несмотря на затраченные усилия съемочной группы и талантливую работу актеров. В сюжете фильма отсутствует практически вся «личная война», которую герой книги вел, уже оставшись в одиночестве в подземельях Брестской крепости. Так что финальная фраза главного героя в ответ на вопрос об имени и звании: «Я – русский солдат», – повисает в воздухе, не поддержанная конкретным содержанием картины; для человека, не знакомого с книгой Васильева, персонаж выглядит не героем, а эскапистом.

Кинофильм «Звезда» (2002) по повести Э.Казакевича, напротив, является несомненно удачным с точки зрения реализации категории

героического (отдельные художественные просчеты в нем относятся к другим моментам). Если это и масс-культура, то очень высокого уровня.

В 2004 г. в кинотеатрах триумфально прошел «Ночной Дозор» – добротное сделанное подражание голливудским картинам, снятое по сюжету российского фантаста С.Лукьяненко. Успех этой картины говорит о том, что теперь и в российском кинематографе будут более или менее регулярно появляться «отечественные» вурдалаки, оборотни и супергерои. Но для проблемы, вынесенной в заголовок статьи, гораздо больше может дать анализ самой трилогии С.Лукьяненко («Ночной Дозор», «Дневной Дозор», «Сумеречный Дозор»).

Главный герой этой трилогии пришел из раннего творчества братьев Стругацких: это, так сказать, «рефлексирующий супермен», в экстремальной ситуации пытающийся найти выход, наиболее верный с нравственной точки зрения, сомневающийся по поводу правомерности применения своей силы и испытывающий душевные страдания, если приходится поступать в соответствии с принципом «цель оправдывает средства». В финале «Сумеречного Дозора» этот герой смиряется с тем, что не может ничего изменить в мире (причем смиряется весьма буднично), а на его место фактически заступает другой персонаж, весьма похожий на «безбашенного» героя голливудских картин (к примеру, в одной из критических ситуаций этот персонаж предлагает заточить на вампира коробок осиновых спичек). Такая смена типажа весьма символична. Герои, пришедшие из лучших образцов советской фантастики, современной масс-культуре просто не нужны. У нового времени – новые герои.

Особняком среди популярной книжной продукции последнего десятилетия стоит *fantasy*-цикл М.Семеновой о Волкодаве. Первая книга («Волкодав», 1995) имела огромные успех, последовали продолжения, в

итоге цикл составил пенталогию (фактически – тетралогию, где четвертая книга разбита на две части издателем из коммерческих соображений).

Семеновой удалось создать по-человечески привлекательный и психологически убедительный образ героя – героя в возвышенном значении этого слова, героя, отвечающего современному состоянию категории героического. Fantasy-мир, в котором он действует, свободен от большинства штампов этого жанра. Личные качества героя мотивированы сюжетно (обычно в fantasy они изображаются как данность или же мотивируются весьма схематично), нравственная позиция лишена ходульности.

К сожалению, в продолжениях М. Семенова не смогла выдержать этот стиль первого романа (более всего ему соответствует третья часть – «Волкодав: Истовик-камень» – фабульно это предыстория первого романа, – но этой книге все же не повторить судьбы куперовского «Зверобоя»). Появились fantasy-штампы в прорисовке фантастического мира, в сюжетных мотивах, в образах персонажей. Даже финал всего цикла, сам по себе художественно яркий, вырастающий из всей судьбы главного героя, все же не соответствует стилю первого (и лучшего) романа. В первом «Волкодаве» действует обыкновенный человек – пусть прошедший исключительные жизненные испытания, но человек, в реальность которого хочется поверить и который мог бы стать новым типом положительного героя. В пятой книге герой – уже не совсем человек (еще во второй книге М. Семенова вводит мотив оборотничества, связанный с тотемистическими представлениями древних народов), и это сразу делает образ фантастически-условным, несмотря на то что на протяжении всего цикла характер Волкодава сохраняет психологическую убедительность и претерпевает некоторое развитие.

В данный момент по мотивам первого романа о Волкодаве снимается художественный фильм, но, каким он будет, сказать пока трудно.

Итоги вышеизложенных размышлений по поводу судеб героического в современной культуре можно сформулировать в следующем резюме:

1. Героическое – сложная и древняя категория, прошедшая путь развития от архаического ритуала человеческих жертвоприношений до современной героики осознанного самопожертвования во имя надличных ценностей. В лучших образцах современного искусства мы видим глубоко личностные характеры героев, делающих осознанный выбор в пользу героического самоопределения.

2. Массовая культура, осваивая героическое, упрощает и примитивизирует содержание этой категории. Способом такого упрощения является изображение героев, более близких к прошлым историческим вариантам категории (соответствующим более примитивным стадиям развития человеческого сознания), нежели к современному. Таких примитивных героев проще изобразить средствами масс-культуры, и они лучше соответствуют тому типу сознания, на который ориентируется массовая культура. Прослеживается также тенденция к формированию нового «эстетического идеала» масс-культуры – не-человека.

3. В России ситуация пока что несколько отличается от западной. Это связано с традициями советской популярной культуры, что можно видеть на примере некоторых произведений С. Лукьяненко, или же с индивидуальным талантом писателей (М.Семенова). Но общая тенденция, зафиксированная в лучших образцах современной российской масс-культуры, направлена в сторону унификации российской массовой культуры по западному образцу.

Библиографический список

1. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. Пер. с англ. / Дж.Кэмпбелл. – М.: Рефл-бук, АСТ, К.: Ваклер, 1997. – 384 с.

2. Пропп В. Я. Русский героический эпос. (Собрание трудов В. Я. Проппа.) Комментирующая статья Н. А. Криничной. Составление, научная редакция, именной указатель С. П. Бушкевич. – Издательство «Лабиринт», М., 1999. – 640 с.
3. Туркина В. Г. Мифологема героя и массовое сознание. Автореф. дис... канд. филос. наук: 09.00.11 / Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2001
4. Гуревич А. Я. О природе героического в поэзии германских народов / А.Я.Гуревич // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1978, №2 (т. 37).
5. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. (Ранние формы и архаические памятники) / Е.М.Мелетинский. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963. – 465 с.
6. Гегель Г. В. Ф. Соч. в 14 тт. / Г.В.Ф.Гегель. – М., 1929–1958. – Т.7.
7. Лафарг П. Сочинения / П.Лафарг. – М.–Л., 1931. – Т.3.
8. Косиков Г. К. Средние века // История французской литературы: Учебник / Л. Г. Андреев, Н. П. Козлова, Г. К. Косиков. – М.: Высшая школа, 1987.
9. Краснов И. А. Этические идеи в Англии второй половины XVI века (куртуазно-рыцарская традиция). Автореф. дис... канд. историч. наук: 07.00.03 / С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 1998.
10. Гегель Г. В. Ф. Эстетика: В 4-х т. / Г.В.Ф.Гегель. – М.: Искусство, 1968–1973. – т. 2.
11. Тюпа В. И. Художественность литературного произведения. Вопросы типологии / В.И.Тюпа. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1987.
12. Шестаков В.П. Мифология XX века: Критика теории и практики буржуазной «массовой культуры» / В.П.Шестаков. – М.: Искусство, 1988. – 224 с.

Н. Б. Шубаева

**Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова**

**ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «СВОЙ – ЧУЖОЙ»
В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ,
ОБЪЕДИНЕННЫХ ИДЕЕЙ ДОМА КАК БАЗОВОЙ
ЦЕННОСТИ РУССКОГО СОЗНАНИЯ**

Концепт «свой – чужой» получил широкое распространение в смысловом пространстве русской культуры, которая представлена в памяти народа в виде паремиологических единиц – «жемчужин устного народного творчества», содержащих в концентрированном виде духовно-нравственный и этический опыт народа. В них активно символизируются наиболее ценностные компоненты действительности. Тематика пословиц тесным образом связана с человеком, его социокультурными и индивидуальными характеристиками.

Пословицы с оппозицией «свой – чужой» в содержательном аспекте несут глубинный смысл и представляют собой истолкование оппозиции «внутренний - внешний» в более широком плане. Понимание глубинного смысла пословиц сопровождается осознанием их эмоционального компонента, системы моральных, этических и эстетических предпочтений индивида или социума.

Оппозиция «свой – чужой», присутствующая в семантическом пространстве русского языка в таких сферах, как дом, семья и родина, рассматривается нами с точки зрения ее содержания и способа выражения.

«Дом» как многомерный образ человеческого сознания связывается с семьей, отражающей быт русского народа и являющейся ключом к раскрытию национального характера, и отечеством. Каждая группа включает в себя систему семантических оценочных оппозиций.

1. **Своя мазанка лучше чужой горенки.**
2. **Хижина своя лучше каменных чужих.**
3. **Хорош угол, да чужой, плохой, да свой.**
4. **А домик-то хоть гнилой, да свой.**
5. **Свой уголок – хоть боком пролезть, а все лучше.**

Концептуальный смысл анализируемых пословиц связан с эмоциональным отношением к родному, с предпочтением своего перед чужим, каким бы оно ни было.

Концепт представлен эмоционально-окрашенными лексемами *домик*, *уголок*, *горенка* и лексемами *мазанка*, *хижина*, *угол*, выраженными именами существительными в независимой синтаксической позиции, а также прилагательным *каменных* в зависимой.

Анализ словарных толкований названных лексем позволил выделить признаки, определяющие их сочетаемость – жилье и место.

Дом – «жилое здание, свое жилье, место, где живут люди» [1.С.174];

мазанка – «дом, хата из глины или обмазанного глиной дерева» [1.С.338];

горенка – «комната, расположенная в верхней части дома») [2.С.110];

угол – «место, где можно жить» [1.С.824];

каменные – «большое, богатое здание, помещение [1.С.489], а *здание* – «постройка, дом» [1.С.227].

Лексемы объединены семой «место обитания».

В первом случае порядок слов актуализирует лексему *своя* – притяжательное местоимение со значением «принадлежащий себе, собственный, составляющий чье-либо достояние, родной» [1.С.704]. Во втором случае изменение порядка следования компонентов предложения способствует логическому выделению субъекта *хижина* со значением «небольшого бедного домика» [1.С.861]. Абстрактно-оценочный предикат в предложениях компаративного характера выражен формой сравнительной степени прилагательного *лучше* и содержит аксиологическую оценку предметов сопоставления. Противопоставление в первом случае осуществляется по признаку посессива «свой – чужой». Во втором случае противопоставление лексем *хижина* – *каменных* осложнено неполнотой фразеологизованного сочетания *каменные палаты*.

Контрастность дана по сословной характеристике хозяев жилищ (бедный – богатый) и по качественной характеристике жилья (большой – небольшой), представленного значимыми для русской культуры объектами.

В предложении со стилистически маркированным союзом *да* аксиологическая характеристика предикатов *хороший* – *чужой*, *плохой* – *свой* осложнена уступительными противительными отношениями.

Это же значение подчеркнутого противопоставления выражено и в простом предложении с предикатом-квалификативом *гнилой* – качественным прилагательным с уступительным союзом *хоть*.

В сложном предложении оценочный предикат *хоть боком пролезть*, имеющий уступительное значение, актуализирует признак маленького, тесного помещения, так как глагол *пролезть* имеет значение «влезать, продвигаясь, с трудом проникнуть куда-нибудь» [1.С.614]. Данный признак имеет общеоценочный характер суждения, выражаемый устойчивым оборотом в форме сравнительной степени прилагательного *лучше* со словом *все*.

Сопоставляемые лексемы *мазанка - горенка, хижина - каменные, свой- чужой* выражают как объективный, так и субъективный характер оценки: аксиологические предикаты общей оценки (холистическая) и частнооценочные (эстетическая оценка). Субъективная оценка подчеркивается уменьшительно-ласкательными суффиксами *-енк-, -ок-*, стилистически маркированными союзами *да, хоть*, характерными для устной речи, и структурной неполнотой предложений.

Значение дома приобретает в пословицах ценностную характеристику по шкале «плохо-безразлично-хорошо» как каузативно-положительная с указанием на посессив. Бытийно-оценочные предикаты с инвариантным значением «быть оцененным положительно или отрицательно с определенной точки зрения» [З.С.119] реализуют семантическую модель «коллективный оценивающий субъект – оцениваемый объект – оценка».

1. **Чужая жена – лебедушка, а своя – полынь горькая.**
2. **Ближняя – ворона, дальняя – соколена.**
3. **В чужую жену черт ложку меду кладет.**
4. **Чужая жена всем девицей кажется.**

В данной группе пословиц концептуальной идеей является мысль о предпочтении чужого своему в отношении женщины как супруги.

Концепт представлен ядерной лексемой *жена* – существительным в именительном падеже как в независимой (1,4), так и в зависимой синтаксической позиции (3). Оцениваемый субъект, конкретизируемый коннекторами *чужой – свой, ближний – дальний* приобретает разностатусные оценочные высказывания. Формирование отрицательной/положительной характеристики осуществляется в морально-этическом измерении в виде «пучка признаков».

Положительную оценку субъекту в пословицах с семантической моделью «человек – животное» дает предикат-компаратив *лебедушка* и *соколена*. Анализ словарных толкований названных лексем позволил выделить признаки, определяющие их ассоциативные связи с ядерной лексемой, а именно «ласковое обращение к девушке, женщине» [4.С.137]. Кроме общего толкования, данные лексемы объединены сферой употребления – используются в устном народном творчестве для метафорического описания женщины – и частеречной принадлежностью: они являются именами существительными, называющими птиц по родовому признаку, соответственно пословицы как предложения характеризуются именной структурой. В простом предложении (3) актуализация положительных качеств чужой жены происходит за счет метафоры *черт ложку меда кладет*, в которой лексема *мед* имеет значение «сладкого, густого вещества» [1.С.355] и представлена вариантом падежной формой существительного с сенсорно-вкусовой оценкой.

В простом предложении с составным именным сказуемым *кажется девицей*, лексическое значение которого служит для передачи модального оценочного отношения признака к субъекту и дается с точки зрения говорящего «со стороны», а не от имени самого субъекта, образ чужой жены связан с такими качествами женщины, как молодость и красота (этическая и эстетическая оценка совмещены).

Отрицательный ценностный компонент представлен лексемами *ворона* и словосочетанием *полынь горькая*. В русском народном сознании с образом вороны связано представление о глупом человеке, поэтому данная лексема приобретает символическое значение. В сложном предложении с сопоставительно-противительными семантическими отношениями в фокусе – нравственный аспект социально-коммуникативного поведения субъекта.

Чужая жена приобретает в данных пословицах ценностную характеристику, которая конкретизируется по шкале «хорошо – безразлично – плохо» как хорошая с обозначением внешних показателей.

Сопоставляемые лексемы выражают как объективный, так и субъективный характер оценки, которая подчеркивается структурной неполнотой предложений, вариантной падежной формой существительного *меду*, характерной для разговорной речи, суффиксами субъективной оценки *-ушк-*, *-ен-*.

1. Родная сторона – мать, чужая - мачеха.
2. Родная сторона – колыбель, чужая – дырявое решето.
3. Чужбина – калина, родина – малина.
4. Чужая-то сторонushка не медом полита, а слезами улита.

В данной группе пословиц компаративного характера концептуальной идеей является мысль о том, что нет ничего дороже родины.

Концепт «свой» представлен экспрессивно-эмоциональным словосочетанием *родная сторона*, используемым в разговорной речи в качестве перифраза, который усиливает действенность высказывания путем указания на существенный признак – «свой, близкий по духу» [5.С.1372] и дает психологическую оценку анализируемому явлению; лексемами *мать*, *колыбель*, *малина*, имеющими положительную оценку и актуализирующими разные признаки рассматриваемого концепта.

Предикат-отношение *мать* имеет значение «родная» ([2.С.307] и соотносится с такими признаками, как «близкий, свой, милый, дорогой» [5.С.1370]. Ничего нет для человека в жизни святее материнского чувства. В русском сознании образ матери как символа ассоциируется с защитой, теплом и лаской.

Предикат-сущность *колыбель* аксиологически противопоставлен эмоционально-оценочному предикату *дырявое решето* по качественному признаковому компоненту «надежность \ ненадежность»: лексема *решето* в переносном значении в устойчивых оборотах используется для передачи отрицательной оценки с основным семантическим признаком «бессмысленности чего-либо» [1.С.678]. Коннектор *дырявый* со значением «худой, плохой» [6.С.375] в устойчивых оборотах усиливает выражаемую отрицательную оценку.

Лексема *малина* со значением «сладкой ягоды» [1.С.339], распространенной на территории России, имеет переносное значение «приятный, доставляющий удовольствие» [1.С.728].

Концепт «чужой» представлен эмоционально-экспрессивной лексемой *чужбина* – существительным в независимой синтаксической позиции со значением «чужой страны» [1.С.770], используемой в книжных стилях для создания патетики, а также эмоционально окрашенным словосочетанием *чужая-то сторонушка*, характерным для разговорной речи в связи с использованием частицы *-то* и суффикса субъективной оценки *-ушк-*.

Образ мачехи как злой, враждебной женщины в народном творчестве трактуется однопланово, а именно только как антитеза матери родной. Аксиологически противопоставленные лексемы *мать* – *мачеха* объединены архисемой «родственник» и различаются дифференциальными семами «прямое родство – не прямое».

В сложном предложении (3) субъектно-предикативные пары содержат лексемы, антонимически противопоставленные друг другу по локальной характеристике (*чужбина* – *родина*), осложненной посессивными отношениями, и по качественной характеристике видовых понятий (*калина* – *малина*) с эксплицитной сенсорно-вкусовой оценкой и имплицитной холистической оценкой.

В простом предложении с противительными отношениями (4) концепт представлен эмоционально-окрашенной лексемой *сторонюшка*, коннектор которой – прилагательное *чужой* с частицей *–то*, характерной для разговорной речи.

Порядок следования компонентов актуализирует словоформу *не медом*, в которой отрицание, выраженное частицей *не*, предопределяет противопоставление *не медом – а слезами*. Данные лексемы противопоставлены по признаку «горький – сладкий».

С именами существительными как экспонентами концепта соотносятся причастия *полита*, *улита* со значением конкретного физического действия, различающиеся по степени полноты выражаемого действия, то есть интенсиву.

Значение родины приобретает в пословицах ценностную характеристику по шкале «хорошо – безразлично – плохо» как положительная, в то время как эмоционально-окрашенная лексема *чужбина* имеет антиценностную характеристику. Субъективный характер оценки подчеркивается структурной неполнотой предложения, использованием суффикса субъективной оценки *–ушк-*, частицы *–то*, характерной для разговорной речи.

Концепт «свой – чужой» получает в пословицах яркую полярную оценку в системе нравственных ценностей, демонстрирующей в основном социально-идеологическую позицию субъекта оценки. В плане выражения логико-семантическая категория оценки проявляется на различных языковых уровнях: аффиксальными средствами оценки (суффиксы), лексическими (эмоционально-оценочные слова), синтаксическими (синтаксическая структура, выраженная пропозицией X есть хорошо\плохо). Пословицы построены по констативно-оценочной прагматической модели, основным смысловым компонентом которой является именная часть сказуемого с оценочной характеристикой.

В большинстве пословиц, имеющих форму сложного предложения, на основе антитезы и сравнения устанавливаются сопоставительно-противительные семантические отношения.

Библиографический список

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1999.
2. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Просвещение, 1971.
3. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М.: Высшая школа, 1990.
4. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1986.
5. Толковый словарь русского языка. – М., 1939.
6. Алиева Т.С. Словарь синонимов русского языка. – М.: ЮНВЕС, 1999.

ЯЗЫК. КУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ. ТЕКСТ

Межвузовский сборник научных трудов

Редакторы: Л.П. Шахрова
Н.И. Морозова

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000

Подписано к печати			Формат 60 x 90 1/16.
Печ. л.	Тираж	экз.	Заказ
Цена договорная			

Типография НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
603155, Н. Новгород, ул. Минина, 31а